

1280978

Смерть немецким оккупантам!

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РККА

В ПОМОЩЬ АГИТАТОРУ И ПРЕГАНДИСТУ

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РУССКОГО НАРОДА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ

Смерть немецким оккупантам!

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РККА

В ПОМОДЬ АГИТАТОРУ И ПРОПАГАНДИСТУ

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РУССКОГО НАРОДА

*СОКРАЩЕННЫЕ И ПЕРЕРАБОТАННЫЕ СТЕНОГРАММЫ ЛЕКЦИЙ,
ПРОЧИТАННЫХ НА СБОРЕ ФРОНТОВЫХ АГИТАТОРОВ*

K 1280978

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны
1943

100000

отскано

Γ39

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении всей своей многовековой истории русский народ не раз показывал незабываемые примеры любви к Родине, победоносно отражая нашествия иноземных захватчиков.

В X—XII веках наши предки — славяне вели героическую борьбу с воинственными кочевниками — половцами и печенегами, нападавшими на Русь. В XIII веке русские дружины разгромили немецких псов-рыцарей и шведских баронов. В XIV веке русский народ одержал историческую победу в Куликовской битве над монголо-татарскими завоевателями и затем окончательно сверг монголо-татарское иго.

В начале XVII столетия русский народ нашёл в себе силы, чтобы разбить польско-шведскую интервенцию.

В начале XVIII столетия русская армия на полях у Полтавы разгромила вторгнувшуюся в нашу страну, казалось «непобедимую», шведскую армию. В середине XVIII века русские войска, приняв участие в Семилетней войне против захватнических вожделений немецкой военщины, наголову разбили вышколенную армию Фридриха II и вошли в столицу Пруссии — Берлин.

В историческом 1812 году русский народ и его армия разгромили многочисленные полчища Наполеона.

Во время героической обороны Севастополя в Крымской войне 1853—1856 годов, на полях сражений первой мировой войны — всюду и всегда русские солдаты показывали образцы стойкости, мужества, храбрости и геройства.

В Отечественной войне 1918—1920 годов против нашествия немецких и иных интервентов и внутренней контрреволюции народы Советской России под руководством партии Ленина — Сталина в геройской самоотверженной борьбе сумели отстоять честь, свободу и национальную независимость молодой Советской Родины.

Таковы основные этапы славного, героического военного прошлого русского народа.

В огне сражений Великой отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков с новой, огромной силой возродились славные русские боевые традиции.

В своей речи на Красной площади 7 ноября 1941 года Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин, обращаясь к воинам Красной Армии, сказал:

«Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Героическое военное прошлое русского народа, победы великих русских полководцев воодушевляют всех воинов доблестной Красной Армии, с величайшим мужеством, выдержанностью, стойкостью и самоотверженностью отстаивающей честь, свободу и независимость нашей Советской Родины.

В подвигах воинов Красной Армии, сражающихся против немецких захватчиков, живут подвиги славных дружинников Александра Невского, 700 лет тому назад разгромивших немецких псев-рыцарей. Герои ожесточённых боёв с гитлеровскими полчищами выступают как славные потомки бессмертных богатырей Димитрия Донского, победивших полчища татаро-монгольских завоевателей в исторической битве на Куликовом поле. Воины Красной Армии с новой силой возродили немеркнущие подвиги героев Бородина.

Чувство русской национальной гордости, чувство пламенного советского патриотизма ярко горит в сердцах воинов Красной Армии, вдохновляя их на новые геройские подвиги в огне решающих сражений против ненавистного врага.

Воспитанию чувства священной национальной гордости посвящены страницы этой книги, рассказывающей о славном прошлом русского народа, о его великих героических традициях.

Книга представляет сборник переработанных и сокращенных стенограмм лекций, прочитанных на собре фронтовых агитаторов Красной Армии 5 апреля — 5 мая 1943 года.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ЕГО ПОБЕДЫ НАД ШВЕДАМИ И НЕМЦАМИ

В своей речи на Красной площади 7 ноября 1941 года Верховный Главнокомандующий вооруженными силами Маршал Советского Союза И. В. Сталин призывал советских воинов вдохновляться мужественным образом наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

Все они были устроятелями русской земли, созидателями её государственной моцти, стражами её политической независимости. Их подвиги, их беспримерные дела как нельзя лучше опровергают клеветническое утверждение Гитлера, что будто бы не государственные дарования славянства, а германские элементы дали силу и крепость нашей великой русской державе.

Эта клевета, понадобившаяся фашистам для обоснования своих захватнических планов, нашла себе благоприятную почву в работах М. Н. Покровского. Как сам Покровский, так и его последователи готовы были рассматривать всякое иноземное нашествие и закабаление русского народа чужестранными захватчиками как явление «прогрессивного» характера. Так они расценивали не только интервенцию с Запада, но и вторжения чингисхановых и батыевых орд. Те из учеников Покровского, которые были разоблачены как враги народа, сознательно подводили историческую базу под преступные планы расчленения и уничтожения Советского Союза, разработанные Гитлером и его приспешниками.

Вся так называемая «школа» Покровского намеренно замалчивала патриотизм наших предков, их боевую доблесть в борьбе за независимость нашей Родины, в частности, ни единим словом не обмолвилась о героической борьбе русского народа в XIII веке с монголо-татарами нашествием Багяя и с вторжениями немецких и шведских псов-рыцарей.

I

Первым в ряду наших великих предков товарищ Сталин назвал Александра Невского, доблестного защитника русской земли от шведов и немцев в XIII веке.

Чтобы понять громадное историческое значение личности и деятельности Александра Ярославича Невского и особенно его блестящих побед над шведами и немцами, надо прежде всего уяснить то положение, в котором находилась наша страна 700 с лишком лет назад.

Это была эпоха феодального раздробления. Некогда большое Киевское государство распалось на множество мелких княжеств-уделов, своего рода полугосударств. Так было и в Приднепровье, в пределах нынешней Украины, и на территории современной Белоруссии, по северным притокам Днепра и верхнему течению Западной Двины и особенно в междуречье Оки и Верхней Волги, где сложилась позднее великорусская народность. Процесс феодального раздробления захватил также, правда, в меньшей степени, и обширные владения Великого Новгорода и его младшего брата — Пскова.

Феодалы-землевладельцы, князья и бояре, владевшие уделами и боярщинами, т. е. населёнными территориями, городами и сёлами, заинтересованы были только в том, чтобы удержать в своих руках принадлежавшие им владения или оттянуть что-нибудь у соседа. Об общих интересах страны у них не было никаких помышлений. Раздробленность и расчлененность Руси на множество отдельных, часто весьма мелких территорий, безусловно, ослабляли её сбороносительность.

В «Слове о полку Игореве» — героической поэме конца XII века — говорится по этому поводу так: «Борьба князей с погаными прекратилась, ибо говорил брат брату: «это моё, а то тоже моё». И начали князья про малое «это великое» говорить, и сами на себя крамолу ковать... Тогда по русской земле редко пахари перекликались, но часто вороны каркали, трупы между собой деля...»

Передовая часть русского общества того времени с большой скорбью взирала на усобицы, на бесконечные войны, которыми раздирали русскую землю князья-феодалы.

Автор «Слова», обращаясь к князьям и боярам, тщетно призывал к единству русской земли. Единства уже фактически не было. Князья жили исключительно своими вотчинными, удельными интересами. Эта расчлененность и разобщенность русских княжеств помогла в тридцатых годах XIII века вторгнуться на Русь монголо-татарским полчищам под предводительством хана Батыя.

Надвинувшись с востока, из-за Каспийского моря, орда Батыя обрушилась в 1237—1238 годах на центральную

Владимиро-Суздальскую Русь, на приокские и верхневолжские земли, на современные области: Рязанскую, Московскую, Ивановскую, Ярославскую, Калининскую, а затем в 1240—1241 годах и на южно-русские княжества — Черниговское, Киевское и Галицко-Волынское, т. е. на территорию Украины.

В местах, где проходил Батый, оставались пепелища и пожарища; города были в развалинах, многие из них навсегда исчезли с лица земли.

Только один большой район Восточной Европы не подвергся опустошению во время Батыева нашествия — Новгородско-Псковский, озёрный и болотистый, покрытый густыми лесами край, лежавший в северо-западном углу русских земель того времени.

Не доходя приблизительно 100 километров до Новгорода, Батый повернул обратно. Монгольское нашествие миновало новгородско-псковские земли. Однако на рубеже тридцатых-сороковых годов XIII века и этот край должен был напрягать все свои силы для отпора врагу. Внешняя опасность на Псков и на Новгород надвигалась с другой стороны — с запада, с берегов Балтийского моря. И эта опасность была тем более грозной, что вся остальная Русь лежала в развалинах и истекала кровью после ужасных потрясений Батыева нашествия.

II

На восточном побережье Балтийского моря, на всем пространстве современной Финляндии, Эстонии, Латвии, а также отчасти Литвы и Пруссии, в начале XIII века укрепились проникшие сюда с благословения римской католической церкви немецкие и шведские рыцари-крестоносцы.

В юго-восточную Прибалтику, от устья Вислы до реки Наровы, устремились немцы и датчане; более северные районы Прибалтики, вся современная Финляндия, стали добывчей шведских феодалов, двинувшихся туда из Скандинавии.

Юго-восточное побережье Балтийского моря было издавна заселено племенами ливов, эстов и др.

Из этих племен раньше других вступили в торговые сношения с русскими эсты, жившие по южному побережью Финского залива. Русское влияние среди эстов начинается ещё с первой половины XI века, когда Ярослав Мудрый основал на их земле город Юрьев. Рано началось сближение русских и с ливами, область которых находилась в низовьях

Западной Двины, где уже в XI—XII веках одно из наиболее старинных русских княжеств — Полоцкое — имело свои укреплённые пункты.

О сильном культурном влиянии русских на эстов и ливов можно судить по их языку и быту. Есть даже указания на частичное распространение среди них христианства по восточно-греческому обряду. Тем не менее эсты и ливы сохранили свою независимость. Им приходилось только платить русским князьям дань, и она была не тяжелой.

На территории к северу от Финского залива издавна проживали различные племена; основные из них — сумь, емь и карелы. Ещё в XI веке самое восточное из этих племен — карелы — входило в состав новгородских владений. К началу XIII века Карелия стала неотъемлемой частью территории Великого Новгорода.

Зависимость этих племен от Новгорода, так же как эстов и ливов, не приводила к их порабощению. Новгородцы сохраняли среди них местный уклад жизни и их административный строй. Таких же приёмов колониальной политики Новгород держался и в других местах. Благодаря этому новгородцам при их весьма ограниченных людских ресурсах удалось освоить и закрепить за собой колоссальную территорию — от Финляндии до Уральских гор и от Волги до Ледовитого океана.

Уже в начале XII века с Восточной Прибалтикой, вплоть до самого Новгорода, начинают вести торговлю немцы. Её стремятся захватить в свои руки купцы города Бремена. На острове Готланд ими был основан город Висби, который стал западным центром торговли в Прибалтике. В начале шестидесятых годов XII века немецкие купцы обосновались в устье Западной Двины. Отсюда они проникают не только в Новгород, но и в Полоцк, Смоленск.

Вооруженное продвижение в Восточную Прибалтику начали в XI веке шведы. Это были чисто разбойничий набеги на мирные племена сумь и емь, проживавшие в юго-западной части современной Финляндии.

Свои грабительские экспедиции скандинавские рыцари, подобно другим западноевропейским феодалам того времени, облекли в форму крестовых походов, хотя эти экспедиции были направлены не только против язычников-финнов, но и против русских, давно принявших христианство.

Шведы требовали от покорённых племен дани, поголовного крещения в католическую веру, особых податей для католической церкви и передачи последней земельных угодий;

они вводили по всей стране шведскую администрацию и стремились к превращению местного населения в феодально-зависимых крестьян. Вполне понятно, что всё это вызывало резкий отпор финского населения. В 1158 году финнами был убит шведский епископ Генрих, в дальнейшем та же участь постигла ещё нескольких епископов и других высших представителей шведской католической церкви.

Финны обратились за помощью к новгородцам, которые и сами были заинтересованы в том, чтобы выгнать шведов из Финляндии. В 1198 году новгородцы прошли огнём и мечом по шведским опорным пунктам в Финляндии и осадили замок Або. Замок был взят, а захваченный в нем епископ Фольквин убит. После этого удара шведы долго не могли оправиться.

Одновременно с проникновением шведов в Финляндию юго-восточное побережье Балтийского моря начали завоевывать немцы.

В конце XII века в Прибалтийском крае появляются немецкие католические миссионеры. В 1186 году здесь возникает епископство, возглавляемое августинским монахом Мейнардом и находившееся в зависимости от бременского архиепископа.

Проповедь христианства не имела успеха среди местного населения. Эсты и ливы упорно сопротивлялись, не желая попадать в кабалу к немцам. Тогда в помощь Мейнарду папой был организован крестовый поход. В 1198 году в устье Западной Двины высадилось большое войско крестоносцев из Северной Германии, вместе с которыми прибыл и вновь назначенный епископом в Ливонию после смерти Мейнарда — Бертольд.

Бертольд вскоре был убит ливами, дружно поднявшимися против «апостолов»-поработителей. Однако победа всё же оставалась за крестоносцами.

Бертольда заменил епископ Альберт, этот, по выражению Маркса, «паршивый бременский каноник», вступивший на Ливонскую землю с новым рыцарским ополчением. В 1201 году в город Ригу была перенесена епископская резиденция. После этого вся внешняя торговля Прибалтики оказалась под контролем епископа, который получал с неё большой доход в виде десятины. Полоцкие и смоленские купцы лишины были теперь возможности вести непосредственную торговлю с Готландом.

Для упрочения немецкого влияния в Ливонии Альберт стал добиваться образования нового рыцарского ордена специально для Восточной Прибалтики. В 1202 году с благословения римского папы был основан орден меченосцев. Прекрасно вооружённый, орден явился в руках епископа Альберта мощной военной силой для окончательного покорения всей Ливонии. Ливы, вооружённые лишь стрелами и дротиками, действовавшие к тому же вразброс в силу своей племенной разобщенности, не могли дать рыцарям дружного отпора. В 1208 году земли ливов по нижнему течению Западной Двины были окончательно покорены меченосцами. Население Ливонии, ранее свободное, стало крепостным. В духовных и светских имениях крестьяне отбывали тяжёлую барщину.

Вслед за ливами настехтию меченосцев подверглись и эсты. У эстов были корабли; благодаря им они долго сопротивлялись меченосцам, у которых кораблей не было. Тогда Альберт обратился за помощью к датскому королю. Последний довольно быстро покорил Эстонию. Опорным пунктом своих вооружённых экспедиций датчане сделали город Ревель. К 1228 году закончилось покорение эстов, хотя они и после этого не раз восставали против своих поработителей.

Одновременно с покорением Ливонии немцы-крестоносцы утвердились и в южной части Восточной Прибалтики, на земле пруссов, занимавших территорию от нижнего течения Вислы до устья Немана. Здесь стал орудовать другой немецкий рыцарский орден — тевтонов, приглашённый сюда в 1226 году одним из соседних с Пруссией польских князей — Конрадом Мазовецким.

Маркс даёт яркую картину тех жестоких, кровавых приёмов, которыми тевтоны «приобщали» к благам христианской культуры язычников-пруссов.

«Рыцари» неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают; чужеземные завоеватели проникают в глубь страны, вырубают леса, осушают болота, уничтожают свободу и феодализм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньории и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство»¹.

Героическая борьба пруссов продолжалась полстолетия, но всё же немцам удалось их окончательно поработить.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. V., стр. 342—343.

Оба немецких ордена стремились к одной цели — германизировать обширные пространства на восток от Балтийского моря.

III

Вторжение немецких псов-рыцарей в Восточную Прибалтику представляло собой непосредственную опасность и для русских земель, в частности для Полоцкого княжества и Новгородско-Псковского края. Уже захватом Герцыке и Куконойса, двух укреплённых пунктов по нижнему течению Западной Двины, принадлежавших полоцким князьям, меченосцы политически сильно ослабили Полоцкое княжество. В связи с этим произошло подчинение Полоцка Смоленску. В 1223 году объединёнными усилиями этих княжеств немцам был преграждён путь на Русь.

Ещё раньше в борьбу с Ливонским орденом вступил Новгород. В 1214 году в Чудскую землю, как русские называли Эстонию, предпринял поход с пятнадцатицентным войском новгородский князь Мстислав. Известен также поход новгородцев на Ригу в 1216 году. Под 1217 годом летописи сообщают о битве с немцами соединённых ополчений новгородцев и псковичей: «И убиша две воеводе, а третьего роуками яша, а коней отняли 700, и прииодаши вси здрави». После этого рыцари вынуждены были заключить с Новгородом мир.

Но уже в 1220 году немцы опустошали окрестности Пскова и принуждали захваченных в плен православных к переходу в католичество.

Наступление на Русь татар из Азии и битва на Калке, где в 1223 году южно-русские князья потерпели поражение, были использованы орденом для вторжения в Новгородскую землю. Орден стремился отомстить Новгороду за ту помощь, которую последний не раз оказывал эстам в их упорной, героической борьбе против немецких и датских крестоносных ополчений. Однако новгородцы быстро прогнали немцев и, преследуя рыцарей, достигли владений ордена. Вступление новгородцев в Эстонию немедленно вызвало восстание эстов, расправившихся с немецкими насильниками. У немцев был отбит Юрьев, но в том же 1224 году рыцари снова взяли его. Все героические защитники Юрьева были вырезаны. Новгородцы и псковичи не смогли им своевременно прислать подмогу.

Захватив Юрьев, немцы переименовали его в Дерпт. Они хотели превратить этот город в опорный пункт своего дальнейшего наступления на русские земли.

В 1234 году Ярослав Всеволодович, отец будущего новгородского героя Александра, княживший в Новгороде, совершил с новгородцами большой поход в Эстонию. Рыцари были жестоко побиты. Юрьев вновь обяжался платить дань русским.

Это поражение ливонских меченосцев было одной из причин их дальнейшего объединения с Тевтонским орденом.

Объединение двух немецких рыцарских орденов в конце тридцатых годов XIII века значительно укрепило силы рыцарей, тогда как Батыево нашествие как раз в этот момент обессило русские княжества. По инициативе римского папы Гонория для покорения русских земель предпринят был новый крестовый поход, причём для нападения были выбраны три пункта: устье Невы, бассейн реки Наровы и Псковская земля. Католическая римская церковь прилагала все усилия к тому, чтобы объединить силы немецких рыцарей и шведов для совместного удара на Русь.

Ливонский немецкий орден готовил план полного порабощения всех русских земель. Рыцари, по словам современника-летописца, говорили: «Укоримъ словенъский языкъ». Шведы же стремились отрезать новгородцев от моря и захватить Неву как основную речную магистраль новгородской внешней торговли. С этой целью в 1240 году могущественный шведский герцог Биргер предпринял новый крестовый поход на карело-финские земли и на Русь. Почти одновременно с этим в сторону Пскова устремились ливонские рыцари.

В это трудное для нашей родины время, когда со всех сторон ей грозили враги, среди русских людей нашёлся человек, показавший себя подлинным государственным деятелем, выдающимся полководцем и горячим патриотом. Это был новгородский князь Александр Ярославич, внук знаменитого владимиро-суздальского великого князя Всеволода III «Большое гнездо».

Александр родился 20 мая 1220 года в Переяславле-Залесском, где в это время удельным князем был его отец Ярослав. Почти вся ранняя юность Александра протекала в Новгороде, в котором несколько раз подряд по приглашению веча княжил его отец, неоднократно отражавший опасность, грозившую новгородским владениям от немцев и шведов. В 1236 году Ярослав перебрался в Киев, а княжить

в Новгороде вместо себя оставил своего шестнадцатилетнего сына Александра.

Молодой князь был высок ростом, красив собою, а голос его, по выражению современника, «гримел перед народом, как труба».

Вот этот-то новгородский князь и дал могучий отпор шведам на Неве в 1240 году и немецким рыцарям на льду Чудского озера в 1242 году.

IV

Отдавая дань восхищения подвигам новгородцев и псковичей под предводительством Александра Ярославича, мы должны не только отмечать факты, но и объяснить их.

Как уже говорилось, в сороковых годах XIII века Новгород и Псков со своими пригородами, волостями и землями был единственным краем на Руси, не подвергшимся опустошительному нашествию татар. Со школьной скамьи мы все хорошо помним, что болота и распутица весной 1238 года остановили полчища Батыя в 100 километрах от Новгорода и заставили его повернуть назад. Благодаря этому — так утверждали, да иногда и сейчас ещё твердят — Новгород и Псков уцелели от разорения и смогли разгромить шведов и немецких псов-рыцарей.

Конечно, такое объяснение исторических событий почвенными и метеорологическими причинами ни в коем случае не может удовлетворить марксистскую историографию. Ведь факт, что в течение последующих 240 лет господства Орды над Русью татары никогда не вторгались в новгородско-псковские владения. Так причём же здесь «распутица»? Наивность такого объяснения тем более бросается в глаза, что победы на Неве и на Чудском озере были одержаны новгородцами приблизительно в то же время, когда пали Рязань и Владимир, когда великий князь Юрий Всеволодович потерпел громадное поражение на р. Сити, а Киев, Владимир Волынский и Галич были так разорены Батыем, что потом долго не могли оправиться.

Подходя к изучению прошлого с позиции исторического материализма, мы, конечно, не можем также объяснить славные успехи русского оружия над шведами и немцами только личными свойствами Александра Невского. Центр тяжести мы должны искать не в психологических или географических факторах, а в производственной базе той эпохи, в уровне производительных сил, техники и культуры Новгородско-Псковского края первой половины XIII века.

Обширный Новгородско-Псковский край по своим природным условиям был много богаче Окско-Волжской Руси. Богатства Новгорода и Пскова определяли уровень их материальной и духовной культуры, блестящие образцы которой давно известны по памятникам архитектуры и искусства XII—XIII веков, а за последние годы обнаружены при раскопках в Великом Новгороде. Так устраивать свой городской быт, так сооружать свои стены, башни, церкви и монастыри, доводить свою технику и свои художественные достижения до такого высокого уровня могли лишь люди большой культуры, большого производственного опыта, тесно друг с другом сплоченные и связанные между собой экономическими и политическими интересами.

Не надо забывать также и того, что у Новгорода и Пскова были давние культурные и экономические связи с Византией через Киев по Днепру и с западноевропейским миром через Балтийское море, через Неву и Западную Двину. Эти связи, естественно, подымали уровень экономики и культуры населения Новгорода и Пскова.

Уровень производственной техники новгородцев и псковичей определял высоту и качество их военно-технического оснащения. Александр Невский умело использовал и талантливо организовал те людские и боевые ресурсы, которые были налицо в Новгородско-Псковской республике в момент, когда на неё нагрянули крестоносные ополчения шведов и немцев. В своей борьбе против шведов и немцев он опирался главным образом на широкие массы городского и пригородного населения.

Следует также иметь в виду, что в то время как феодально-княжеская Русь всё больше и больше дробилась и превращалась в множество мелких «полугосударств», обширные владения Великого Новгорода представляли довольно своеобразную федерацию его концов, пятин, пригородов, земель и волостей. Все они вместе являлись единым целым, в основе которого лежали тесные связи окраин с центром.

В экономическую политику Новгорода втянуты были не только боярско-ростовщические верхи, но и те широкие массы Новгорода, Пскова и их пригородов, из среды которых выходили ушкуйники, эти конквистадоры XI—XIV веков. В Неве, как торговом пути в Европу, и в обороне западных рубежей заинтересованы были все: и верхи и низы новгородско-псковского общества — бояре, ростовщики, торговцы и ремесленники.

Торговые интересы объединяли и всё крепче сплачивали коренную массу городского населения Новгородско-Псковского края. В то время как феодальное раздробление стирало в населении Окско-Волжской удельно-княжеской Руси чувство национального единства, новгородцы и псковичи всем своим производственным процессом, всей своей торгово-ремесленной и феодально-колониальной экономикой укрепляли в своем сознании идею национального единства своей земли, представление об общерусском деле, стремление к независимости и горячую любовь к Родине.

Политический строй Новгорода и Пскова второй половины XII века и начала XIII века был ещё в полной мере венчевым и не выродился в ту боярско-ростовщическую олигархию, каким он стал на исходе XIV и особенно в XV веке. Классовая борьба низов с верхами в это время ещё мало дает себя знать. Новгородский патрициат ещё считается с плебейскими торговыми-ремесленными низами. Вече в эти годы, непосредственно предшествующие победам Александра Невского, играет в Новгороде и Пскове большую роль при обсуждении и решении вопросов внутренней и внешней политики. Республикаанская жизнь Новгорода была ещё проникнута идеей народоправства.

Договорное начало, которым издавна была пронизана жизнь Новгорода и Пскова, отражается даже в такой детали, как название административных подразделений обоих этих городов — «концы». В основе этого термина лежит не топографическое, а чисто политическое понятие; не представление об окраинности или отдаленности района, а договорное начало, выражавшееся на старо-русском правовом языке словом «докончание». Жители всех новгородских и псковских концов составляли небольшие самоуправляющиеся мирки со своими уличанскими и кончанскими вечами, со своими страстями, сотскими и другими выборными должностными лицами.

«Концы» договаривались, «доканчивали» друг с другом и, вероятно, с тянувшимися к ним пятинами, т. е. с соседними пригородными территориями, цементируя тем единство муниципальных центров Новгородско-Псковского края — государя Великого Новгорода и его младшего брата Пскова.

Всем этим объясняется тот горячий патриотизм, который проявляют новгородцы и псковичи в отстаивании своего родного края, в борьбе за его рубежи, за его торговые пути, за его волости и земли.

Ордынские ханы; их мурзы и темники, их баскаки и численники не могли не знать этой отличительной особенности новгородско-псковского населения, его готовности жертвовать всем для защиты Родины, его горячей любви к своему краю. Ведь удаль и отвагу вместе с хорошей боевой выучкой и высоким военно-техническим оснащением новгородцы и псковичи показали не только в сороковых годах XIII века под предводительством Александра Невского. Ещё задолго перед тем они одержали ряд блестящих побед над княжескими полками Окско-Волжской удельно-феодальной Руси: в 1169 году потерпел от них поражение под самым Новгородом Андрей Боголюбский, а в 1216 году они одержали на Суз达尔щине славную победу при реке Липице над войсками владимирского великого князя Юрия Всеволодовича.

Военный дух и боевую удачу новгородцев и псковичей высоко ставил такой князь-витязь начала XIII века, как Мстислав Мстиславич Удалой, княживший в Новгороде, всегда ладивший с его вечем и не однажды возглавлявший его победоносные ополчения. Даже такой «самовластец», как Всеволод III «Большое гнездо», должен был считаться с Новгородом, с его старинными правами и вольностями и ценить ту ратную помощь, которую оказывали ему новгородские полки в его борьбе с рязанскими князьями.

Вот с какой славной боевой традицией новгородцев и псковичей пришлось иметь дело Александру Ярославичу в сороковых годах XIII века.

V

Нападение на Русь с запада, к отпору которого готовился Александр с первых лет своего княжения в Новгороде, произошло в 1240 году. В это время фактическим правителем Швеции был герцог Биргер, тщательно разработавший грандиозный план завоевания не только Приладожья, но и всей новгородской земли. «Шатаяся безумием своим», Биргер лелеял мысль захватить в плен самого Александра Ярославича. Софийская летопись так передает планы Биргера и прочих шведских агрессоров в отношении князя Александра и всех жителей Новгородской земли: «Помысли в себе победити его или руками яти, а Великий Новгород пленити и вся грады их и люди словенские к себе в работу створити».

Для похода на Русь Биргер собрал огромное войско. Помимо шведов, в его войске были норвежцы и покоренные шведскими завоевателями финские племена. С Биргером двигались также католические миссионеры и епископы, так как своему вторжению в русские земли шведы и римская церковь придавали характер крестового похода. «И собра силу велику, — пишет летописец, — mesteri и бискупы свои и Свяя, и Сумь, и Емъ».

Летом 1240 года многочисленные полки Биргера, ядро которых составляли прекрасно вооружённые шведские бароны и рыцари, проникли на кораблях в Неву и стали в устье реки Ижоры, одного из её левых притоков. Об этом Новгородская летопись сообщает: «И наполни корабля многи зело полков своих и подвижеся в силе велице, пыхая духом ратным, а прииде в реку Неву и сташе Усть Ижеры». Не ожидая нападения со стороны новгородцев, шведы расположились здесь лагерем и раскинули свои шатры, в центре которых высился шатер самого Биргера, увенчанный издали бросавшимся в глаза красивым, вызолоченным стягом. О прибытии шведов в Неву и в больших размерах их войска князю Александру в Новгород немедленно дал знать Пельгусий, один из старейшин Ижорской земли (так называлась прилегавшая к Неве часть Карелии). Одновременно в Новгород к князю Александру Ярославичу пришли и шведские послы с высокомерным заявлением от Биргера: «Аще можеши противитися, то се есть зде уже и пленю землю твою».

Получив известие о высадке шведов на берегах Невы и о месте расположения их лагеря, Александр, не теряя времени, с сравнительно небольшим отрядом конных и пеших воинов выступил из Новгорода. Часть его войска плыла в ладьях, а часть шла сухим путём вдоль берега Невы. Прекрасно использовав полученные сведения, Александр под прикрытием тумана утром 15 июля 1240 года напал на шведов.

Удар был настолько молниеносным, что шведы, погруженные в глубокий сон, не успели опомниться и взяться за оружие. Как говорит летописец, новгородцы не дали шведам «опоясать мечи на чресла свои». Русская рать теснила шведов к реке, рубила их мечами и колола копьями.

В этой битве Александр проявил мужество и силу, подлинное геройство и большое военное дарование. Он лично сразился с Биргером и нанёс ему тяжёлое ранение в лицо. «Самому королю возложи печать на лице острым своим ме-

чем», — говорит об этом подвиге Александра современник-летописец.

В Невской битве было немало и других героев, имена которых как доблестных защитников родины сохранили новгородские летописи. Наряду с дружиинниками Александра стяжали себе славу и многие простые «вои» из новгородцев и ладожан. Дружиинник князя Гаврило Олесич, преследуя бегущего Биргера, ворвался на коне по сходням на палубу шведского корабля. Сброшенный в воду, он вместе с конём благополучно выбрался на берег, врезался снова во вражеские ряды и изрубил насмерть двух знатных шведов — воеводу и епископа. Новгородец Сбыслав Якунович, вооружённый лишь топором на длинном древке, неоднократно наступал на врагов, «не имея страха в сердце», и сразил немало шведских рыцарей. Яков Полочанин, дружиинник князя Александра, заслужил личную похвалу его за то, что наехал на полк врагов с мечом «и мужествовав крепко». Младший княжеский дружиинник Савва пробрался к златоверхому шатру Биргера и подрубил столб, на котором укреплен был этот шатёр. Новгородец Миша вместе с отрядом пеших ополченцев разгромил три вражеских корабля. Особую храбрость проявил в этой битве личный слуга Александра, его ловчий Ратмир. Он бился пешим, порубил немало врагов, но под конец боя, окружённый шведами, пал смертью храбрых.

В Невской битве пало всего 20 новгородцев. Биргер же понес неисчислимые потери. Все берега Ижоры и Невы были усеяны вражескими телами. Трупы простых шведских воинов заполнили две большие ямы доверху, а павших в бою «добрых» рыцарей «вметоша три корабля». Жалкие остатки войска Биргера с наступлением ночи спешно бежали. Биргер, считавшийся ранее непобедимым, потерпел полный разгром. Слава о военной доблести молодого, двадцатилетнего, Александра ещё более укрепилась, и эту победу над шведами уже современники прозвали его Невским.

Невская битва стала знаменательной вехой в истории борьбы русского народа с иноземной агрессией. Шведы были посрамлены, их крестовый поход на Русь потерпел полное крушение. По словам летописи, шведский король особой грамотой торжественно обязался впредь не нападать на русские земли: «Даст Магнуш король Свейской на себя письмо и клятву отнюдь никако не приходити на Русь воиною».

Овеянный славой своей блестящей победы, Александр стремился усилить своё политическое влияние в Новгороде, быть в нем не только военачальником и защитником его рубежей, но правителем, государем в полном смысле этого слова. На этой почве между ним и новгородской знатью, с посадниками и тысяцкими во главе, произошли нелады, в результате которых Александр уже в 1240 году, вскоре после Невской битвы, покинул Новгород и уехал к отцу на Суздальщину, где и получил от него в удел Переяславль.

Тотчас после ухода Александра из Новгорода интервенты осмелились.

У немецких рыцарей был хорошо разработанный план вторжения из Ливонской Прибалтики в Новгородско-Псковский край.

Ещё до Невской победы Александра Ярославича немцами были захвачены Изборск и Псков. Во 2-й Псковской летописи под 1239 годом имеем такое указание: «Октября въ 16 избиша немци под Изборском Псковичъ 600 мужь, и тако пришедшее взяша Псковъ; и седоша немци в Пскове 3 лета». Следовательно, оккупация немцами Пскова произошла задолго до разгрома шведов на Неве. По 1-й Софийской летописи Изборск был занят в 1240 году. Узнав о захвате Изборска, псковичи выступили против немцев: «и выиде противу им весь град». Псковичи бились с немцами крепко: «бе сеча межи ими велика». Битва была для псковичей неудачной: пал воевода Гаврила Гориславич, а из псковичей «много гонячи били, а иных руками яша».

Проникнув к самому Пскову, немцы «посад зажгоша весь». Опустошены были и окрестности города: «многы же и села пусты сътвориша около Пскова». Простояв под городом неделю и не взяв его, немцы захватили в заложники «много детей у добрых мужъ». После этого они отступили, не заключив со Пskовым мира. В самом Пскове у немцев были сторонники из местной боярской верхушки, которые с их помощью стремились захватить власть в свои руки. Это видно из следующих слов все той же Софийской летописи: «Бяху бо перевет держаще с немци псковичи, подвел ихъ Твердило Иванковичъ со инеми, а сам поча владети Псковом и с немци воюя села Новгородская». В одной из повестей, помещенных в прибавлениях к Псковским летописям, вслед за описанием Невской битвы, сказано:

«В то же время начаши Ливонские немцы приходиши на псковскую землю и некогда пришедшее изгоном, и взяша Псков и держаша 5 лет». Таким образом, есть полное основание думать, что уже в начале 1240 года Псков был в немецких руках.

Немецкие интервенты осмелились. Ливонские рыцари вторглись в Водскую пятину и захватили два новгородских пригорода: Копорье и Тёсово. Племя водь обложено было данью, а в Копорье немцы срубили город, т. е. построили там укрепление. Они хозяйничали уже на реке Луге, в расстоянии тридцати верст от Новгорода. Всюду, куда проникали псы-рыцари, они грабили население, захватывая всё, что попадало им под руку: «И по Лузе и до Сабли вси кони и скот поимаша». Новгородская торговля была подорвана; все западные владения Новгорода разорены.

Перед лицом грозной опасности новгородцы на вече постановили отправить к великому князю Ярославу Всеволодовичу посольство во главе с епископом Спиридоном и просить его снова отпустить в Новгород своего сына. Александр, горячо любивший свою родину, не противился и, вернувшись в 1241 году в Новгород, стал немедленно готовить отпор зарвавшимся немецким захватчикам.

Прежде всего он пошел на Копорье, ближайший захваченный немцами новгородский пригород. В этом походе участвовали не только новгородцы и ладожане, но карелы и ингеряне, местное полуфинское, полуэстонское население. Бозвезденное в Копорье немецкое укрепление было разрушено до основания; часть немцев была перебита, остальные взяты в плен.

В начале следующего, 1242 года Александр, вместе с прибывшим к нему на помощь братом Андреем, внезапным ударом напал на Псков, где немцы были уже полными хозяевами. Заняв все дороги, ведущие к Пскову, Александр довольно быстро взял его. Взятые в плен немцы были закованы и отправлены в Новгород. «Князь Александр, — читаем во 2-й Псковской летописи, — изби немец во Пскове и тако избави град Псков от иноплеменных немец».

После освобождения Пскова от немецкой оккупации Александр решил перенести военные действия на территорию Ливонии. В 1-й Софийской летописи под 1242 годом имеем такое сообщение: «Поиде великий князь Александр с братом своим Андреем, и с новгородци и с низовци на немецкую землю в силе велицей». Он рассчитывал там пробыть долго, что видно из слов летописца: «а сам поиде в

зажитие». Идя в немецкую землю, князь-патриот хотел «мстить кровь христианскую», т. е. отплатить псым-рыцарям за то насилие и разорение, которым они подвергли население оккупированных ими русских земель. Этим вторжением в Ливонию Александр предупреждал новую агрессию Ливонского ордена, рыцари которого кичливо заявляли: «Укорим словенский язык».

Вторжение полков Александра во владения Ливонского ордена было весьма успешно. «Землю их пожже и повоева, и полона много взя, а иных изсече», — говорит автор поэтического произведения «О велицем князе Александре».

Получив большое подкрепление из Германии и Дании, рыцари двинулись против полков Александра Ярославича из прибывшего к нему на помощь из Сузdalской земли его брата Андрея. Они рассчитывали не только дать русским отпор, но и покорить все русские земли.

«Разгон», т. е. передовой отряд, высланный против немцев под начальством Домаша Твердиславича и Кербета, понес поражение; Домаш был убит; немало других воинов пало в бою; многие попали в плен, а уцелевшие прибежали в полки к Александру.

Опьяненные своим первым успехом, рыцари, по словам автора повести «О велицем князе Александре», были полны высокомерия и вызывающе говорили: «поидем, погубим великого князя Александра и имем его руками». Немцы наступали так, чтобы прижать полки Александра к Чудскому озеру, что видно из следующих слов летописи: «И снidoша на озеро глаголемо Чудское». У Александра созрел план дать бой на льду.

Излюбленным тактическим приемом немцев было наступление плотной массой пеших воинов, окружённых конными рыцарями в железных доспехах. Все это построение имело вид клина или треугольника, направленного острием вперёд. Такую немецкую боевую колонну русские называли «свиньей». Бив этот клин в центр расположения неприятеля и расстроив его ряды, немцы направляли затем свой удар по его флангам.

Александру была хорошо известна эта немецкая тактика. Против немецкой «свиньи» он задумал и блестяще осуществил свой тактический план. Его полки расположились у Чудского озера «на Узмени, у Ворония камени». Эту позицию Александр занял, надо думать, с той целью, чтобы отрезать путь немцам на Новгород.

В полках Александра царил необыкновенный подъём духа. «Вся величие князя Александра исполнился духа ратна, бяху бо сердца их аки львов», — писал автор сказания о князе Александре, «самовиць возраста его». О настроении русской рати свидетельствует приведенное в 1-й Софийской летописи обращение ратных людей к Александру: «О княже наш честный и драгий, ныне приспе время положити главы свои за тя».

5 апреля 1242 года рано поутру, как только взошло солнце, на самом льду Чудского озера разразился бой, вошедший в историю под именем Ледового побоища. Инициатива наступления, по одним летописным вариантам, принадлежала Александру: «ополчився пойде на них», а по другим — ливонским рыцарям: «наехавша немци и чудь на полк».

Центр русского расположения вначале был смят и прорван; по крайней мере, все летописи говорят о том, что немцы «пробиша свиниеско сквозь полк». Немцы готовились уже нанести сокрушительные удары по флангам разорванной на две части рати Александра Ярославича, в которой преобладали пешие отряды новгородцев и псковичей, но сильные русские фланги сжали немецкую рать. Дружное наступление русских стеснило немцев: им нельзя было броситься в атаку; их коннице некуда было податься, и она стала пятиться назад, сжимая и давя свою собственную пехоту.

Сгрудившись на небольшом пространстве, конные рыцари в тяжёлых доспехах всей своей массой стали давить на лёд, покрывшийся трещинами, а местами опустившийся в воду. Конные и пешие немецкие воины проваливались в полыни. «И бысть ту сеча зла и велика», — пишет летописец, давая яркую, полную драматизма картину разгрома немецкой рыцарской рати: «и труск от копей ломления и звук от мечного сечения... и не бе видети леду, покрыло бо есть все кровию».

Разгром псов-рыцарей был довершен конными дружинниками Александра, которые ринулись им в тыл из-за «Ворония камени». Ряды немцев смешались. Давя друг друга, они искали спасения в паническом бегстве. Русская рать преследовала бегущих немцев и «биша их на 7 верстам по льду».

Современники сообщают нам некоторые цифровые итоги боя: пало 500 немецких рыцарей — «паде немецъ ратманов

и панов 500», 50 рыцарей было захвачено в плен — «а рукаами яша немецъ пятьдесят мужъ нарочитых воевод: Кроме того, много немцев утонуло в озере.

Три дня новгородцы праздновали победу, «стояша на костях» неприятеля. С торжеством въехал Александр в освобожденный Псков. У его коня вели знатных рыцарей, за них гнали толпу простых пленных. «Быше же полона много в полку его», — говорит биограф Александра. Псковичи радостно приветствовали своих освободителей.

В связи с победой русских на Чудском озере началось восстание против немецкого господства в Ливонии. Тогда «божьи ритори», забыв о своей спеси, поспешно запросили мира, «прислаша с поклоном в Новгород». Их послы от имени всего ордена торжественно заявили: «Что есмя зашли мечом Псков, Водь, Лугу, Латыголу, и мы ся того всего отступаем; а что есмя изъимали в полон мужей ваших, а теми ся разменим, мы ваших пустим, а вы наших пустите, и Псковский полон пустим». Мир, таким образом, был заключен на условиях обмена пленными и полного отказа немецких рыцарей от захваченных ими раньше русских земель.

Ледовое побоище покрыло невского героя новой славой. «Прохвости», говоря словами Маркса, были окончательно отброшены от русской границы. Средневековые «варвары-болваны», как называл Маркс немецких рыцарей, надолго запомнили этот урок, полученный ими от русского народа.

VII

Заслуги Александра Ярославича перед русской землей не ограничились победами на Неве и на Чудском озере.

В том же 1242 году, когда немецкое рыцарское войско разгромлено было в Ледовом побоище, Александр, находясь еще в пределах Новгородско-Псковской земли, одержал блестящую победу над Литвой.

Литовские племена, начавшие как раз в это время объединяться под властью своего великого князя Миндовга, то и дело вторгались в соседние русские земли. «Умножиша языка литовского и начаша пакостити в области великого князя Александра», — читаем в 1-й Софийской летописи. «Он же выездя нача их избивати». Так начались первые столкновения между Новгородско-Псковской землей и объединяющейся Литвой. В битве с литовцами Александр Ярославич, по словам той же летописи, «победи семь ратей».

Эта победа высоко подняла военный авторитет Александра в глазах литовских племен и их кунигасов, т. е. князей. Это видно из краткой, но весьма выразительной заметки летописца: «Начаша же потом блостися имени его».

Ещё больший боевой успех выпал на долю Александра Невского в Финляндии. В 1250 году эта страна была окончательно завоевана шведами. Лучшие земли Финляндии оказались в руках шведских колонистов, а население её было закабалено тяжёлыми податями.

Ослабленный последствиями татарского завоевания, Новгород в это время не мог оказывать помощь финскому племени емь, проживавшему вдоль побережья Финского залива вплоть до устья Невы. Однако после того, как шведы и ливонские рыцари сделали попытку укрепиться в устье реки Наровы и тем подорвать новгородскую торговлю на Неве, против них в 1256 году был предпринят поход. Его организатором и руководителем был Александр Ярославич, занимавший в это время владимирский великокняжеский стол. При одной вести о приближении Александра шведско-датские и немецкие рыцари бежали из укреплений, которые они возвели на Нарове. Не найдя там врагов, Александр со всем своим войском перешел по льду Финский залив и проник на территорию племени емь, тогда уже подчинённого шведам. Русская рать прошла по шведским владениям вплоть до города Або. Успеху этого похода способствовали восставшие финны. Однако финские племена, обессиленные порядками, введёнными у них шведами, не смогли оказать большой помощи Александру. Изгнать шведов из Финляндии не удалось, да Александр и неставил себе такой задачи, — он ограничился тем, что разгромил шведские укрепления и посёлки вдоль северного побережья Финского залива. В стратегическом и политическом отношении это было весьма крупным успехом. После этого русское войско повернуло назад.

Подводя итоги этому походу Александра Ярославича в южную часть Финляндии и его крупным успехам там в 1256 году, летописец говорит: «славна же бысть земля страхом и грозою его».

В результате всех этих блестящих успехов боевая слава Александра с каждым годом возрастала. В 1-й Софийской летописи мы находим такую характеристику его как непобедимого полководца и бесстрашного защитника русской земли: «И нача имя слыти великого князя Александра Ярославича по всем странам, от моря Варяжского и до моря

Поньтского, и до моря Хупожьского, и до страны Тиверийской, и до гор Араатских, об ону страну моря Варяжского и гор Аравитьских... даже и до Рима великого; распространи бо ся имя его пред тмы тмами и пред тысячищими».

VIII

Характеризуя XIII век как эпоху грозных нашествий на нашу страну с востока и запада, Костомаров говорит: «Задачею политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла бы удержать свое существование».

Александр Невский прекрасно понимал это. Вот почему, одерживая над немцами, шведами, литовцами одну победу за другой, в отношении Золотой Орды он держался тактики задабривания. Против западных врагов действовал мечом, а врагов восточных отражал рублем.

Мирными отношениями с Золотой Ордой Александр хотел предупредить новые вторжения татар на Русь и обеспечить себе тыл для решительной борьбы с шведскими феодалами и немецкими рыцарями.

В 1247 году, после смерти своего отца, владимирского великого князя Ярослава, Александр со своим младшим братом Андреем впервые поехал в Орду к хану Батыю. Летописец, не совсем правильно излагая последовательность событий и сильно приукрашивая их, говорит, что Александр был вызван к Батыю в Орду, произвёл на последнего большое впечатление и был отпущен с дарами и ярлыком на великое княжение... «его же сей безбожный царь к себе призыва, красоты его ради и возраста, и удивися зело, и многими дары почтив, отпусти на великое княжение».

Однако факты говорят совсем иное. Александр далеко не сразу снискал себе в Орде благоволение. С берегов Волги Ярославичам пришлось совершить далёкое путешествие в Монголию к великому хану.

Целых два года употребили Александр и Андрей на эту опасную поездку в глубь Азии и только в 1250 году возвратились с ярлыками на княжение. Андрей, хотя и младший, получил по воле хана первый по своему значению — владимирский стол, Александр же — Киев и Новгород.

В Киев ехать не стоило: он потерял после разорения его татарами всякое политическое значение. Александр Ярославич поселился в Новгороде, ожидая поворота событий в свою пользу.

Пылкий и несдержаный, являвшийся по характеру полной противоположностью своему старшему брату, Андрей Ярославич не сумел поладить с татарами. Недолго пришлось ему покинуть во Владимире. В 1252 году, против него из Орды были двинуты татарские полчища под начальством царевича Невруя. Андрей был разбит и бежал сперва в Новгород, а оттуда в Швецию.

Во время нашествия Невруя на Русь Александр находился в Орде. Здесь он в 1252 году получил ярлык на владимирское великое княжение от сына Батыя — Сартака, управлявшего Золотой Ордой от имени своего одряхлевшего отца.

С этих пор вплоть до самой своей смерти Александр занимал владимирский стол, с большим дипломатическим искусством поддерживая мирные отношения с Ордой.

В 1262 году, когда чуть не повсеместно в Окско-Волжской княжеской Руси поднялись восстания против татарских откупщиков дани, Александру удалось предотвратить угрозу нового татарского нашествия на Русь. Для этого ему пришлось опять отправиться в Орду. Он спешил как можно скорее прибыть туда, чтобы «отмолить людей от беды». Шедро одарив хана Берке, брата и преемника Батыя, и его мурз, Александр не только «отмолил» беду, но и выхлопотал освобождение всей русской земли от тяжелой повинности выставлять для татар вспомогательные военные отряды.

Из Орды Александр выехал тяжело больным и по дороге 14 ноября 1263 года в Городце на Волге умер, «много потрудившись за землю русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая живот свой». Его тело погребено было во Владимире.

Всего 43 года прожил Александр Ярославич Невский, но он оставил глубокий след в исторических судьбах нашей родины.

Это был в полном смысле слова герой, славный предок русских «чудо-богатырей», заложивший прочные традиции боевой доблести русского народа.

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ И РАЗГРОМ ХАНА МАМАЯ В 1380 году

I

В начале XIII века монголо-татарские племена, кочевавшие к юго-востоку от Байкала на громадном пространстве Центральной Азии, объединились в большое феодально-кочевое государство под властью Чингис-хана. В поисках новых пастищ и богатств, которые сулила им караванная торговля на территории современного Казахстана и Средней Азии, монголо-татары нападают сперва на Северный Китай, затем завоевывают государство Хорезмшахов, лежавшее к востоку от Каспийского моря, и, наконец, вторгаются в пределы Закавказья. К 20-м годам XIII века полчища Чингис-хана уже вплотную подошли к границам Восточной Европы.

Первое столкновение русских с татарами произошло в 1223 году на реке Калке, в Приазовье. Здесь полководцы Чингис-хана — Джэбэ и Субудай — разбили рать южно-русских князей и половцев. Татары подошли к Днепру и вернулись в Среднюю Азию.

Вскоре — в 1227 году — Чингис-хан умер.

В 1235 году его внука Батыя двинулся из-за Каспийского моря на Водгу с ордой, численностью до трехсот тысяч человек. Это было уже целое переселение на новые земли, которые предстояло ещё завоевывать.

За пять лет — с 1236 по 1241 год — Батый подчинил себе всю Среднюю и Нижнюю Волгу, громадные степные пространства по Дону и к северу от Черного моря и всю княжескую Русь — сперва северо-восточную — Владимиро-Сузальскую, а затем Приднепровскую и Прикарпатскую.

Это завоевание облегчено было тем, что с конца XI века единое до тех пор Киевское государство стало распадаться на отдельные княжества, или уделы, часто враждовавшие друг с другом. К 30-м годам XIII века процесс феодального раздробления привел к тому, что на русской земле образовалось почти сорок полуправительств, которые из-за раздоров не способны были сплотиться для борьбы с внешним врагом.

Удельная Русь после Батыева погрома превратилась в пепелище. Были уничтожены десятки городов, множество сёл и деревень. Немало князей со своими дружинами сло-

жило головы. От рук татар пало много тысяч горожан и крестьян. Русь совсем обезлюдела: в ней едва осталась одна десятая часть прежнего населения.

Раздробленная и расчленённая родина наша не смогла устоять перед численно превосходящим и лучше вооруженным врагом, двигавшимся сплошными конными массами. Но досталась татарам Русь дорогой ценой. История оставила нам немало ярких примеров героического сопротивления русских полчищам Батыя.

В устных преданиях запечатлен замечательный подвиг рязанского боярина Евпатия Коловрата. Когда Рязань, первая подвергшаяся нападению, была захвачена и княжеская рать разгромлена, Коловрат с небольшим отрядом отважных дружиинников настиг татар и вступил с ними в неравный бой. И хотя в этом сражении Евпатий со своими дружиинниками погиб, татары настолько обессилели, что должны были приостановить свой дальнейшее продвижение. У трупа боярина Евпатия Батый, по преданию, сказал: «Если бы у меня были такие храбрецы, я бы завоевал весь мир».

Героически сражалось население города Козельска. Здесь татары, после завоевания Владимира-Суздальской земли повернувшие в степи, были задержаны на семь недель. За это Батый назвал Козельск «злым городом» и приказал вырезать всех его жителей. Осаждённый Киев три дня держал завоевателей у своих стен, хотя двенадцать стенобитных орудий круглые сутки долбили его укрепления, ломали ворота и башни. Как бились с врагом жители Владимира Волынского, видно из того, что после ухода татар тут было обнаружено более восьмидесяти тысяч трупов.

II

В 1242 году на громадном пространстве черноморских и прикаспийских степей образовалось в результате татарских завоеваний новое большое государство, известное в русских источниках под именем «Золотой Орды», а в восточных — «Улуса Джучи», или «Синей Орды». Политическим центром этого государства при Батые был Сарай-Бату на Нижней Волге, недалеко от Астрахани, а в начале XIV века при хане Узбеке столица была перенесена несколько выше, ближе к современному Сталинграду, в Сарай-Берке.

Ханы рассматривали Русь как свою вотчину, улус, и требовали от русских князей покорности, уплаты дани, которую русские летописи называют «выходом». Русские

князья, как вассалы золотоордынского хана, обязаны были по первому зову являться с войсками к своему сузерену «быти в их (татар — В. Б.) воле и воевати с ними». В каждое русское княжество назначался особый баскак, который контролировал действия князя, хотя формально в своих делах русские князья были самостоятельны. С 1257 года, когда при хане Берке в северо-восточной Руси была произведена первая татарская перепись, или «число», сбор дани проводился регулярно. За единицу обложения принимался дом или самостоятельное хозяйство.

Первоначально дань собирались баскаками, или даругами. Затем ханы стали сдавать её на откуп мусульманским купцам, которых русские называли тогда бесерменами. В XIV веке дань собирали уже сами русские князья и через владимирского великого князя передавали её в Орду. Вот почему между княжеские договоры того времени постоянно подчеркивают, что «Орду знает» один только великий князь, занимающий владимирский стол. Этим объясняется и та ожесточённая борьба, которая велась за обладание этим столом наиболее крупными областными князьями, в первую очередь тверским, московским и нижегородским.

Кроме «выхода», приходилось давать ценные подарки ханам и его мурзам в Орде, а также многочисленным ханским чиновникам, приезжавшим на Русь. Этих чиновников надо было кормить, предоставлять им средства передвижения, для чего на ямах, или станциях, всегда должны были быть наготове лошади. Всё это ложилось тяжёлым бременем на плечи городского и сельского населения.

В разгар первой переписи и после того как стала взиматься дань бесерменскими купцами, чуть ли не по всей Руси прокатилась волна городских восстаний: в 1259 году — в Новгороде, а в 1262 году — во Владимире, Переяславле, Суздале, Ростове и Ярославле. Эти восстания современники называли «мятеж велик». Боясь общего восстания всех русских земель, Орда должна была пойти на некоторые уступки. Летопись говорит, что после смерти Берке «великая ослаба бысть христианам».

Чтобы сохранить свою власть над русскими княжествами, ханы раздували вражду среди удельных князей, поддерживали между ними феодальные войны. Орда всячески мешала объединению русских земель; её традиционной политикой, по меткой характеристике Маркса, было «обуздывать одного русского князя при помощи другого, питать их раздоры, приводить их силы в равновесие и не позволять никому

из них укрепляться» (Маркс, Секретная дипломатия XVIII века).

Власть Золотой Орды была тяжким гнётом для всей Руси. Татарское иго, писал Маркс, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Монгольские татары установили режим систематического террора, причем разорение и массовые убийства стали его постоянными институтами» (Маркс, Секретная дипломатия XVIII века).

Царствование Узбека (1312—1340 годы) было кульминационной точкой могущества Золотой Орды и её власти над Русью. При нём было казнено в Орде или погибло насильственной смертью тридцать русских князей.

Не доверяя русским князьям, Узбек послал в Тверь своего двоюродного брата Чолхана, известного в русских былинках под именем Щелкана Дюдентьевича. Как в один голос говорят русские летописные источники, татары чинили насилия над жителями Твери и даже прогнали самого великого князя с его двора. В 1327 году в Твери вспыхнуло народное восстание. Восставшие тверичи жестоко расправились с насильниками, в том числе с самим Чолханом. Часть татар была сожжена в том дворе, где они стояли, часть была перебита.

III

Под властью Орды княжеская Русь продолжала находиться в состоянии феодального раздробления. Владимир на Клязьме попрежнему считался главным столичным городом. До 1275 года великие князья обычно проживали в нём, но в дальнейшем, в связи с ростом значения областных удельных центров, те князья, которые получали в Орде ярлык на великое княжение, не покидали своего удельного стола и правили великокняжеской областью через своих наместников, лишь в случае необходимости наезжая во Владимир.

В XIII—XIV веках в Окско-Волжской Руси происходит двоякого рода процесс: с одной стороны, все больше даёт себя знать феодальное раздробление, а с другой — уже проявляется и всё сильнее выступает на первый план стремление к территориальному объединению вокруг городов, наиболее выгодно расположенных. В начале XIV века здесь выдвигаются четыре княжества, складывавшиеся вокруг крупных городских центров: Москвы, Твери, Переяславля

Рязанского и Нижнего-Новгорода. Спасаясь от татар, вторгавшихся в пределы русских княжеств, население уходило в более лесистые и болотистые местности западной части Окско-Волжского края. Быстрее всего шло заселение Тверского и Московского княжеств. Пустовавшие здесь раньше приречные земли осваивались, усиленно разрабатывались. Такие города, как Тверь, Нижний-Новгород, Переяславль-Рязанский, расположенные на крупных речных путях, приобретают всё большее значение, заметно усиливаются. Но подлинным узлом сухопутных и речных дорог становится Москва. Москва-река, соединяясь с Окой, открывала путь по Волге в Золотую Орду, а от Переяславля-Рязанского — по Дону к берегам Черного моря. Верховье Москва-реки подводило к пределам Смоленского княжества. Связь с Верхней Волгой Москва поддерживала через Дмитров, от которого начиналась дорога на север и запад по Яхроме и Дубне, притоку Волги. Благодаря центральному положению Московского княжества нападения Орды почти не затрагивали его. Это было одной из причин притока населения из других княжеств в Московское. Так чрезвычайно благоприятное географическое положение способствовало быстрому экономическому и политическому росту Москвы.

В крупных торговых городах, находящихся в междуречье Оки и Верхней Волги, сосредоточивались купцы и ремесленники, что ещё больше содействовало возникновению местных рынков и тесных экономических связей между отдельными княжествами и областями. Торговцы и ремесленники являлись главной опорой князей в их объединительной политике.

После усиления Московского княжества при Данииле Александровиче и его старшем сыне Юрии, когда были захвачены Коломна и Можайск и присоединен Переяславль, между Тверью и Москвой возникает долголетняя борьба за первенство в северо-восточной Руси, за велиокняжеский владимирский стол, закончившаяся победой Москвы.

Особенно большую роль в усилении Московского княжества и в закреплении за Москвой владимирского стола сыграл Иван Данилович, прозванный Калитой («мешок с деньгами»), князь-скопидом, самый богатый из окско-волжских феодалов. В руках Калиты сосредоточивались все московские владения, так как к моменту его вождения в 1325 году ни братьев, ни племянников его уже не было в живых.

Иван Калита был умный, ловкий, крайне неразборчивый в средствах феодал, жестоко расправлявшийся со всеми, кто стоял ему поперёк дороги. Политику Орды по отношению к князьям он сумел использовать в своих интересах. «Московскому князю Ивану Калите, — говорит Маркс, — удалось превратить хана в послушное орудие в своих руках, посредством которого он освобождается от опаснейших своих соперников и одолевает любое препятствие, возникавшее на победоносном шествии его к узурпации власти. Он не заставляет уделов, но незаметным образом поворачивает власть татар-завоевателей на служение исключительно его собственным интересам» (Маркс, Секретная дипломатия XVIII века).

Сборы с населения, торговые пошлины и неумолимо-жестокая финансовая политика при взимании ордынского выноса с других княжеств создавали для Ивана Даниловича прочную материальную базу. Он умело использовал её как в отношениях с татарами, которых задабривал и подкупал, так и в отношениях с русскими князьями, которых он разорял и подчинял себе. Но одними деньгами успехи Ивана Калиты объяснены быть не могут. Ведь каждый князь-феодал прежде всего был силен как военачальник, как предводитель своих полков. В феодальных столкновениях сила и мощь были более решительным аргументом, чем что-либо иное. Дело в том, что к московскому князю из-за экономических и служебных выгод выезжали из других уделов бояре со своими дружинниками или детьми боярскими. Они предпочитали службу в Москве службе у других князей: московские князья наделяли своих бояр богатыми вотчинами и доходными кормлениями. У каждого боярина было обычно несколько сот, а иногда и более тысячи вооружённых слуг. Пять-шесть таких бояр — это, по масштабам того времени, уже целая армия. Московские князья, привлекая к себе бояр из других уделов, создавали тем самым грозную рать, с которой они обрушивались на своих соперников. В итоге при Иване Калите и его сыновьях — Семене Ивановиче, прозванном Гордым, и Иване Ивановиче — в Москве сложился прочный круг старых бояр, всесильно поддерживавших выгодную для них объединительную политику московских князей.

Москва в это время была обнесена дубовыми стенами, сильно расширившими первоначальную территорию москов-

ского Кремля. За его пределами вырастал посад со значительным торговым и ремесленным населением.

Наряду с усилением военной мощи Московского княжества, большое значение имело еще то, что Москва стала церковной столицей. Со времени Ивана Калиты в ней стали жить митрополиты, покинувшие Владимир, который с тех пор лишь名义ально являлся общерусским политическим центром.

Митрополит видел в сильном московском князе лучшего защитника своих экономических и церковных интересов, а московские князья в лице митрополита приобрели влиятельного союзника в своей борьбе с другими удельными князьями и стойкого поборника идеи политического и национального единства русской земли. Будучи церковной столицей, Москва довольно скоро в глазах современников стала городом общерусского значения. С 1328 года московские князья, получив владимирский велиkokняжеский стол, начинают титуловать себя великими князьями всея Руси.

Свои владения московские князья расширяли за счет других удельных территорий или путем прямого захвата, или покупкой земель у разорившихся князей. В духовных завещаниях они называли их «примыслами» и «куплями», но в глазах современников эти «примыслы» и «купли» были собиранием русской земли. Уже Ивана Калиту после победы над Тверью его сторонники высоко ставили, как устроителя внутреннего порядка и защитника русской земли от губительных татарских вторжений. Так, в изображении летописца вокняжение Ивана Калиты на владимирском столе было для русской земли своего рода поворотным моментом в её исторических судьбах: «И бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на 40 лет и престаша татарове воевати русскую землю».

Так происходил тот процесс, о котором писал И. В. Сталин, отмечая, что интересы обороны на востоке Европы от нашествия монголов, турок и других народов требовали незамедлительного образования централизованного государства¹.

IV

Московский князь Димитрий Иванович, поднятый бурными событиями второй половины XIV века на высоту общерусского государя, родился в 1350 году. Отец его

¹ См. И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1939 г., стр. 97.

Иван Иванович шесть лет занимал владимирский велико-княжеский стол, но когда он умер, девятилетнему Димитрию не сразу удалось добыть в Орде великокняжеский ярлык. Хан Навруз посадил во Владимире общерусским великим князем Дмитрия Константиновича Сузdalского.

В 1361 году Навруз был убит, и в Орде одновременно появилось два хана: в Сарае — Мурат, а за Волгой — Авдул. К Мурату поехали и Дмитрий Константинович, занимавший владимирский стол, и московские бояре, действовавшие от имени малолетнего московского князя. Мурат дал ярлык Дмитрию Московскому. Великокняжеская Владимирская область снова соединилась с Москвой. Сами владимиры тянулись к Москве и оказали сопротивление Дмитрию Константиновичу, пытавшемуся в 1363 году силой удержаться на великокняжеском столе.

В 1363 году Дмитрию Московскому прислан был ярлык на тот же владимирский великокняжеский стол заволжским ханом Авдулом с тем, чтобы Дмитрий платил дань ему, а не Мурату. Когда Мурат узнал, что Дмитрий принял посла Авдула, он, усмотрев в этом измену, вновь приспал великокняжеский ярлык Дмитрию Константиновичу Сузdalскому, немедленно занявшему Владимир. Но московские войска, при которых находился тринадцатилетний Дмитрий, выбили сузdalского князя из Владимира и опустошили всё его княжество.

Подавлена была также попытка мелких удельных князей — ростовского, галицкого и белозерского, сторонников Дмитрия Константиновича, освободиться из-под власти Москвы. Ростовский князь стал к Москве в подчинённое положение, а князья белозерский и галицкий лишились своих уделов.

В боевых схватках с противниками мужал и креп будущий победитель Мамая. Высокий ростом и широкий в плечах, с красивым, открытым, приветливым лицом, обрамлённым небольшой русой бородой, Дмитрий Иванович был весьма популярен далеко за пределами своего наследственного московского удела.

Окончательно укрепившись на великокняжеском столе, Дмитрий повёл упорную борьбу с давними соперниками Москвы — Тверью и Рязанью, а также со сложившимся к тому времени к западу от Днепра Литовским государством.

Политическое усиление Москвы было серьёзным препятствием для Литвы, стремившейся к территориальным за-

хватам за счет восточно-русских земель. Литовские великие князья, начиная ещё с Гедимина, прилагали все усилия, чтобы не дать возможности Московскому княжеству политически окрепнуть.

Сын Гедимина Ольгерд, занимавший литовский велиокняжеский стол в 1345—1377 годах, предлагал даже золотоордынским ханам совместное нападение на Москву. Но Московскому князю Семену Гордому удалось своевременно расстроить в Орде эти коварные планы литовского князя.

Захватив Черниговщину и Новгород-Северщину, Киев и Брянск, Ольгерд начал наступательные действия против Москвы. Он дважды доходил до её стен, однако взять каменные укрепления Москвы не смог. Предприняв третий поход, Ольгерд потерпел полную неудачу. На этот раз Димитрий Иванович не допустил его до Москвы. В 1372 году был заключён мир.

Построение в Москве в 1367 году каменного Кремля ещё более выделило её среди других русских городов, имевших лишь деревянные и земляные укрепления. Этот факт летописец связывает с поворотным моментом московской политики в отношении других удельных князей: «Князь великий Димитрий Иванович заложил град Москву камен и начаша делати беспрестани. И всех князей русских привожаша под своею властью, а которые не повинухося воле его, и на тех начаша посягати».

Тверской князь Михаил Александрович, претендовавший на владимирский стол, обращался за помощью и к Ольгерду и в Орду, где ему удавалось получать ярлыки на великое княжение, но каждый раз победителем оказывался Димитрий, и великое княжение оставалось за Москвой.

Большим чувством собственного достоинства и сознанием своей военно-политической мощи проникнуты слова Димитрия Ивановича Московского, обращённые к татарскому послу, прибывшему на Русь с Михаилом в 1372 году: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Владимировское не пущу, а тебе, послу, путь чист». Но всё же с золотоордынской ханской властью ещё приходилось считаться, и Димитрий сам поехал в Орду. Благосклонно принятый ханом, Димитрий укрепил себя на великом княжении.

Новая попытка Михаила в 1375 году с помощью ханского ярлыка утвердиться на великокняжеском столе вызвала против него выступление большой общерусской княжеской коалиции с Димитрием Московским во главе. В этом походе на Тверь участвовало девятнадцать князей, в том числе

сузdalский, ростовский, смоленский, ярославский, белозерский и др. Даже родичи Михаила — тверские удельные князья — принимали участие в этом походе. Все это демонстрировало торжество общерусской политики московских князей и подымало Дмитрия Ивановича на небывалую щёкую высоту всеми признанного вождя союза русских земель.

Михаил, убедившись, что «вся Русская земля воста на него», признал Дмитрия «своим братом старейшим» и отказался навсегда от притязаний на владимирский велиокняжеский стол.

В договоре, заключенном тогда же между Тверью и Москвой, большое значение имеет указание на возможность разрыва с Ордой и общего выступления против неё: «С татарами оже будет нам мир, по думе; а будет нам дати выход, по думе же; а будет не дати, по думе же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с единого всем противу их; или мы пойдем на них, а тебе с нами с единого пойти на них».

В том же 1375 году Дмитрий взял верх и над Олегом Рязанским, с которым у Москвы были давние территориальные споры. Олег был изгнан из своего стольного города Переяславля-Рязанского, но скоро вернулся и помирился с Дмитрием Ивановичем.

К 70-м годам более двадцати удельных князей становятся подручниками Москвы.

Дмитрий Московский приобретает значение вождя всей русской земли. Недаром современники называли его «самодержцем» и даже «царём русским».

V

К тому времени, когда Дмитрий Иванович стал московским князем, Орда, власть которой над русской землей продолжалась уже более ста двадцати лет, начала заметно слабеть. Второй преемник Узбека, его внук Бердигек, был убит. В Орде началась «великая замятня», кровавая борьба за власть. Нередко в ней одновременно бывало два-три хана, и почти каждый из них умирал насильственной смертью. Наиболее смутной порой в Орде были 60-е годы XIV века, когда за десять лет сменилось пятнадцать ханов. Ослабление Орды, частая смена ханов приводили к неустойчивости татарской политики на Руси и к борьбе областных русских князей за влияние в Орде.

В начале 70-х годов XIV века власть в Золотой Орде фактически попала в руки темника Мамая, который в 1375 году провозгласил себя ханом и объединил основные части Орды. Временное усиление Орды привело к нападению татар на пограничные русские княжества, расположенные по Оке.

Нижний-Новгород, как передовой русский оплот на востоке, первый подвергся нападению.

В 1377 году Мамаем был послан на Нижний-Новгород царевич Арапша, «свиреп зело и ратник велий». На реке Пьяне он разбил полки сузальско-нижегородских князей и небольшой вспомогательный отряд, присланный из Москвы. После этого Арапша напал на Нижний, сжёг и разграбил его. Мамай потребовал от великого князя Димитрия полного подчинения себе и уплаты дани в неслыханно больших размерах. Отказ платить такую дань и особенно победа в 1378 году московских полков, одержанная при поддержке рязанских князей над мурзой Бегичем в битве на реке Воже, одном из притоков Оки, привели Мамая в ярость. Подвластным ему ордынским князьям он говорил: «Казним рабов строптивых! Да будут пеплом грады их, веси и церкви христианские! Обогатимся русским золотом!» Современникам казалось, что воскресают грозные времена Батыя. Опасность для всей русской земли была действительно велика.

Вступив в союз с литовским великим князем Ягайло и договорившись с ним о совместном нападении на Русь, Мамай стал готовиться к походу. Ему удалось объединить основные силы Золотой Орды, пополнить их наёмниками из народов Северного Кавказа и даже генуэзских колоний в Крыму, которых русские называли фрягами. Летом 1380 года Мамай перекочевал к устью реки Воронежа и здесь у самых границ Рязанского княжества стал поджидать Ягайло.

Перед лицом грозной опасности некоторые русские князья заколебались. Новгород и Тверь своих полков против татар не прислали. Олег Рязанский занял выжидательное положение, явно склоняясь на сторону Мамая и его союзника Ягайлса. Желая выслужиться перед грозным ордынским ханом, он так писал Мамаю о себе и о Димитрии Московскому: «Меня, раба твоего, сподоби твоей милости. Мы оба твои рабы, но я служу тебе со смиренiem и покорством, а он к тебе с гордостью и непокорностью». Одновременно Олег писал Ягайло: «Ты давно хотел прогнать мо-

сковского князя и овладеть Москвой; теперь пришло время; Мамай идет на него; соединимся с Мамаем, посытай своих послов к нему с дарами». Но и с Дмитрием Московским Олег не порывал, он извещал его о том, что Мамай кочует близ устья реки Воронежа. Примеру рязанского князя не прочь были последовать и нижегородские князья, владения которых подходили к границам Золотой Орды.

В этот час грозной опасности, нависшей над Русью, с особенной силой проявились организаторские способности Дмитрия. Он разослал во все русские княжества грамоты, в которых призывал выступить сообща против Мамая и его приспешников. К началу августа 1380 года в Москве собрались основные военные силы феодально-княжеской Руси, около 150 тысяч человек. По словам летописца: «от начала миру такова не бывала сила русских князей и воевод местных». Сборы этого общерусского ополчения так поэтически изображает современная Куликовской битве поэма «Задонщина»: «В Москве кони ржут, звенит слава по всей земле русской; в Коломне трубы трубят; в Серпухове бубны бьют; на берегу Дуная знамена стоят, в Новгороде вечевой колокол сзыывает». По другому сказанию того времени, Дмитрий перед выступлением из Москвы обратился ко всем собравшимся под его великокняжеским стягом князьям и воеводам с такими словами: «Братья милые, не пожалейте жизни за веру христианскую, за святую церковь, за землю Русскую». Русские воины, собравшиеся под великокняжеским стягом Дмитрия Ивановича, готовы были отстоять родину от «поганых». «Мы приговорили положить свой живот, служа тебе, — отвечали они на призыв Дмитрия, — а теперь прольем кровь свою за тебя».

20 августа 1380 года русская рать двинулась в поход. Узнав уже после выступления из Москвы, что Мамай поджидает литовскую рать, к которой примкнул и Олег Рязанский, Дмитрий со своими воеводами пришёл к вполне правильному решению: сперва сразиться с Мамаем, а затем обрушиться на более слабых противников — Ягайло и Олега. Он обратился к своему двоюродному брату Владимиру Серпуховскому, прозванному за свою удаль Храбрым, сс следующими словами: «Идем туда, добудем себе славы... прольём кровь за землю Русскую...»

25 августа в Коломне на обширном лугу Дмитрий произвёл смотр своей громадной рати и двинулся за Оку в степь, чтобы предупредить вступление Мамая в русские пределы и не дать ему соединиться с литовскими полками.

Ягайло, узнав о размерах русской рати, повернулся обратно. Не примкнул к Мамаю, вероятно, по тем же соображениям и Олег Рязанский, бежавший в Литву.

От Коломны русские войска пошли к Серпухову, чтобы встретить татар за Окой, в «диком поле», вне пределов русской земли. Проводниками были купцы-сурожане, хорошо знавшие дорогу благодаря частым поездкам с товарами в Орду и Крым — в город Сурож, как русские называли Судак.

Переправившись 26 августа через Оку, русская рать пошла по Рязанской земле на юг, к верховьям Дона. Характерно для Димитрия, что, проходя по Рязанской земле, земле своего недруга, столь вероломно поступившего, он приказал войскам не причинять никаких насилий жителям. Сознание общенациональных интересов Руси заставляло московского князя забывать об удельных междуусобицах.

VI

6 сентября на берегу Дона против устья Непрядвы произошло совещание князей и воевод. Многие из окружавших Димитрия бояр, испугавшись превосходящих сил врага, не решались перейти за Дон. Но Димитрий снова показал себя стойким патриотом. «Честная смерть лучше злого живота, — сказал он. — Уже лучше было вовсе не ити сюда против безбожных татар, чем, придя сюда и ничего не сделавши, назад возвращаться».

Димитрий и его сторонники взяли верх, и рано утром 8 сентября под прикрытием густого тумана русские полки закончили переправу.

У реки расстипалось болотистое поле, в густой траве которого водилось много куликов, отчего и называли его Куликовым. В восточной части поля тянулся густой лес. За Красным холмом, замыкавшим Куликово поле, лес расступался. Вдоль правого берега Непрядвы, в северной части Куликова поля, расположились русские войска так, что тыл и фланги были защищены от врага. Впереди стояли отборные пехотные части, на флангах — конница. В лесу, клином с востока вдававшемся в поле, был спрятан вспомогательный полк — «заслон» — под начальством серпуховского князя Владимира Андреевича и волынского воеводы Димитрия Боброка. Этот полк в нужный момент должен был вмешаться в сражение и решить его исход.

Рано утром на противоположном конце Куликова поля появились татары. Их было вдвое больше, чем русских, — не менее трехсот тысяч. Не видя из-за густого тумана противника и даже не подозревая, что он так близко, войско Мамая расположилось на отдых. Когда солнце было уже высоко и туман рассеялся, противники увидели друг друга.

Русские полки стояли стройными рядами; в лучах солнца ярко блестало вооружение пеших и конных ратников. Над полками развевались знамена, среди которых выделялся чёрный великоличественный стяг. Перед началом битвы Дмитрий объехал полки, воодушевляя их на решительный бой.

Увидев русских, татары побросали свои котлы с едой и поспешно стали изготавливаться к бою. В противоположность русским, их вооружение было тёмного цвета. На татарах были шлемы и панцыри из буйволовой кожи, со стальными чешуйками; вооружены они были тёмными плетёными кожаными щитами, чёрными луками и колчанами со множеством стрел, длинными копьями с крючками. Как чёрная туча, они закрыли собой всю южную окраину ещё зеленого поля.

Около полудня противники двинулись навстречу друг другу. Мамай со своими приближенными стоял на Красном холме, наблюдая за ходом боя.

Битва открылась единоборством татарского богатыря Телебея и русского воина Пересвета. На полном скаку они пронзили друг друга копьями. Удар был так силен, что кони взвились на дыбы, а оба противника пали мёртвыми. После этого началась общая сеча.

С пронзительным криком татары ринулись в бой. Вражеская конница проникла в самый центр расположения русских. В жарких рукопашных схватках бились русские пешие воины с наседавшими на них конниками — «бысть яко гром от копейного сломления», — читаем в «Сказании о Мамаевом побоище».

Русские полки, не выдержав натиска татар, стали отступать к Непрядве. Казалось, исход сражения предрешен. Но около трёх часов дня в тыл татарам ударили спрятанный в лесу свежий русский отряд князя Владимира и воеводы Боброка. Отступавшие русские полки, заметив смятение в рядах татар, остановились и в свою очередь ударили по врагу. Татары оказались в тисках. Паника охватила полки Мамая. Одни из них бросились к Непрядве, другие, повернув коней, пытались прорвать ряды наседавших на них русских. «Татары падали от ударов, что трава стелется от косы», — чи-

таем в «Сказании о побоище великого князя Димитрия Ивановича Донского».

Мамай, увидев, что войска его в беспорядке отступают, вскочил на коня и первый обратился в бегство.

На протяжении тридцати верст русская конница преследовала татар. «Восстонала земля татарская, и скорбь покрыла их сердца», — восклицает автор «Задонщины».

По подсчётом современников, число павших с обеих сторон достигало двухсот тысяч человек.

Победителям достался весь неприятельский стан, множество телег, коней, верблюдов, палатки, оружие, драгоценности, всё, что татары везли с собой в обозе.

Перед боем князя и воеводы упрашивали Димитрия беречься, быть позади войска. «Как же я после того осмелиюсь говорить: братья, потягнем все как один человек, — отвечал великий князь. — Не только словом, но и делом хочу быть первым между вами и первый перед всеми готов положить голову за христиан». Сняв с себя великохижскую одежду, Димитрий сражался в первых рядах как простой воин и после окончания битвы найден был под деревом в бессознательном состоянии. Доспехи его были сильно изрублены и помяты.

Так же героически вели себя на Куликовом поле и простые воины. Истинным благородством и горячей любовью к Родине проникнуты последние слова Пересвета, с которыми он обратился к русским ратникам: «Лучше нам быть изрубленными, чем в плenу у татар поганых».

За победу над Мамаем Димитрий Иванович получил почетное прозвище Донского, а его двоюродный брат Владимир Андреевич Серпуховской, решивший со своим засадным полком исход боя, назван был Храбрым.

VII

Вскоре после Куликовской битвы власть в Золотой Орде захватил Тохтамыш. Разбитый Тохтамышем Мамай бежал в генуэзский город Кафу, где был убит.

Воцарение в Орде Тохтамыша привело к новому столкновению татар с русскими княжествами. Однако, прежде чем предпринимать поход на Русь, Тохтамыш послал сказать Димитрию Ивановичу и остальным русским князьям, что победил противника своего и их врага — Мамая. Этим он хотел подчеркнуть, что на Куликовом поле русские князья сражались с Мамаем, а не с Золотой Ордой. Присланными да-

рами Тохтамыш не удовлетворился. Убедившись, что русские князья и не помышляют о полном подчинении Орде, хан решил вооружённой рукой восстановить свою власть над Русью.

Опасность вторжения татар внесла разногласия в ряды русских князей. Сложившийся в 1380 году военный союз готов был распасться. Особенно колебались рязанские и нижегородские князья, на владения которых должны были обрушиться первые удары татар.

В 1382 году Тохтамыш «изгоном», т. е. внезапным нападением, проник к самой Москве, вероломно захватил её и почти всю выжег. После этого старые соперники Москвы — Тверь и Рязань — снова стали открыто восставать против Димитрия Ивановича как общерусского великого князя.

Однако, воспользовавшись разногласиями в рядах своих противников и тем, что сам Тохтамыш был отвлечён от русских дел начавшейся борьбой с Тамерланом, Димитрий Донской к концу княжения укрепил свое положение и восстановил союз русских князей под своим главенством. Перед своей смертью в 1389 году он благословил своего старшего сына Василия не только значительной частью наследственных московских владений, но и всей Владимирской велико-княжеской областью. Это показывает, что Димитрий распоряжался Владимирской областью, как своей вотчиной, не ожидая пожалования или согласия со стороны ордынского хана.

Так заканчивался процесс соединения в одно политическое целое двух основных территорий складывавшегося в XIV веке национального русского государства: Московского княжества и великокняжеской Владимирской области. Борьба с татарами ускорила это объединение, а победа над Мамаем на Куликовом поле навсегда установила гегемонию Москвы. Мамаево побоище расценивалось современниками как величайшая победа русских над татарами и высоко подняло авторитет московских великих князей.

Хотя после похода Тохтамыша Русь снова должна была платить дань татарам, но мысль об освобождении от ига Орды всё более крепла в сознании современников Димитрия Донского. Составляя свое духовное завещание, Димитрий Иванович действовал совершенно самостоятельно от Орды. Больше того, в его духовной грамоте весьма четко выражается уверенность в близости полного освобождения русских земель от татар: «А ци переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду».

* * *

Куликовская битва — знаменательная веха в истории героической борьбы русского народа за свою национальную независимость и политическую свободу. Эта битва наглядно показала выросшую мощь Руси, которая могла уже померяться силами с татарами.

Победой на Куликовом поле закладывалось прочное единство русской земли, и прав был В. О. Ключевский, когда говорил: «Не в скопидомном сундуке Ивана Калиты, а на широком просторе Куликова поля родилось национальное русское государство».

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Во время Ливонской войны 1558—1583 годов Польша и Швеция попытались отбросить русский народ назад от его национальных и политических границ, захватить исконные русские земли. Панская Польша понесла тяжёлые потери, но осуществить свои захватнические планы не смогла.

Швеции удалось захватить часть русской территории на южном берегу Финского залива, с городами Ивангородом, Ямом (Ямбургом) и Копорьем, но вскоре эта территория снова была потеряна шведами. Ни Польша, ни Швеция не были удовлетворены исходом Ливонской войны.

В начале XVII века враги решили воспользоваться временным ослаблением Русского государства, чтобы нанести ему смертельный удар. В эту исключительно тяжёлую для нашей страны пору и совершили свой исторический, проникнутый глубочайшей любовью к Родине подвиг посадский человек Кузьма Минин, по прозвищу Сухорукий, и князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

I

Одним из условий развития феодального хозяйства был рост феодальной эксплуатации. В конце XVI века сложилась основа крепостного права; государство юридически признало зависимость земледельца-крестьянина от феодала. Тяжёлые налоги давили крестьянские массы и бедное посадское население. Это вызвало большой отлив населения из центральных областей на юг, где за рекой Окой лежали плодородные, но малозаселённые земли. Беспокойная вольница, не желавшая подчиняться феодальным требованиям, устраивалась здесь на свободных пространствах широкой степи.

Острая классовая борьба в начале XVII века превратилась в крестьянскую войну.

В Польше внимательно следили за развитием событий в России. Осенью 1604 года польские паны перебросили через русскую границу авантюриста-самозванца. История этого первого самозванца, выступившего под именем сына Ивана IV — царевича Дмитрия (в действительности Дмитрий погиб в Угличе ещё в 1591 году), была недолгой. С помощью поляков Лжедмитрий I захватил московский престол, но спустя одиннадцать месяцев он поплатился за

это жизнью: восставший народ убил самозванца и большинство его польских советников и телохранителей.

Взамен убитого был послан поляками второй авантюрист — Лжедимитрий II. Несмотря на серьёзную военную поддержку Польши, занять Москвы он не смог, но ему удалось укрепиться в подмосковном селе Тушине (отсюда и прозвище его тушинский «царёк» или тушинский «вор», что на языке того времени значило — преступник).

Поляки начали быстро распространяться по территории Русского государства. На юге им не удалось далеко продвинуться. Отряд, пытавшийся захватить плодородные приокские и заокские земли, был остановлен и разбит под Коломной. Тогда польско-тушинские отряды пошли на север — на Ярославль, Вологду — и сумели здесь зайти довольно далеко. Под Москвой поляки были задержаны у Троице-Сергиевского монастыря (Загорск).

Под защиту высоких крепостных стен Троице-Сергиевского монастыря собралось местное крестьянское население. Благодаря его помощи монастырь, имевший большое военное значение, упорно оборонялся в течение почти полутора лет (1608—1610). Эта оборона обильна героическими подвигами, свидетельствующими о высоком патриотизме народных масс. Один монастырский слуга из крестьян — Данила Селевин, брат которого изменил и перешёл во вражеский лагерь, заявил, что не хочет больше носить изменнического имени: «Хочу за измену брата свою жизнь переменить на смерть». С сотней отважных людей он бросился на врагов. Обладая большой физической силой, Данила Селевин зарубил многих польских шляхтичей. Смертельно раненный копьём в грудь, он продолжал биться, пока не одолел противника.

Борьба с польской интервенцией становится народным делом. Во многих городах посадский мир по своей инициативе собирал жителей, посадских людей и крестьян, и создавал из них вооружённые отряды. Во главе стояли простые русские люди, редко дворяне, чаще стрельцы, посадские казаки, крестьяне и даже холопы. Города персыкались грамотами и призывали крепко стоять друг за друга.

Один из современников-иностраниц, рассказывая об этом движении русских людей против поляков и бывших у них в услужении немцев, говорит: «Русский народ ожесточился. Со всех сторон явились крестьяне, которые истребляли немцев и поляков с неимоверной злобой». Этот же иностранец

признаётся, что причиной злобы русских были исключительные грабежи и жестокости польской шляхты. Народ мстил полякам: «Иных повесил, других изрубил, а некоторых побросал в прорубь с такими словами: — Полно вам жрать наших коров и телят, ступайте в Волгу ловить нашу рыбу».

Полная патриотического воодушевления, крестьянская и посадская масса не была однако достаточно организована и вооружена, чтобы освободить страну от вражеского нашествия.

Осенью 1609 года король польский Сигизмунд III, убедившись, что Лжедимитрий II не в состоянии овладеть Москвой, открыто вторгся в пределы Русского государства. Поздней осенью большая польская армия появилась у ворот Смоленска.

Смоленск оказал сильнейшее сопротивление. Он сковал у своих стен большие силы поляков. Не надеясь быстро овладеть Смоленском, король послал к Москве значительный отряд войск во главе с гетманом Жолкевским. В июне 1610 года Жолкевский разбил русские войска, возглавлявшиеся братом царя Димитрием Шуйским; путь к Москве оказался открытym. Царь Василий Шуйский был в Москве свергнут с престола, а власть захватила небольшая группа родовитых бояр. Осенью этого года боярское правительство предательски впустило поляков в русскую столицу. Паны и шляхтичи не сомневались в близком окончании войны.

Разорявшаяся многие годы страна была обессилена, однако народ продолжал оказывать сопротивление.

В начале 1611 года рязанский воевода Ляпунов возглавил первый поход для освобождения Москвы. Весной он подошёл к Москве. Основная часть его войска состояла из дворян и казаков, не доверявших друг другу. Они расположились отдельными лагерями.

Дворянская политика Ляпунова и его сподвижников привела к расколу ополчения. Ляпунов был убит, дворяне разошлись, под Москвой остались казачьи части во главе с двумя атаманами — князем Димитрием Трубецким и Иваном Зарудским, по происхождению шляхтичем.

II

Тяжёлое положение переживало Русское государство весной и летом 1611 года. Москва была в руках врагов, которые беспощадно грабили столицу.

«Когда город сгорел, — пишет один из иностранцев-свременников, — и поляки не имели больше никакой опасности от москвитян, они только и думали, что искали добычи, которую нашли в большом количестве и очень богатую, так что и не хотели смотреть на ситец, полотно, олово, медь, а только на деньги, серебро, золото, бархат, шёлковые материи, бриллианты, золотые вещи, жемчуг, драгоценные камни. Солдаты из самохвальства заряжали ружья большими ценныхми жемчужинами, величиною с горошину или боб, и стреляли на воздух или в цель. Вообще всего было много и вдоволь. Поляки кутили и бражничали, играли в кости, распутничали...»

3 июня пал Смоленск, почти два года осаждавшийся войсками короля Сигизмунда. Когда враги ворвались внутрь города через проломы в крепостных стенах, его доблестные защитники взорвали большой пороховой погреб. Вместе с русскими под развалинами погибло много поляков. Чтобы не попасть живыми в руки врагов, защитники Смоленска бросались в огонь. В Польше взятие Смоленска было отпраздновано с большим торжеством. Совремённый польский историк писал, что у короля и его вельмож от радости помутился рассудок: «они твёрдо были уверены, что победённая Московия скоро будет под польским скипетром; уверенность в несомненной победе приводила их в такой восторг, что многие уже толковали о преобразовании Московии в польскую провинцию».

В то время когда польские захватчики хозяйничали в столице и во многих других городах, на северо-западе Русского государства появились шведы. В июле 1611 года они заняли часть Новгорода и потребовали, чтобы новгородцы приняли одного из сыновей шведского короля в качестве новгородского царя. Не ограничиваясь этим, шведы, так же как и польские паны, мечтали о подчинении себе всей России.

Русскому государству угрожала опасность политического распада и потери национальной независимости. Центральной власти не было; бояр, сидевших в Москве с поляками и рассылавших грамоты от имени московского правительства, никто и слушать не хотел; на них смотрели как на изменников русскому делу. Попытка создать правительство при ополчении Ляпунова не удалась. В городах, не занятых ни поляками, ни шведами, власть принадлежала местным воеводам или атаманам казачьих отрядов. Наступала полная анархия.

Население центральной части государства было страшно разорено. Здесь рыскали польские отряды, грабившие, убивавшие и насильничавшие. Население вымирало от голода, болезней; свирепствовала цынга. Многие крестьяне бросали свои дома и укрывались в лесах. Многолюдные посады опустели, торговля замерла. Трудно было представить, чтобы в опустошившейся в течение ряда лет стране могли сохраниться силы, способные очистить её от врагов и восстановить государственное единство. Но такая сила была — русский народ, поднявшийся на защиту Родины.

Едва только под Москвой распалось ополчение Ляпунова, как поднялась новая волна народного движения в Нижнем-Новгороде. Этот древний русский город, расположенный у впадения Оки в Волгу, играл в XVII веке крупную роль в торговой жизни страны. Широкая Волга издавна связывала русские земли с прибалтийскими и закаспийскими странами. Персы, хивинские и бухарские купцы привозили шёлковые и бумажные ткани, сафьян, восточные лакомства и пряности. С Каспийского моря шла рыба разных сортов. Из плодородной Рязанской земли по Оке в изобилии поступал хлеб. Из Сибири и с северного Поморья привозили меха — соболь, лисицу, куницу, белку — и другие пушные товары. Сама Нижегородская область была богата хлебом, мёдом и всяким звёрем. Нижегородский посад считался одним из самых больших и многолюдных; здесь было не менее тысячи лавок. Значительный вес в городе имело и ремесленное население. Жизнь речного порта, где постоянно разгружались и нагружались суда, требовала большого числа плотников, кузнецов, грузчиков, бурлаков и других «работных» людей. Это была буйная и крепкая вольница, привыкшая к лишениям, закаленная суворой русской рекой. Вражеская рука ещё не коснулась Нижнего-Новгорода, он не был разорен, но противник уже не раз угрожал превратить его в развалины. Жители сознавали опасность, висевшую над ними, и говорили: «Что пользы в нашем богатстве, только поганым зависть. А если придут и город наш возьмут, то не так ли с ним поступят, как и с прочими городами. Может ли устоять наш город?» Так пробуждалось сознание общеноциональных интересов. Чувство любви к своему городу, своему дому, своему уголку земли переходило в глубокую любовь ко всей русской земле, к родине, к государству.

Начавшееся в Нижнем-Новгороде движение за создание нового ополчения выдвинуло из недр народа замечательного организатора-патриота. Это был простой посадский человек,

выбранный в начале сентября 1611 года земским старостой посада, Кузьма Минин, по прозвищу Сухорукий. По словам современников, он обратился к населению города с патриотическим призывом, проникнутым глубочайшей и пламенной любовью к России: «Если нам пожелать помочь Московскому государству, то не пожалеть нам своего имущества, да не только своего имущества, не жалеть и дворы свои продавать, а если понадобится — жён и детей своих закладывать и просить, кто бы повёл нас стоять за наше дело и был бы у нас начальником.»

Какой сильный отзыв нашёл в душе народа патриотический призыв Минина, можно судить по песням, которые с тех времен передаются на берегах Волги из поколения в поколение:

...Оставляйте вы свои дома,
Покидайте ваших жён, детей,
Вы продайте всё ваше злато-серебро,
Накупите себе вострых копиев,
Вострых копиев, булатных ножей...
Пойдём-ко мы сражатися
За матушку, за родну землю,
За родну землю, за славный город Москву.

Одной из первых забот нижегородцев был выбор военачальника, которому можно было бы доверить ответственное дело организации народных сил, который соединял бы опытность в ратных делах с преданностью и верностью своему народу. Молва уверенно называла имя такого человека: князь Димитрий Михайлович Пожарский. Он принадлежал хотя и к древнему княжескому роду (стародубских князей, одно из боковых ответвлений рода Рюрика), но обедневшему и потому не пользовавшемуся большим влиянием в кругах придворной аристократии.

Сыновья влиятельных московских бояр обычно начинали службу со звания «окольничего», что сразу давало им почетное положение в царском дворце. Для них был открыт лёгкий доступ к высшему придворному званию «боярина», которым жаловал царь не по уму и достоинству, а как говорили в XVI—XVII веках, по «породе». Знатность рода заменяла и опытность и способности. Представители менее родовитых фамилий начинали свою служебную деятельность со «стольника», а чин «окольничего» получали уже в зрелых годах, иногда только под старость.

Димитрий Пожарский начал службу «стольником» в царствование Бориса Годунова. В «смутные годы», когда

высшие слои боярской знати показали себя политически очень неустойчивыми, Дмитрий Пожарский твёрдо стоял за русское дело и не проявлял никаких колебаний в отношении к польским захватчикам и русским изменникам. Свою непоколебимую преданность родине он доказал ратными подвигами и пролитой кровью. Ещё в 1608 г. молодым тридцатилетним воеводой он наголову разбил польский отряд, пытавшийся захватить Коломну.

Весной 1611 года, когда собиралось ополчение под предводительством Ляпунова, Дмитрий Пожарский одним из первых прибыл на помощь москвичам, восставшим против поляков.

В Московском посаде происходило ожесточённое сражение. Поляк Маскевич, участвовавший в этом сражении, так описывает мужественное поведение русских: «Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнём. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды, они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намерены обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитой своих загородок стреляют по нас из ружей; а другие, будучи в готовности, с кровель, с заборов, из окон, бьют нас самопалами, камнями, дрекольем. Мы, то-есть всадники, не в силах ничего сделать, отступаем...»

Поляки решили сжечь Москву до основания. Это поручено было 2 000 немцев, служивших в польском войске. Немцы тотчас же принялись за дело. Они поджигали один дом за другим. «Вся столица пылала, — вспоминает далее Маскевич. — Пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день, а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить аду, как его описывают». Но ничто не могло устрашить русских людей. Они гибли на улицах родного города, но не сдавались врагу. Поляк гетман Жолкевский рассказывает в своих воспоминаниях, что многие москвичи сами бросались в огонь вместе с жёнами и детьми.

Трудно было устоять плохо вооружённому народу против поляков и немцев, но было одно место, где враг не мог добиться успеха. В этом месте — на Сретенке — сражался Дмитрий Пожарский, успевший собрать здесь небольшой отряд из жителей и пушкарей. Он не только отбил все приступы врагов, но и прогнал их обратно за стену Китай-города.

На другой день жестокое сражение продолжалось среди пылающих домов. К полякам подошло подкрепление. Стали подходить и новые русские отряды. Тяжело раненый накануне, Пожарский продолжал отбивать все попытки врагов захватить район Сретенки. Он сражался, пока не упал на землю, совсем потеряв силы. Его увезли в Троице-Сергиевский монастырь, а оттуда, оправившись, он уехал в свою вотчину Мугреево, находившуюся в 120 километрах от Нижнего-Новгорода.

Остановив свой выбор на Димитрии Михайловиче Пожарском, нижегородцы несколько раз отправляли своих посланцев в Мугреево; Пожарский не сразу дал согласие. Это объясняется не только его скромностью, но и необходимостью договориться о тех условиях, на которых воевода мог взять на себя трудное дело организации народного ополчения. Опытный военачальник понимал причину прежних неудач. Ведь и в ополчении Ляпунова находилось много людей, бескорыстно преданных делу освобождения родины и готовых пожертвовать для неё свою жизнью. Но для успеха одного мужества было мало, — требовался порядок, дисциплина. Предстояло вооружить и обучить людей не знакомых или мало знакомых с военным делом.

Одна из причин разложения ополчения Ляпунова заключалась в том, что его руководители не сумели наладить хозяйство, в результате чего каждый ополченец сам должен был заботиться о своём прокормлении. Пожарский учёл эту ошибку. Дав согласие встать во главе нижегородского ополчения, он потребовал, чтобы ополчение было обеспечено всем необходимым.

По народному избранию помощником Пожарского стал Кузьма Минин. Между этими двумя людьми был заключён прочный союз, никогда не омрачившийся ни столкновениями, ни расхождениями во взглядах, несмотря на то, что один был потомок старого княжеского рода, другой — «говядарь» (мясник), промышлявший торговлей мясом и рыбой. В союзе этих двух преданных сыновей родины удачно объединились воинское искусство и заботливость опытного хозяина. Про Минина говорили, что он был «муж рода не славного, но смыслом (умом) мудр».

Прежде всего вожди ополчения потребовали, чтобы нижегородцы формально подтвердили обещание во всём повиноваться своим начальникам. Нижегородцы написали «приговор»: «стоять за истину всем безъизменно, к начальникам быть во всем послушными и покорливыми и не противиться

им ни в чем; на жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет — отбирать не только имущество, а и дворы, и жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать, чтобы ратным людям скудости не было».

Минин одним из первых показал пример патриотизма: он отдал на общее дело значительную часть своего имущества, «мало что себе оставил», как сообщает современник. Его примеру последовали многие. Одна бездетная вдова из имевшихся у нее 12 тысяч рублей отдала 10 тысяч. Однако одними добровольными пожертвованиями нельзя было ограничиться. Организация народного войска требовала больших расходов. Пришлось установить обязательный оклад в размере одной пятой от общей стоимости имущества. Минину было предоставлено право «страж на ленивых налагати».

Продолжался и добровольный взнос денег «сверх оклада». Успешный сбор средств сразу поставил организацию ополчения на твёрдую материальную основу. Благодаря этому был открыт доступ в ополчение бедным людям, не имевшим возможности вооружиться и снаряжаться на собственные средства.

Ядро ополчения составил находившийся в городе небольшой гарнизон — стрельцы и дворяне, пополненный местными посадскими людьми и крестьянами близлежащих уездов. Вскоре прислали ратных людей неподалеку расположенные Балахна и Гороховец. Из-под Арзамаса пришли хорошо обученные военному делу, много раз бывшие с Литвой и поляками смоленские и вяземские дворяне, покинувшие свои родные места, после того как они были заняты Сигизмундом. Лишённые домов и семейств, они принесли с собой острое чувство ненависти к поработителям. Постепенно вливались в ополчение казаки и стрельцы. Перерастая рамки местной организации, народное ополчение становится общерусским делом. Весть о том, что Нижний-Новгород встал за всю русскую землю, быстро распространилась по всему Поволжью и Заволжью, по Оке и далеко за Окой. Разные города начинают обращаться к вождям ополчения за советами и помощью. В свою очередь Минин и Пожарский рассыпали по городам грамоты, призывали скорее соединиться для общего дела. «И такую неправду и разорение видя, — писал Димитрий Пожарский, — все города Московского государства, сославшись между собою, утвердились на том крестным целованием, чтобы быть нам всем, православным

христианам, в любви и в соединении и прежнего междуусобия не начинать и Московское государство от врагов наших, от польских и литовских людей, очищать неослабно, до смерти своей».

Приходили вести из-под Москвы. Духовные власти Троице-Сергиевского монастыря, стойко выдержавшего шестнадцатимесячную осаду, также призывали всех русских людей стоять за родную землю. К тому же призывал и глава православной церкви патриарх Гермоген, находившийся в плена у поляков в Москве. Человек сурового нрава и сильной воли, он хорошо понимал, какая опасность грозит православной церкви в случае подчинения Русского государства королю-католику. Польские власти в Москве долго и упорно добивались от него полного подчинения. Они хотели воспользоваться авторитетом патриарха для того, чтобы ослабить сопротивление русского народа. Но Гермоген был непоколебим. Поляки посадили его в темницу и стали морить голodom. И это не помогало. Из своего заключения, незадолго до смерти, патриарх послал последнее благословение тем, кто идёт «на очищение отечества», и проклятие изменникам-боярам, служившим польским властям.

В начале 1612 года ополчение представляло уже такую силу, что можно было думать о выступлении против врагов. К этому времени польский гарнизон в Москве был усилен. Вражьи отряды рыскали по стране, стремясь захватить города, важные в экономическом и военном отношениях. Казачье войско хотя и продолжало стоять лагерем под Москвой, но поведение его предводителей — Трубецкого, Заруцкого и других — внушало большие опасения. Вместо того чтобы объединиться с народным ополчением, представители подмосковного казачества вели переговоры с новым самозванцем, объявившимся в Пскове. Сгущались тучи на северо-западной окраине, где распоряжались шведы, занявшие часть Новгорода.

Вожди ополчения действовали с большой осторожностью. Они не пошли прямо на Москву, а решили сначала перейти в Ярославль. Там, в отдалении от Москвы, можно было спокойно закончить организацию народного войска. Поволжье и Заволжье относительно мало пострадали, а сам Ярославль, стоявший на дороге, соединившей центр страны с богатым Поморьем, был большим торговым городом. Кроме того, географическое расположение Ярославля вполне отвечало выполнению второй задачи, стоявшей перед ополчением, — очистить страну от разрозненных польских отрядов

и грабительских шаек, чтобы обеспечить тыл и фланги при походе на Москву. К тому же отсюда удобно было следить за действиями шведов и в случае необходимости во-время предупредить опасность, грозившую с их стороны. Наконец, с переходом в область Верхнего Поволжья, с 1608 года охваченную народным движением, ополчение вбирало в себя многочисленные отряды посадских и волостных людей.

III

Из Нижнего-Новгорода ополчение выступило в конце февраля 1612 года. Поход превратился в народный праздник, вдохнувший в сердца уверенность, что русское дело скоро восторжествует. Население городов выходило встречать ополченцев, передавало им собранные деньги и припасы. Ряды ополчения непрерывно пополнялись добровольцами. В Балахне в ополчение влились ратные люди из разных городов. В Юрьеве присоединились татары. Когда ополчение приблизилось к Костроме, где сидел враждебно настроенный к Минину и Пожарскому воевода, жители едва не убили его как изменника.

В Ярославле ополчение было встречено с большим торжеством, «с великой честью».

Народное войско простояло в Ярославле около четырёх месяцев. За это время было закончено военное устройство и организация «земского» правительства, начало которому было положено ещё в Нижнем-Новгороде. Правительство создавалось из представителей всех социальных групп, входивших в ополчение. В специальных грамотах Пожарский просил «для общего земского совета» выбирать и присыпать людей «из всяких чинов», то-есть разного социального положения. Официально это правительство называлось «Советом всей земли». По составу оно напоминает земские соборы XVII века, но отличается от них большим демократизмом. В нём почти не было высшей феодальной знати (всего только четверо «думных» людей, имевших право входить в Боярскую думу), а мелкое служилое и посадское население было представлено гораздо полнее, чем в обычном земском соборе. Есть основание полагать, что в «Совет всей земли» входили даже представители государственных («черносошных») крестьян, и не только русских. В общем состав земского правительства вполне соответствовал составу самого ополчения. Представителей разных классов объединяла общая ненависть к захватчикам и общая цель — освободить родную землю.

Таким образом, Пожарский и Минин, стоя во главе ополчения, опириались на выборное от населения «земское» правительство. В этом выражалось единение и согласие всей земли.

К концу лета 1612 года власть правительства народного ополчения распространилась уже, по крайней мере, на половину всей территории государства, её признавали Сибирь, всё Поморье, значительная часть Поволжья, включая нижнее течение реки с Астраханью, большая часть центральных уездов. На всем этом обширном пространстве нужно было установить единый порядок, от которого население успело отвыкнуть за годы разрухи, поддержать согласие и единство — как важнейшие условия для успеха. Эту задачу должны были выполнить органы государственного управления, которые восстанавливались в прежней форме «приказов». Некоторые из приказов были образованы ещё в Ярославле.

Не менее важна для победы была продолжавшаяся в Ярославле деятельность вождей ополчения в части моральной подготовки русских людей к решающим битвам. Некоторые слои населения были заражены пассивностью, отчаянием, неверием в русские силы. Духовенство далеко не всё следовало примеру патриарха Гермогена и защитников Троице-Сергиевского монастыря. Наряду с боевыми патриотическими призывами нередко раздавались с церковного амвона проповеди о посте и молитвах «с неутешными слезами и вздоханиями», означавшими по существу отказ от борьбы.

Грамоты Пожарского, проникнутые чувством гнева к врагам за несчастья, которые они принесли русской земле, призывали всех быть в «соединении» и против врагов «стояти в крепости неподвижно», т. е. быть мужественными и стойкими до конца. «Сами знаете, — писал Пожарский, — только вы с нами и со всею землею будете в соединении, и враги наши, польские и литовские люди, из Московского государства выйдут вон, а если не будете в соединении, то враги царствующий град Москву и все города Московского государства до конца разорят и всех вас и нас в конец погубят, и землю нашу опустошат... Не назовут ли нас тогда и соседние государства предателями своего отечества?»

Была ещё одна важная область, в которой Пожарский проявил большие государственные способности, — область внешней политики.

Во время разрухи в Новгороде образовалась своя местная власть во главе с митрополитом Исидором и боярином

князем Одоевским. Не надеясь отбиться собственными силами от шведов, это правительство после длительных переговоров согласилось принять на «Новгородское государство» одного из сыновей шведского короля. В то же время новгородские послы, прибывшие в Ярославль к вождям ополчения, сообщили, что у новгородских людей и в мыслях нет отделяться от Русского государства. «Ведомо вам самим,— говорили послы,— что Великий Новгород от Московского государства никогда отлучен не был, и ныне нам также, установя общий совет, быть в любви и в соединении под рукою одного государя». Речь, таким образом, шла о признании шведского королевича царём всей России. Этим новгородцы думали устраниТЬ опасность отделения своей земли от Русского государства. Пожарский потребовал условий, которые бы гарантировали независимость России от шведской короны. Он предостерегал новгородцев от доверчивости, напоминал им вероломные поступки польского короля Сигизмунда и решительно возражал против отправления в Швецию большого посольства, которое шведы легко могли задержать в качестве заложников.

Согласие Пожарского на принятие шведского королевича, несомненно, было только ловким дипломатическим приёмом; «чтобы не помешали немецкие люди ити на очищение Московского государства,— как замечает летописец,— а того у них в думе не было, чтобы взять на Московское государство иноземца».

Это видно уже из того, что Пожарский намеренно затягивал переговоры и в то же время принимал спешные меры к укреплению пунктов, которые могли быть захвачены шведами. Особенно опасно было бы движение шведов на Тихвин и Белоозеро. Так как укрепления Белоозера обветшали и разваливались, из Ярославля было послано распоряжение построить новую крепость и привлечь на работу всех, без исключения, посадских и волостных людей (крестьян). Когда часть крестьян отказалась участвовать в постройке крепости, Пожарский велел ослушников на первый раз «вкинуть в тюрьму на месяц» и предупредить, что в случае дальнейшего непослушания они будут повешены.

Дипломатические способности Пожарского проявились также в умелом использовании давней вражды между Польшей и Австрией. Он послал австрийскому императору грамоту, в которой напоминал о помощи, оказанной ему Россией в прежние годы. «Теперь же,— писал Пожарский,— стоим под Москвой другой год за правду и за свою землю».

Пусть император, — продолжал он, — вспомнив прежнюю дружбу, окажет помощь деньгами, пусть он потребует, чтобы Сигизмунд от «своей неправды отстал» и вывел войска из Русского государства. Дипломатический шаг был рассчитан верно: Австрия, так же как и Швеция, питала надежду, что русским царем будет избран один из представителей её династии. Ни к чему не обязывающим напоминанием о старой дружбе Пожарский укреплял австрийцев в их надежде. Таким образом, Польша оказалась изолированной. И Австрия и Швеция были заинтересованы в победе Пожарского.

Теперь Минин и Пожарский могли все свои силы направить к одной цели — к борьбе с польскими захватчиками и прежде всего к освобождению столицы.

За время пребывания ополчения в Ярославле в казачьем лагере, стоявшем под Москвой, начались серьезные разногласия, некоторые атаманы сами «отъехали» в Ярославль и присоединились к ополчению. Тогда Заруцкий решил отделаться от Пожарского. Он подоспал к нему убийцу. Покушение было совершено в тот момент, когда Пожарский выходил из избы, чтобы осмотреть пушки, отправлявшиеся под Москву. Убийца хотел ударить его ножом, но промахнулся и всадил нож в ногу рядом стоявшего казака. Преступника схватили, и он выдал тайные планы Заруцкого. Это заставило вождей ополчения с ещё большей осторожностью относиться к начальникам подмосковного казачества, которые теперь не могли уже не считаться с Мининым и Пожарским.

Высыпавшиеся из Ярославля отряды ополчения освобождали один город за другим. Вслед за освобождением Верхнего Поволжья были очищены от врагов многие южные города, главным образом по Оке.

Освобождение занятой врагом территории происходило при участии самого местного населения. Крестьяне, вооружаясь топорами и вилами, беспощадно уничтожали поляков, рыскавших по деревням в поисках продовольствия. Зимой в тылу врага появились отряды крестьян, действовавших на лыжах. О нападении на поляков одного такого крестьянского отряда рассказывает в своих воспоминаниях польский ротмистр Маскевич. Он признается, что только спешное бегство сохранило полякам жизнь:

Пришла весна 1612 года. Повсюду говорили об ополчении Минина и Пожарского, об освобождённых городах, об уничтожении польских грабителей. Везде шляхтичей стерегла смерть. В марте в одной из деревень под Можайском

польский отряд поймал русского старика-крестьянина; поляки потребовали, чтобы тот провел их к Москве. Старый крестьянин решил пожертвовать своей жизнью, но не допустить поляков к столице. Он повел их на Волоколамск, где находились русские ратные люди. Только случайность спасла вражеский отряд от гибели: по пути поляки встретили какого-то шляхтича, предупредившего их об опасности. Проводнику отсекли голову.

Простые русские люди, крестьяне, как умели и как могли боролись за родную землю. Не задумываясь, отдавали они свою жизнь за родину, как отдал ее костромской крестьянин Иван Сусанин, преданный поляками лютой смерти за то, что завел их отряд на верную гибель в непроходимые лесные болота. Позднее рассказ о подвиге Ивана Сусанина оброс легендой, но в основе его лежат действительные факты. И в наши дни звучит великолепная музыка гениального русского композитора Глинки, запечатлевшего в образе Сусанина патриотизм многих безвестных русских людей того времени.

IV

Поляки знали о сборе русского ополчения, но в первое время это их не пугало. Они не верили, что в стране, лишенной государственной власти, можно собрать большое войско. Однако вести приходили всё тревожнее и тревожнее: русский народ вооружается, город за городом отдаёт себя в распоряжение вождей ополчения. Тогда поляки, сидевшие в Москве, стали молить короля о помощи.

Сигизмунд, думавший, что со взятием Смоленска и захватием Москвы русский народ покорён, с неудовольствием начал собирать новое шляхетское войско. Сборы были не легкие. Шляхта устала от войны, которая вначале представлялась такой легкой и заманчивой, а на деле оказалась затяжной и тяжёлой. Недостаток боевого пыла приходилось подогревать денежными обещаниями, которые в большинстве случаев не выполнялись, так как королевская казна уже была опустошенавойной. Всё-таки летом 1612 года Сигизмунду удалось сколотить в Польше кое-какие силы, принять венгров и немцев и отправить на Москву войско под начальством гетмана Ходкевича.

Москва в начале XVII века представляла собою сильную крепость, имевшую несколько прочных каменных стен. Центр её занимал древний Кремль с высокой зубчатой стеной, во

многих местах прерывающейся массивными башнями, удобными для обстрела лежащего вокруг пространства. С одной стороны Кремль омыгался Москвой-рекой, с двух других сторон у его подножия протекала небольшая болотистая речка Неглинка (теперь заключённая под землей в трубу). С восточной стороны к Кремлю примыкала стена Китай-города, построенная в 1534 году. В конце XVI века часть посада, находившаяся на западе от Кремля и Китай-города, была обнесена новой стеной, получившей название стены «Белого города». Строил ее знаменитый русский зодчий Федор Конь. Она проходила по линии нынешних бульваров. Часть посада, находившаяся за стеной Белого города, была окружена земляным валом с деревянной стеной, сожжённой поляками в марте 1611 года.

Летом 1612 года польский гарнизон занимал Кремль, Китай-город и часть Белого города. Таким образом, он был защищен сильнейшими укреплениями. По тогдашнему времени они могли считаться почти неприступными. Правда, в польском войске ощущался недостаток в боевых припасах и особенно в продовольствии. Доставать продукты в окрестностях Москвы становилось всё труднее и труднее, а далеко отходить от неё было опасно — нападали казаки, крестьяне, подходили отряды народного ополчения.

Если бы Ходкевичу, с которым двигался большой обоз с продовольствием и запасами, удалось прорваться к Москве, — это очень бы затруднило дело её освобождения. За тремя рядами каменных стен хорошо снабжённое и вооружённое войско могло выдержать долгую осаду. Польша за это время собралась бы с новыми силами, а шведы заняли бы всю Новгородскую область и, может быть, пошли бы дальше. Успех русского дела во многом зависел от того, кто раньше подойдет к Москве: Ходкевич или Минин и Пожарский. Необходимо было спешить.

К этому времени Заруцкий окончательно сбросил с себя маску. Убедившись, что все его попытки противодействия Минину и Пожарскому ни к чему не ведут, он вступил в тайные переговоры с Ходкевичем. Это предательство было во-время раскрыто и вызвало возмущение среди значительной части подмосковных казаков. Тогда Заруцкий ушел с частью своего отряда на юг.

Первый отряд ополченцев прибыл к Москве 24 июля. Он стал особым острожком (укреплением) у Петровских ворот. Вслед подошёл другой отряд в 700 человек, который укрепился у Тверских ворот (ныне Пушкинская площадь).

Занимая линию нынешних бульваров, отряды ополчения перерезали связь центральной части Москвы, занятой поляками, со Смоленской дорогой, по которой должен был подойти Ходкевич. Казачество под предводительством Трубецкого стояло в Замоскворечье.

Главные силы ополчения выступили из Ярославля в конце июля. На пути к Москве возле Переяславля к Пожарскому явился один иностранец с сообщением о том, что в Россию прибыл отряд иноземцев-наемников и предлагает свои услуги. Вожди ополчения отнеслись к этому предложению с большим подозрением. Иноземцам был дан письменный ответ, в котором сообщалось: «Ныне Московское государство училось в соединении и против польских и литовских людей стали все и стали единомышленно и бьёмы за свое отечество без жалованья... И чаючи милости божией, оборонимся от польских людей и сами Российским государством и без наёмных людей». В заключение предлагалось иноземцам-наемникам в Московское государство не приезжать, дабы не вводить себя в напрасные убытки.

Отказавшись от иноземной помощи, за которой скрывались неизвестные, может быть враждебные цели, ополчение продолжало свой путь к Москве. У Троицкого монастыря ратные люди, приехавшие из-под Москвы, сообщили, что Ходкевич уже близко, нужно спешить.

19 августа ополчение сделало последнюю остановку на реке Яузе, в нескольких километрах от столицы. Здесь возобновились переговоры с Трубецким, предлагавшим вождям ополчения присоединиться к его лагерю, находившемуся в юго-восточной части Москвы — в Замоскворечье. Пожарский отказался. Стать у Замоскворечья, отделенного рекой от Кремля, значило открыть дорогу на Москву Ходкевичу, ожидавшемуся с западной стороны, из Можайска.

20 августа Пожарский с главными силами подошёл к столице и занял линию у стен Белого города, упираясь своим левым флангом в Москву-реку. Тотчас началась постройка укреплений. Разведчики доносили, что Ходкевич прошёл село Вязёмы, в 40 километрах от Москвы. В тот же день польские войска показались на Поклонной горе. Отсюда открывалась чудесная панорама на Москву. Двумя столетиями позднее этой панорамой любовался другой завоеватель — Наполеон, долго напрасно ожидавший здесь ключи от древней русской столицы.

22 августа Ходкевич у Ново-Девичьего монастыря переправился через Москву-реку, приближаясь к левому флангу

народного ополчения. Трубецкой ещё утром просил у Пожарского помочи. Ему были посланы пять отборных казачьих сотен. Однако, когда Ходкевич всеми силами набросился на ополченцев, Трубецкой не тронулся с места, повидимому выжидая, чем кончится сражение.

Положение ополченцев было очень трудное: с одной стороны наступал Ходкевич, с другой — сделали вылазку поляки, занимавшие Кремль. Сражение продолжалось уже около семи часов, но видимого успеха не имела ни одна из сторон. Важным преимуществом Ходкевича было то, что он имел хорошо обученную кавалерию, в состав которой входили венгерские конные части, пользовавшиеся славой лучшей конницы Европы. Конные ратники Пожарского сидели на малосильных обывательских лошадях, никогда не бывших в сражении. Видя, что в конном строю им не устоять, Пожарский велел своим ратникам сойти с коней и биться пешими. Вновь закипел ожесточённый рукопашный бой. «Едва руками не схватывались», — говорит летописец того времени.

Силы русских воинов уменьшались с каждым часом, но враг не мог сломить их мужества и стойкости.

Между тем бездействие Трубецкого вызвало неудовольствие и ропот казачества. Особенно негодовали казаки из сотен, переданных Трубецкому Пожарским. Видя «изнеможение» своих, уже много часов сдерживавших напор польского войска, они кричали Трубецкому: «От вашей нелюбви к Московскому государству и ратным людям пагуба (гибель) становится». Не слушая больше его приказаний, они сами пошли на помощь ополчению. Их порыв увлёк и некоторых атаманов Трубецкого. Неожиданное появление свежих частей на поле боя сразу изменило обстановку в пользу русских. Поляки были отбиты с большим уроном. На поле сражения было подобрано более тысячи неприятельских трупов. Только шести сотням гайдуков (польская пехота) удалось тёмной ночью пробраться в Кремль.

Весь следующий день обе стороны готовились к возобновлению битвы. Ходкевич перешел к Донскому монастырю, в Замоскворечье, где, по словам одного современника — поляка, «русские не столь хорошо укрепились». Повидимому, Ходкевич хотел воспользоваться бездействием Трубецкого, чтобы проникнуть в Кремль со стороны Москва-реки.

Однако Пожарский и на этот раз предусмотрел план противника. Он переправил часть ополченцев на другой берег

реки. Ополченцы залегли там во рвах и ямах, поросших крапивой.

Утром 24 августа Ходкевич, разделив войско на две части, одновременно напал на Трубецкого и на ополченцев, занимавших правый берег реки.

Ратники Пожарского храбро защищались. Только после многочасового боя Ходкевичу удалось сломить их сопротивление и отбросить за реку. Трубецкой также отошёл в укрепленный табор. Поляки и венгры заняли острожок у церкви Климента, имевший важное тактическое значение. Тогда Минин и келарь (казначей) Троице-Сергиевского монастыря Авраамий Палицын отправились в табор Трубецкого. Им удалось уговорить казаков вступить в бой. Совместно с ополченцами казаки с двух сторон атаковали врага и вновь заняли острожок у церкви Климента, при этом одних венгров было перебито до 700 человек.

Эта победа вызвала общую радость, но опасность ещё не была устранена. День клонился к вечеру. Кузьма Минин, наблюдавший за ходом сражения, пришёл к Пожарскому и стал просить у него ратных людей. Пожарский ответил: «Бери, кого хочешь». Минин взял несколько сотен и, переправившись через Москву-реку, неожиданно ударили по конной и пешей литовским ротам, стоявшим у Крымского двора (вблизи нынешнего Крымского моста). Литовцы не выдержали и побежали. Успех Минина стал как бы сигналом к общему наступлению. Пехота поднялась из ям и рвов и, по образному выражению старинного описания, «пошла тиском» к польскому лагерю. За ней последовали конные сотни. Воеводам пришлось удерживать людей, рвавшихся вперёд. Грохот стрельбы заглушал голоса, вся местность окуталась густым пороховым дымом;казалось, что пылал огромный пожар. «В великом ужасе» Ходкевич отошёл с остатками своих войск к Донскому монастырю. Всю ночь поляки не сходили с коней, ожидая нового нападения русских.

Так Кузьма Минин, простой русский человек, всю жизнь занимавшийся мирным делом, в решающий час сражения за Москву, воодушевлённый любовью к родине, сумел вырвать победу у одного из лучших военачальников польского короля.

У Ходкевича, как утверждают польские источники, уцелело всего 400 человек. Поляки, сидевшие за кремлевскими стенами, не подозревая, какое поражение понес Ходкевич, тщетно ждали утром нового наступления гетмана. Они

увидели лишь пыль, поднятую жалкими остатками польской конницы, уходившей на запад...

Победа Минина и Пожарского под Москвой ещё более укрепила во всей стране авторитет народного ополчения и его вождей. Одним из ближайших последствий её было присоединение к ополчению казаков Трубецкого. Осадное кольцо замкнулось вокруг польского гарнизона. К Москве продолжали подходить новые отряды вооружённых русских людей, «новый клич к брами пронесся по всей Московии» (слова польского историка XVII века). Но шляхтичи, засевшие в Кремле, не хотели признать победителями «мужичье войско», как они презрительно называли русское народное ополчение. Они надеялись на выручку, мечтали о новом приходе Ходкевича или самого короля.

В конце сентября Пожарский прислал польскому гарнизону предложение о сдаче. «Вам самим известно, — писал он, — что Карл Ходкевич приходил со всем полевым войском... много было тогда польского и литовского войска; никогда прежде не бывало столько ваших людей, и однажды... не убоялись множества польских и литовских людей, а теперь вы сами видели, как гетман пришёл и с каким бесчестием и страхом он ушёл от вас, а тогда ещё не все наши войска прибыли». Ответ поляков интересен для характеристики социального состава ополчения: «Лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей. Пусть холоп по-прежнему возделывает землю, пусть поп знает церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей». Шляхтичи в своей заносчивости считали, что простые русские люди не в состоянии сражаться с профессиональными воинами, но русские «мужики» постарались разубедить их в этом.

Русские держали в постоянной тревоге польский гарнизон, беспокоили его мелкими нападениями, но не спешили начинать решительный штурм. Минин и Пожарский знали, что костлявая рука голода задушит врагов. И действительно, вскоре у поляков и сидевших с ними немцев были съедены последние остатки продовольствия. Пришлось охотиться на собак, кошек, мышей. Ошалевшие от голода «завоеватели» пожирали человеческие трупы, убивали и съедали плленных. В записках одного современника, вместе с поляками перенесшего осаду, находим следующую заметку: «Мышь по золотому куповали, за кошку пан Рогинский дал 8 золотых, пан Будилов за пса дал 15 золотых, и того было трудно достать; голову человеческую куповали по 3 золотых;

за ногу человечью, одну по костки, дано гайдуку два золотых; за ворона чёрного давали наши два золотых и полфунта пороху — и не дал за то; всех людей больше двух сот пехоты поели».

22 октября ополченцы и казаки пошли на штурм китай-городской стены и после короткого боя овладели ею. 26 октября польские военачальники подписали договор о сдаче. Ворота древнего Кремля раскрылись: польский гарнизон выходил «с великой скорбью и плачем», складывая знамена и оружие. В освобождённый Кремль вступили русские народные войска, торжествовавшие историческую победу над врагами русской земли.

Очистив Москву от поляков и немцев, ополчение положило твёрдое основание делу освобождения всей страны и восстановлению независимого Русского государства. Одержанная победа окружила ореолом немеркнущей славы имена героев битвы за Москву и первых среди них — «выборного человека» Кузьму Минина и «большого богатыря» Димитрия Пожарского.

Битва за Москву в 1612 году была первой из трех исторических сражений у древнерусской столицы. От этой битвы протягиваются нити к знаменитому 1812 году, когда русская армия под предводительством Кутузова положила под Москвой начало полного разгрома армий Наполеона, наводивших страх и трепет на всю Европу. В третий раз вековые традиции защиты Москвы с новой невиданной силой проявились в наше время, в Великую отечественную войну против немецких захватчиков.

РАЗГРОМ НЕМЕЦКОЙ АРМИИ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ В СЕМИЛЕТНей ВОЙНЕ И ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА

I

В течение трёх с половиной веков русский народ успешно отбивал разбойничьи нападения Ливонского ордена в Прибалтике. Всем известно, чем окончилась эта борьба. В середине XVI века, после нескольких сильных ударов, нанесённых немецким рыцарям русскими войсками Ивана IV, орден распался и прекратил своё бесславное существование. Двумя столетиями позже, в середине XVIII века, произошла другая боевая встреча, имевшая глубокое историческое значение, — война России с самым сильным германским государством — с королевством Прусским, которое являлось ядром будущей Германской империи.

Для того чтобы уяснить себе историческое значение блестящих побед русского оружия на полях Германии во время этой войны (1756—1763 гг.), известной под названием Семилетней, нужно несколько остановиться на истории возникновения Пруссии и на том положении, которое она занимала в середине XVIII века.

В XVII веке Германия была разбита на множество удельных владений. Немцы любили говорить, что у них столько государств, сколько дней в году. В действительности их было ещё больше. Среди этой политической мозаики во второй половине XVII века начинает выделяться герцогство Бранденбургское как наследственное владение дома Гогенцоллернов — владение небольшое, но важное в экономическом отношении. Ещё в начале этого века Гогенцоллерны становятся герцогами Пруссии, которая раньше принадлежала Тевтонскому ордену. В 1701 году Бранденбургский курфюрст Фридрих III получил титул короля. Объединив Бранденбург, расположенный в центре Германии, с Прусией, он стал именовать себя прусским королем Фридрихом I.

Так складывается Прусское королевство. Политика Гогенцоллернов в отношении окружающих стран сводилась к одному основному принципу: брать всё, что плохо лежит, что плохо защищено. При этом они не стесняются в средствах: обман, вероломство, открытый грабёж, — всё пускается в ход, чтобы увеличить владения королевства. Одновременно Гогенцоллернов занимает и другая забота: Бранденбург и

особенно Пруссия были мало заселены. И вот прусские короли начинают настоящую охоту за людьми. При Фридрихе-Вильгельме I она даёт довольно удачные результаты: к 1740 году в его владениях из 2 400 тысяч подданных 600 тысяч, т. е. четвёртую часть, составляли иностранцы. Фридрих II (1740—1781 гг.) настойчиво продолжает ту же разбойничью политику. Когда какое-нибудь несчастье — голод, чума или война — постигало соседнюю страну, агенты-вербовщики короля принимались за дело. Люди были нужны для работы в сельском хозяйстве, в развивающейся мануфактурной промышленности и особенно для армии. Войны, а их вёл Фридрих почти беспрерывно, требовали новых и новых солдат. Естественный прирост не мог удовлетворить эту потребность. Она удовлетворялась за счёт переселения из-за границы, которое нередко производилось путём нападений и облав. За 40 лет царствования Фридриха II население его королевства увеличилось на 300 тысяч новых подданных иностранного происхождения: поляков, чехов, венгров, итальянцев, греков, французов и др.

Это полностью разоблачает лживость гитлеровской пропаганды, старающейся уверить весь мир, что будто бы немцы являются «чистой расой», что в их жилах без всякой примеси течёт кровь отдалённых предков.

Бранденбургско-прусские владения быстро росли за счёт военных захватов. Фридриху II удалось захватить промышленную Силезию и разгромить Австрию во время восьмилетней войны 1740—1748 годов. С этого момента Пруссия становится сильнейшим германским военным государством и одной из «великих» европейских держав.

Захватническая политика прусского короля вызвала большое волнение среди остальных европейских государств. Франция, которая раньше потворствовала Пруссии в силу своего давнего соперничества с империей Габсбургов, поспешила на соглашение с Австрией, которая теперь перестала быть для неё опасной. Это отбросило Англию, враждовавшую с Францией, в сторону Пруссии. Против последней вооружалась Швеция, потерявшая в начале XVIII века захваченные ею области в Северной Германии.

Грозная опасность со стороны Фридриха II заставляет готовиться к войне и Саксонию.

В европейском конфликте, вызванном военной политикой Фридриха II, Россия старалась занимать нейтральное положение.

жение. Однако поведение прусского короля не могло оставлять сомнения в том, что дальнейший рост его военного могущества угрожает русским интересам в Прибалтике и Польше. Руководитель русской внешней политики Бестужев-Рюмин находил, что нужно воспользоваться противодействием Фридриху II со стороны европейских государств для «сокращения сил скоропостижного короля прусского». С Австрией Россия была связана оборонительным союзом, заключенным ещё в 1726 году. В 1746 году под влиянием военных успехов Пруссии этот союзный договор был подтверждён.

К началу Семилетней войны Пруссия, поддерживаемая Англией, имела против себя значительную коалицию европейских государств: Австрию, Францию, Россию, Швецию, Саксонию. Однако интересы этих государств по многим военным вопросам расходились, согласованности в военных планах не было; генералы, командовавшие союзными армиями, открыто враждовали между собой. Это давало Фридриху возможность не разбрасывать своих сил, а, действуя по кратчайшим внутренним операционным линиям, направлять их против того противника, который в данный момент ему угрожал. Наиболее активными и опасными врагами для него были Австрия и Россия.

Пруссия имела лучшую систему шпионажа в Европе, которая наравне с армией являлась предметом гордости короля. Хорошо осведомлённый в международном положении, Фридрих решил предупредить возможных противников и начал войну с вероломного нападения на Саксонию, которая по своему географическому расположению должна была иметь в ходе операций большое стратегическое значение. Предвидя эту возможность, русское правительство предложило послать в Саксонию русские войска, но Австрия и Польша, поддержанные Францией, решительно воспрепятствовали проходу русских войск через литовско-польскую территорию. Это ставило русскую армию с самого начала в затруднительное положение и исключало возможность своевременной помощи Саксонии.

В конце августа 1756 года 95-тысячная прусская армия вторглась без объявления войны в Саксонию и через полтора месяца вынудила её армию к полной капитуляции: почти все пленные саксонские солдаты принуждены были поступить в ряды прусских войск. Так началась Семилетняя война.

Русская регулярная армия, бывшая любимым детищем Петра I, выросла на боевых традициях Северной войны (1700—1721 гг.). Блестящими победами над шведами она завоевала одно из первых мест в Европе. Однако в следующий за Петром 30-летний период до начала Семилетней войны, особенно во время царствования Анны Иоанновны (1730—1740 гг.), многое из боевого петровского опыта было забыто; вместо полевой подготовки главное внимание обращалось на чисто внешнюю сторону строевого обучения; воинственные части приучались действовать не на пересечённой местности, а на ровных полях, подготовленных для парадных упражнений; было забыто одно из основных требований Петровской эпохи: умение маневрировать под огнём неприятеля. Слабой стороной армии были её высшие воинственные начальники, среди которых значительную часть (командиры полков и дивизий) составляли иностранцы, в частности выходцы из разных немецких государств. Хотя после воцарения Елизаветы Петровны многие из иностранцев вынуждены были покинуть русскую службу, но всё же процент командиров нерусского происхождения был очень велик. Конечно, не все они были негодными, некоторые навсегда связали себя с Россией, ставшей для них новым отечеством. Но большинство служивших в армии иностранцев не было связано с русским государством кровными интересами; Россия для них оставалась чужой страной; на свою службу они смотрели, как на дело личной карьеры и обогащения. В эту среду легко проникали шпионы всех оттенков. Установлено, что Фридрих II имел в русской армии большую и разветвлённую агентуру, при помощи которой своевременно получал секретную информацию о военных распоряжениях и планах царского правительства. В изменнической и шпионской работе были замешаны даже некоторые из высших армейских начальников. Вполне понятны поэтому недоверие и враждебность, проявлявшиеся солдатским и офицерским составом во время Семилетней войны к командирам немецкого происхождения. «От немцев какого добра ждать? — говорили солдаты. — Ворон ворону глаз не выклюет; где им так радеть и стоять, как наши природные».

Положительной стороной русской армии была система комплектования, в основе которой лежала воинская повинность населения. Со времени Петра I пополнение армии производилось на основе рекрутских наборов из тяглого

(крестьянского и городского) населения. В этом отношении русская армия стояла впереди всех иностранных армий, где обязательная воинская повинность была введена значительно позже. Русская армия по солдатскому составу была национальной армией, сохранявшей органическую связь с крестьянским населением. Русский солдат, несмотря на жестокую палочную дисциплину, чувствовал себя русским человеком, сыном своей родины. Он обладал теми прекрасными боевыми качествами, которыми всегда отличался русский человек. Один из иностранцев так отзывался о русских солдатах в начале Семилетней войны: «Русский солдат любит, чтобы начальники с ним говорили, чтобы показывали доверие к его храбости, чтобы не действовали ему в ущерб и чтобы ему не мириолили; действуя таким образом, его можно повести штурмовать самый ад».

К началу войны полевая армия состояла из 59 пехотных (в том числе 3 гвардейских) и 33 кавалерийских полков, помимо гарнизонных войск и ландмилиции. По официальным данным, общая численность войск, годных для наступательных операций, достигла 220 тыс. человек.

Фридрих II унаследовал значительные военные силы, которые он с большой энергией увеличивал и совершенствовал в своих многолетних захватнических войнах. Эта армия была построена на совершенно иных основах, чем русская. Основу её комплектования составляла вербовка, которой занимались сами командиры частей, вплоть до капитанов, командовавших ротами. Впоследствии, чтобы избежать постоянных ссор между вербовщиками, доходивших до вооружённых драк, каждой части был выделен особый вербовочный округ. В принципе добровольная, а в действительности принудительная вербовка основывалась только на физической годности будущего солдата. По наследственному пристрастию Фридриха к великанам в армию брались лишь крепкие и высокие мужчины. Высокому человеку почти невозможно было увернуться от вербовки; недаром матери говорили своим сыновьям, тянувшимся кверху: «Не расти, а то вербовщики тебя поймают».

Население королевства не в состоянии было поставлять в армию необходимое количество солдат, потребность в которых увеличивалась с каждым годом, поэтому Фридрих даже предпочитал брать не своих подданных, а жителей из других немецких земель и иностранцев. Особенно много солдат в прусские войска поставляли Швейцария и Польша. В солдат насиливо обращали даже пленных.

Эта разношерстная по национальному составу и интересам масса людей, насилием превращённая в пожизненных солдат короля, постепенно превращалась в солдат-профессионалов, в винтики крепкой прусской военной машины. Основным средством для этого была суровая палочная дисциплина. Прусский солдат терял человеческий облик и превращался в автомат, слепо повинующийся словам военной команды. Пресловутая храбрость пруссаков была не результатом сознания долга перед страной, а механической исполнительностью, в основе которой лежал животный страх перед наказанием.

Безразлично относясь к происхождению и нравственным качествам своих солдат, охотно принимая в армию уголовных преступников, Фридрих зорко следил за тем, чтобы весь офицерский состав принадлежал к прусскому дворянству. Недворянину, даже сыновьям зажиточных буржуа, не было места в офицерских рядах. Офицерский состав прусской армии был невежественный, тупой, но исполнительный и жестокий. Фридрих понимал также, что одной военной дисциплиной, какой бы суровой она ни была, невозможно всегда поддерживать наступательный дух наемной армии, если у солдат нет никакой личной заинтересованности в победе. В войсках, которые едва ли не наполовину состояли из иностранцев, трудно было развить сознание национального интереса и долга. Их могла заинтересовать в войне только нажива. И такого рода заинтересованность усиленно культивировалась Фридрихом в армии. Поэтому прусские солдаты и офицеры отличались исключительной жестокостью к противнику и мирным жителям захваченных мест: убийства, грабежи, насилия над женщинами были неизменными спутниками прусской армии.

Фридрих достиг больших успехов в деле создания военной машины. Это был исправно действующий механизм, повиновавшийся воле короля и его полководцев. Многолетние войны обогатили армию значительным военным опытом и выдвинули ряд способных генералов. Военные успехи создали в Европе Фридриху и его армии славу «непобедимых». Но стоило только в этом механизме появиться серьёзной трещине, как весь он приходил в расстройство. Несмотря на жестокую дисциплину, Фридрих не мог изгнать дезертирство, которое было в его армии массовым явлением. Прусский солдат хорошо драился в строю, но когда боевой порядок расстраивался, от стойкости солдата ничего не оставалось: лучшие, прославленные полки обращались тогда, как

показали сражения с русскими войсками (Гросс-Егерсдорф, Кунерсдорф), в толпы беглецов, спасавших свою жизнь.

К началу Семилетней войны Фридрих мог выставить против своих противников до 180 тысяч солдат.

Фридрих понимал крупную роль России в случае вступления её в войну. Он говорил, что «самое лучшее оставить медведя в берлоге и не давать ему даже заметить, что в нём нуждаются или его боятся». Он действительно боялся России, хотя все же недооценивал её военного могущества. Все свои надежды в этом направлении Фридрих связывал с особой обстановкой при дворе русской императрицы Елизаветы. Наследником ее был объявлен внук Петра I по женской линии — гольштинский герцог Петр-Ульрих (будущий император Петр III). Привезенный в Петербург ко двору императрицы, этот тупой и малообразованный гольштинец открыто проявлял свои симпатии к Фридриху и не скрывал ненависти ко всему русскому. Елизавета женила своего племянника на дочери незначительного немецкого принца, одного из генералов Фридриха II, Софье-Августе (будущая императрица Екатерина II). Осуществить этот брак очень старался сам Фридрих II, так как видел в нём средство для усиления прусского влияния при русском дворе. Он не ошибся: наследник русского престола играл роль шпиона прусского короля, а мать Екатерины так усиленно действовала в пользу Фридриха, что ей пришлось выслать из России на родину. Что касается самой Екатерины, то тут вышло иначе: Екатерина сблизилась с влиятельным русским дворянством и снискала себе его доверие.

Готовясь к войне, Фридрих поставил перед своей дипломатией задачу: задержать выступление России. Потом, говорил он, Россия уже не будет ему страшна. Эта задача была выполнена, только частично. Непримиримый враг Пруссии, глава дипломатического ведомства в России Бестужев-Рюмин проявил полную твёрдость. Попытки подкупить его кончились неудачей. Единственно, что удалось — несколько оттянуть время перехода русской армии к активным военным операциям.

Русским главнокомандующим был назначен генерал Апраксин, изнеженный вельможа, не имевший никаких военных заслуг, но ловкий интриган, сильный дворцовыми связями, человек большого честолюбия. В военных действиях он руководствовался не обстановкой на театре войны, а тем, что делалось при дворе императрицы. Стоило Елизавете

заболеть, как Апраксин, предвидевший в случае воцарения наследника резкое изменение внешней политики, немедленно задерживал наступление. Елизавета выздоравливалась, Апраксин снова двигался вперёд.

Серьёзная болезнь Елизаветы в 1756 году послужила причиной тому, что русская армия начала движение к границам Пруссии только весной следующего года.

По плану, разработанному перед началом войны, русская армия должна была занять Восточную Пруссию с её столицей и крепостью Кенигсбергом. Для защиты Пруссии Фридрих оставил 30-тысячный корпус под командованием генерала Левальдта. В начале кампании русские войска заняли Мемель, чем обеспечивалась связь сухопутной армии с Балтийским флотом и приобреталась удобная база для снабжения войск. В конце июня 1757 года русская армия двумя колоннами повела наступление в направлении Кенигсберга. Обременённая длинными обозами, она двигалась вперёд очень медленно. Достаточно сказать, что имущество главнокомандующего потребовало для перевозки 250 лошадей, а войска проходили не больше 12—15 километров в сутки. Но и Левальдт не обнаруживал достаточной инициативы. Поэтому русская армия имела возможность беспрепятственно переправиться через реку Прегель. Когда сведения о переправе русских были получены Левальдтом, последний занял фланговое положение к русской армии, двигающейся на Кенигсберг. Прусский генерал решил атаковать русские колонны на марше. Произошло первое крупное сражение, закончившееся большой победой русской армии у деревни Грос-Егерсдорф. Сражение развертывалось так:

После переправы через реку Прегель русская армия остановилась лагерем на лугу, впереди которого находился болотистый лес; за лесом открывалось поле с расположенной на нём деревней Грос-Егерсдорф. Боевая позиция русской армии, в случае появления противника, была выбрана на западной окраине леса. Накануне сражения русская армия была по тревоге выведена в «ордер-баталию», т. е. построена в боевое расположение, но после того, как прусская кавалерия, произведя разведку, скрылась, русские войска вновь были отведены в лагерь.

Левальдт, хорошо осведомлённый о положении русской армии, ждал её выступления из лагеря, чтобы внезапно атаковать и, «не выпустив нас из нашей норы, передушить, как кур», — говорит участник этого сражения Андрей Болотов. «Сим образом соплетаемы были для нас сети,

а мы, ни мало не ведая, спали себе и почивали спокойно». На рассвете раздался сигнальный выстрел. Войска стали вытягиваться в походные колонны по узкой лесной дороге, пересекавшейся болотистым ручьём. Огромные обозы, не ожидавшие прохождения строевых частей, сразу же забили узкую лесную прогалину.

В это время немцы неожиданно появились перед передовыми частями, занимавшими позицию впереди леса, у выхода из лесной прогалины. Стоявший здесь 2-й Московский полк должен был принять на себя стремительный удар главных сил Левальдта. Поднявшаяся стрельба ещё больше увеличила беспорядок в походных колоннах: экипажи, фургоны, орудия, конные и пешие солдаты — всё смешалось. В эту кучу людей, повозок и лошадей стали падать неприятельские ядра.

Передовые части, от стойкости которых теперь зависело спасение всей армии, мужественно встретили натиск противника. Перед лицом быстро приближающихся в развернутых для атаки боевых порядках немцев, не отвечая на открытый ими огонь, русские должны были произвести сложные перестроения. Третий залп немцы дали почти в упор. В ответ загремел частый ружейный огонь нашей пехоты. С этого момента оба фронта с короткого расстояния расстреливали друг друга. «Наш фронт, — вспоминает Андрей Болотов, — во всём время баталии стоял непоколебимо, и первая шеренга, как села на колени, так и сидела». Положение наших войск было крайне тяжёлое. Они были прижаты к лесу и стеснены в маёвре, не могли получить подкрепления. В начале сражения принимало участие только несколько лёгких полковых пушек. Ряды защитников редели, почти все офицеры выбыли из строя. Погиб и командир дивизии, храбрый генерал Василий Лопухин, который, находясь всё время на передовой линии, личным примером и призывами поддерживал бодрость у солдат. Когда израненного генерала схватили прусские гренадёры, несколько наших гренадёр, бросившись вперёд, вырвали любимого начальника из вражьих рук.

Пруссаки сосредоточили основные усилия на прорыве центра русского расположения, что могло дать им возможность выйти к лесной дороге, по которой продолжали подходить наши части. Казалось, что они были близки к полной победе, тогда как значительная часть русской армии всё ещё не могла развернуться в боевой порядок.

Нельзя было проявить больше храбости, чем проявили наши передовые полки. Современник оставил нам поразитель-

шое по яркости описание этого замечательного эпизода битвы. Русские солдаты гибли в неравном бою, не уступая преступнику ни шагу земли. Тот, кто лишился правой руки, продолжал держать оружие в левой руке; другой, весь израненный, в крови, прислоняясь к дереву, отбивался от наседающих врагов; третий расчищал себе дорогу среди пруссаков, предпочитая смерть плену; четвертый, схваченный врагами, старался вырвать у них оружие; пятый, точно забыв, что он один, с примкнутым штыком бросался в толпу неприятелей, стараясь переколоть всех; шестой, истратив все пули и порох, срывал сумки с убитых пруссаков и расстреливал неприятеля его же пульми.

Положение в центре и на правом фланге было отчаянное. Часть пруссаков прорвалась в лес и вышла к обозам. В это время два полка, 3-й grenадерский и Новгородский, оставив пушки и патронные ящики, прорвались сквозь густые лесные заросли и поспешили на шум сражения к угрожаемому месту. Выйдя из леса, эти полки с боевым русским криком бросились в штыковую атаку. Пруссаки не выдержали написка и стали пятиться назад, стремясь перестроиться и привести себя в порядок. Но «наши сели им на шею и не давали им времени ни минуты». Не прошло и четверти часа, как пруссаки начали отступать и вскоре «как скоты, без всякого порядка и строя, побежали». «Они пропали у нас из вида в один миг», — вспоминает Андрей Болотов. — Поле было густо усеяно немецкими трупами, тут же стояли брошенные немцами пушки.

Разгром прусского корпуса Левальдта был полный. По официальным данным, наши потери составляли: убитыми 1342 человека и ранеными 5129 человек. Немецких трупов было подобрано и закопано более 3000. Было захвачено 11 тяжёлых и 17 полковых орудий.

Сражение при Гросс-Егерсдорфе, закончившееся блестящей победой русских, очень поучительно. Высшее русское командование обнаружило полную неподготовленность и беспомощность. (Этого нельзя сказать о командаирах отдельных дивизий и полков, действовавших по собственной инициативе.) Сражение было выиграно благодаря исключительному мужеству и стойкости русского солдата, благодаря прекрасному боевому духу армии, товарищеской поддержке и готовности к самопожертвованию. Все современники и историки отмечают также великолепное действие русской артиллерии.

Вместо того чтобы преследовать разбитого противника и уничтожить его остатки, Апраксин несколько дней оставался в полном бездействии на поле сражения. Когда на третий день утром музыка заиграла «поход», радость охватила лагерь, «ибо всё войско роптало уже давно, что нас так долго тут на одном месте держат и дают, между тем, неприятелю время опамягчаться и собираться с силами» (Андрей Болотов). Пруссаки действительно воспользовались неожиданно предоставленным им отдыхом и остановились у городка Веллау, прикрываясь течением реки Алле. У этой реки Апраксин опятьостоял несколько дней, спокойно наблюдая, как противник без помех укреплял противоположный берег. Наконец, был дан сигнал к походу, но, ко всеобщему удивлению и негодованию, армию повели не на запад, а обратно — на восток. «Не могу без досады и вспоминать, — пишет Андрей Болотов, — какое сделалось тогда во всей армии волнение; истинно не было почти человека, у которого бы на лице не изображалась досада, со стыдом и гневом смешанная». Солдаты и офицеры открыто ругали главных командиров и обвиняли их в измене. По официальным объяснениям Апраксина, он принял решение об отводе войск на «зимние квартиры» из-за распространения болезней и недостатка продовольствия. Однако эти объяснения нельзя считать убедительными.

Если нет достаточных оснований для того чтобы обвинять в измене самого Апраксина, то несомненно, что не только в армии, но и в его штабе находились шпионы прусского короля, а часть высших начальников немецкого происхождения втайне сочувствовала Пруссии. Через своих добровольных и наемных шпионов Фридрих не только знал о каждом шаге Апраксина, но и о его планах.

Поздней осенью 1757 года русская армия достигла Мемеля, откуда войковые части стали расходиться на зимние квартиры в Курляндии и Литве.

Таким образом, вследствие преступной деятельности высшего командования создалось положение, изумившее всю Европу: разбитая наголову прусская армия преследовала победоносные русские войска, которые, подавляя чувства гнева и стыда, отходили к своим границам. Общественное возбуждение против главнокомандующего было так велико, что Апраксин, несмотря на влиятельные связи и заступничество при дворе императрицы, был смещён, арестован и отдан под суд. Его место занял не менее неудачливый генерал-немец Фермор, окруживший себя своими соотечественниками, хотя

война выдвинула действительно талантливых и преданных родине русских командиров (Румянцев, Захар Чернышев).

Убедившись в бездеятельности русского командования, Фридрих вывел значительную часть войск из Восточной Пруссии, оставив в ней лишь небольшой заслон. Тогда русское правительство категорически предложило новому главнокомандующему Фермору по первому зимнему пути занять Восточную Пруссию и овладеть крепостью Кенигсберг, то есть хотя и с запозданием, но исправить ошибку Апраксина. Остававшиеся в Восточной Пруссии немецкие гарнизоны без боя отступили на запад. Депутация города Кенигсберга встретила авангард русских войск с сообщением о готовности подчиниться русскому правительству. Было устроено торжественное вступление русских войск в столицу Восточной Пруссии; все улицы и крыши домов были усеяны зрителями; русские полки вступали в город под непрерывный колокольный звон и звуки немецкой музыки. Командованию русской армии были переданы ключи от крепости.

За короткий срок русские войска заняли всю Восточную Пруссию и начали движение к Франкфурту-на-Одере.

Этот район прикрывался рекой Одер и защищался прусским корпусом графа Рони. На помощь ему из Силезии явился Фридрих. Король решил воспользоваться растянутым расположением русских войск и атаковать Фермора. Последний решил принять сражение у деревни Цорндорф. Для русских эта позиция представляла ряд крупных неудобств. Впереди находилась высота, которая закрывала маневрирующие части противника и предоставляла ему артиллерийские позиции для глубокого обстрела русского расположения. Фридрих использовал эти тактические преимущества. Стремясь к полному уничтожению русских войск, он, по словам современных историков, приказал не щадить в сражении ни одного русского.

Бой начался мощнейшей артиллерийской подготовкой. Русские войска, стоявшие в тесном построении, буквально расстреливались противником. Ни один пушечный выстрел не пропадал напрасно; одно ядро сразу положило в гренадерском полку 48 человек. Войска русского правого фланга состояли из молодых солдат, еще не участвовавших в бою. Тем не менее они с поразительным мужеством и стойкостью выдержали атаку прусских гренадеров. Прусская кавалерия и пехота прорвались через первые линии, войска которой были атакованы со всех сторон. Пруссаки говорили, что им пред-

ставилось тогда такое зрелище, какого они никогда еще не видели. Русские солдаты мужественно сражались отдельными разрозненными кучками. Расстреляв все патроны, они стояли, «как каменные», и оборонялись до последней капли крови. Сражались даже раненые, лежавшие на земле. «Свежие полки заступали места убитых, — говорит один иностранец, — и, казалось, желали иметь одинаковую участь со своими товарищами». «Сам король ужаснулся, — пишет Андрей Болотов, — увидев, с какою непоколебимостью и неустрашимостью дралась наша пехота, и пруссаки сами в реляциях (донесениях) своих писали, что нас легче побивать, нежели принуждать к бегству... и что простреливание человека на сквозь еще недостаточно к совершенному его низложению». Русские, — как свидетельствует один иностранец-современник, — умирали, «целуя дуло ружья».

Несмотря на отчаянные усилия, пруссакам не удалось окончательно сломить сопротивление правого фланга русских. Тогда Фридрих решил обрушиться на левый фланг. Здесь стояли старые, испытанные в боях полки. Они не только отбили первый натиск пруссаков, но и обратили их в бегство. «Прусские полки, — пишет немецкий историк этой войны, — которые могли бы совершить величайшую из побед, какая когда-либо одерживалась, не явили здесь своего обыкновенного мужества, они забыли славу имени прусского; в минуту самую решительную... на глазах короля обратились в бегство».

Катастрофу прусской армии предотвратила стремительная атака кавалерии Зейдлица. Сражение продолжалось с прежним упорством. О страшном ожесточении противников свидетельствует следующий случай. На поле сражения был найден смертельно раненый русский солдат, который лежал на умирающем от ран немце и грыз его зубами. Расстреляв все патроны, русские дрались штыками и шпагами.

Наконец, наступательный порыв прусской армии выдохся. Когда рассеялись дым и пыль, то оказалось, что обе армии в ходе сражения повернулись на 90 градусов; часть русских позиций занимали немцы, а часть немецких позиций — русские полки. Сражение осталось нерешенным, несмотря на огромные потери с обеих сторон. По верному замечанию одного военного писателя, обе армии разбились друг о друга. Храбрость, проявленная русскими войсками в этом сражении, заставила Европу с изумлением говорить о непоколебимой стойкости русского человека. «Что касается русских гре-

надер, — заявляли иностранцы, — то с ними нельзя срав-
нить ни одного солдата».

Характер немецких солдат сказался особенно ярко в же-
стокости, являющейся вековой традицией немецких солдат и
офицеров. Подобрав на поле сражения русских раненых, они
бросили их вместе с убитыми в ямы и закопали живыми.

III

План кампании 1759 года был составлен в Петербурге в ин-
тересах Австрии, в ущерб интересам России. Предполагалось,
что русская армия направится к Одеру и между Франкфур-
том и Бреславлем соединится с австрийской. Дальнейшие
планы кампании главнокомандующему не сообщались, но
было совершенно ясно, что главная роль должна была при-
надлежать австрийскому «гофкригсрату» (высшему военному
совету). Русская армия по существу передавалась в распо-
ряжение Австрии.

В мае главнокомандующий русской армией Фермор был
наконец, смешён за нераспорядительность. Его место занял
генерал граф Петр Семёнович Салтыков. Новый главно-
командующий не принадлежал к числу царедворцев, подобно
многим генералам того времени. Это был, по воспоминаниям
современников, пожилой, скромный, не бросающийся в глаза
человек, просто относившийся к офицерам и солда-
там и за короткое время своими дальными распоряже-
ниями, предусмотрительностью, заботливостью, хладнокро-
вием и порядком в бою внушивший подчинённым уважение
и веру в себя. Он всем сердцем был предан своей родине,
старался защищать русские интересы, не церемонился с ав-
стрийскими союзниками, постоянно подводившими русские
войска. Под командованием Салтыкова русские войска на-
несли Фридриху самое большое поражение, уничтожившее
легенду о непобедимости немецкой армии.

В середине июня наши войска сосредоточились на
реке Варте в Познани. Отсюда Салтыков выступил на со-
единение с австрийцами, которые медлили и не предприни-
мали никаких активных действий. Австрийский главнокоман-
дующий генерал Даун, очевидно, выжидал, чем кончится
столкновение между русскими и прусскими войсками. Такое
возмутительное поведение австрийцев позволило прусскому ге-
нералу Дона перерезать путь движения русской армии. Сал-
тыков решил всё же честно выполнить принятые обяза-

тельства и для соединения с Дауном обойти сильные прусские позиции. Трудный ночной переход был выполнен блестяще. К утру 12 июля русская армия заняла деревню Пальциг, находившуюся в узле стратегически важных дорог. Только утром пруссаки обнаружили новое расположение русских войск. Тогда прусский генерал Ведель, сменивший Дона, решил атаковать русские позиции, расположенные к востоку от деревни Пальциг.

Местность впереди русской позиции была болотистая, но она не могла служить большим препятствием для атакующих. Особое стратегическое значение имел правый фланг, от которого отходили дороги на соединение с австрийцами. К тому же подходы к нему были наиболее удобны для фронтальной атаки и охвата. Понятно, почему пруссаки решили нанести главный удар по правому флангу. Салтыков предусмотрел эту возможность.

Первая и вторая атаки на правый фланг были отбиты с громадными для немцев потерями. Ведель подкреплял атакующих новыми и новыми бригадами, но они быстро перемалывались огнем русской пехоты и артиллерии. Полная неудача постигла и обходную прусскую колонну. На этом участке боя Чугуевский казачий полк лихим налетом, ударом «в копья» смял и погнал подходившие неприятельские резервы. Тогда Ведель решил попытаться сломить сопротивление русских войск правого фланга сильной кавалерийской атакой. Эскадроны прусской конницы прорвались через первую линию пехоты, но затем попали под огонь артиллерии и сами были атакованы русскими кирасирами, которые, действуя исключительно холодным оружием, погнали прусскую конницу назад. Вслед за конницей, отступавшей в полном беспорядке, бежала и пехота левого крыла Веделя. Командующий прусской конницей генерал Воберснов, один из лучших кавалерийских начальников Фридриха, был убит. Неудача на левом фланге привела к тому, что вся прусская армия беспорядочно отступила в юго-восточном направлении.

Наши потери составили 900 человек убитыми и 3900 человек ранеными, а немцы одними убитыми потеряли более 4200 человек; в плен сдалось 1200 человек.

Победа при Пальциге сильно подняла моральное состояние русской армии, вдохнув в неё уверенность в превосходстве над войсками прусского короля.

Эта победа имела и большое стратегическое значение. Она устранила препятствия к соединению с австрийской ар-

мией. Кроме того, увеличивалась русская угроза центральной части Бранденбурга с Берлином. Между тем австрийский главнокомандующий продолжал медлить. Он ожидал русскую армию, чтобы использовать её на австрийском театре войны. Тогда Салтыков, разгадавший затаёные мысли австрийского командования, стал действовать самостоятельно. Он решил занять город Франкфурт-на-Одере, о чём сообщил австрийскому главнокомандующему. Только боязнь русских успехов побудила последнего отправить 20-тысячный корпус генерала Лаудона с приказом занять Франкфурт раньше русских. Лаудон опоздал на один день: 20 июля во Франкфурт вошёл русский отряд, посланный Салтыковым.

Блестящие действия Салтыкова не на шутку встревожили Фридриха. С армией в 38 тысяч человек он ускоренным маршем двинулся на выручку Франкфурта, рассчитывая у этого города дать генеральное сражение русской армии. Получив от разведки сведения о подходе войск короля, Салтыков решил принять сражение на возвышенности между Франкфуртом и деревней Кунерсдорф. Невысокий горный хребет разделялся оврагами на три высоты, имевшие довольно крутые скаты: Юденберг, Шпицберг и Мюльберг. Первоначально фронт русского расположения был повёрнут на север, откуда ожидался подход главных сил Фридриха.

Придавая большое значение высоте Юденберг, Салтыков усилил ее инженерными средствами и артиллерией. Однако Фридрих предпринял искусный марш-манёвр с целью обойти русские позиции и атаковать их с тыла, где местность не давала больших преимуществ обороняющемуся. Переправившись через Одер севернее Франкфурта, около Кюстрена, он появился перед русскими позициями с востока. Салтыков во время разгадал намерение короля и повернул всё расположение войск к югу, так что первоначальный фронт стал тылом. Теперь против центра русских позиций находилась деревня Кунерсдорф, подход к которой лежал через группу озёр.

Обходное движение пруссаков заняло значительное время. Этим воспользовалось русское командование для приведения войск в боевую готовность. Около полудня прусская артиллерия открыла с возвышенности сильнейший огонь по левому флангу. Вскоре затем показались густые колонны пехоты и кавалерии противника. Атака одновременно велась в нескольких направлениях. С фронта прусские части при

спуске в лощину попали под губительный огонь русских батарей и понесли большие потери. Однако их наступательный порыв продолжал нарастать. У подножья возвышенности находилось мертвое пространство, что позволило пруссакам почти вплотную подойти к укреплениям Мюльберга. С короткого расстояния они бросились на высоту «с великою яростью». В рукопашной схватке защитники её были смяты. Высота и вся находившаяся на ней артиллерия перешли в руки неприятеля. Русская контратака была отбита.

Создавалось крайне тяжёлое положение для русской армии. Уничтожив её левый фланг, Фридрих решил нанести новый удар по центру, ключом которого была высота Большой Шпиц. В случае успеха этого удара поражение русской армии было бы неминуемым. Прусский отряд, двигавшийся по левому берегу Одера, занял Франкфурт и отрезал русским путь для отступления в эту сторону. Отход на Познань, в восточном направлении, также стал невозможным. Войска центра теперь поражались огнём немецких пушек, выставленных на Мюльберге. Узкое пространство не давало возможности маневрировать. В этот критический момент сражения к Фридриху прибыл курьер с сообщением о блестящей победе, одержанной над французами. Король тотчас набросал ответное поздравление, в котором писал о полном уничтожении главных сил русской армии. Прусские войска около 3 часов дня пошли в решительную атаку на центр, которая велась одновременно с трёх направлений.

Спасение русской армии зависело от мужества и стойкости защитников центральной высоты. Первый ожесточённый натиск пруссаков был отбит, но атакующие густыми колоннами продолжали яростный штурм. Борьба велась за каждый шаг. Пруссики медленно продвигались вперёд. Русские выставляли на их пути одну короткую линию за другой. Каждая из них сражалась до последнего человека, пока полностью не уничтожалась противником.

«Русских нужно не только побеждать, но совсем уничтожать и истреблять до конца», — говорил Фридрих. Недовольный медленным продвижением своей пехоты и полагая, что сопротивление русских уже ослабело, король решил для довершения удара бросить лучшую прусскую кавалерию под командованием прославленного победами генерала Зейдлица. Результаты этого были совершенно неожиданными для Фридриха.

«Сия конница, привыкнувшая под предводительством его (генерала Зейдлица) опрокидывать неприятельскую конницу,

хотя бы она вдвое или втрое была сильнее, обращать пехоту при всех положениях её в бегство, брать даже самые батареи и превозмогать все трудности и неспособности в местоположении, пала здесь пред пушками наших россиян, стрелявших в неё с высоты очень метко и осыпавших её картечами своими, как градом» (Андрей Болотов).

На расстроенных артиллерийским огнём прусских гусар неожиданно ударили во фланги эскадроны русской и австрийской кавалерии. Прославленная конница Зейдлица была смята и отброшена в полном беспорядке.

Между тем пруссаки продолжали делать последние усилия, чтобы пробиться к главным батареям Большого Шпица. Это окончательно истощило их силы. Салтыков очень умело воспользовался этим моментом, чтобы перейти в контрнаступление. Сначала последовала лихая атака русской кавалерии, затем ударила пехота. Пруссаки делали отчаянные попытки остановить русский натиск. Напрасно король бросал против наступающих новые батальоны и эскадроны, ввёл в бой все свои резервы, взывал к мужеству прусских солдат. Отступая под русским натиском, пруссаки окончательно потеряли всякий порядок. Густые толпы их, сбившиеся на высоте Мюльберг, расстреливались русскими артиллеристами. «Панический страх и ужас, — говорит современник, — напал тогда вдруг на всю прусскую армию, все бросились бежать в лес и к мостам. Всем хотелось перейти их поскорее. Это породило невообразимую давку и сумятицу».

Потери прусской армии превышали 18 500 человек. Русскими было захвачено 28 знамён и штандартов, 172 орудия, более 10 тысяч ружей. Наши потери составили: убитыми 2 614 человек и ранеными 10 862 человека. Кроме того, союзники-австрийцы потеряли около 2 тысяч убитыми и ранеными.

Уцелевшие остатки прусской армии бежали за Одер.

Никогда Фридрих не испытывал такого страшного поражения. В несколько часов он лишился лучшей части своей армии, обладавшей опытом многих победоносных сражений. Почему это произошло? Тактические ошибки Фридриха, который считался одним из самых опытных полководцев своего времени, вытекали из неправильной оценки боевых качеств русских войск. Недостаточно быстрое развитие успеха после разгрома левого фланга русского расположения побудило Фридриха на рискованные действия (атака кавалерии Зейдлица), которые могли привести к поставленной цели только при недостаточно стойком сопротивлении

противника. Русский главнокомандующий Салтыков, наоборот, проявил в ходе сражения большое искусство, спокойствие, выдержку, полную уверенность в своих войсках. План сражения с русской стороны был построен с целью истощения противника и перехода в решительное контрнаступление для его разгрома. Воля Салтыкова подчинила себе волю Фридриха.

Победа русской армии при Кунерсдорфе показала образец стойкости и героизма, выносливости и готовности к самопожертвованию русских солдат.

IV

После поражения под Кунерсдорфом Фридрих находился в полном отчаянии. Он был уверен в близком падении Берлина. В столице царила паника; бежала королевская семья, вслед за ней бежали министры, чиновники, дворяне, купцы. Фридрих считал войну проигранной. «Я несчастлив, что ещё жив, — писал король..., — из армии в 48 тысяч человек у меня не остаётся и 3 тысяч. Когда я говорю это, всё бежит, и у меня уже больше нет власти над этими людьми... Жестокое несчастье. Я его не переживу. Последствия дела будут хуже, чем оно само. У меня больше нет никаких средств, и, сказать по правде, я считаю всё потерянным». Фридрих готов был отказаться от командования армией и искал сепаратного мира с Россией.

Если война не кончилась в том же 1759 году, если Фридриху удалось ценой величайших усилий восстановить и пополнить деморализованную армию, если Берлин не был занят тотчас после Кунерсдорфа, то всё это вовсе не было заслугой Фридриха,— это был результат бездеятельности австрийского командования и происков австрийской дипломатии. Разбитый Фридрих уходил без преследования, что вызвало справедливое замечание Суворова: «На месте главнокомандующего я бы сейчас пошёл в Берлин». Фридрих был разбит, но его нужно было добить. Впоследствии Суворов не раз говорил, что победа не должна оставаться незавершённой: «Недорубленный лес вырастает...». Именно так и случилось после Кунерсдорфа. Когда Фридрих узнал, что непосредственная опасность не угрожает его столице, он выразил по этому поводу бурную радость и назвал своё спасение «чудом Бранденбургского дома».

Хотя продолжавшееся бездействие австрийцев и тяжёлое продовольственное положение русской армии, зимовавшей в

Восточной Пруссии и Польше, и дали Фридриху длительную передышку, но приближение весны и возобновление военных действий внушили королю самые мрачные мысли: «Я дрожу, когда вижу приближение кампании», — писал он принцу Генриху.

Весна и лето 1760 года вновь были потеряны союзниками. Происходили бесконечные, утомительные манёвры и контрманёвры, совершенно измотавшие людской состав. Австрийский двор требовал, чтобы русская армия подчинялась его оперативным планам. Петербургское правительство, хотя и отстаивало самостоятельность русского командования, но не желало ссориться с Веной. Только осенью 1760 года союзное командование решило захватить Берлин. Эта операция была поручена кавалерии графа Тотлебена и отряду под начальством генерала Захара Чернышева, храброго и деятельного командира.

В начале сентября русская конница подошла к южным предместьям Берлина. Это вызвало необычайную панику в городе. Часть состоятельного населения бежала. Немецкий комендант хотел сдать Берлин без сопротивления, хотя Тотлебен ограничился артиллерийским обстрелом, не причинившим существенного вреда укреплениям, и слабыми попытками занять городские ворота. В результате подозрительно нерешильных действий Тотлебена в город вошли крупные прусские подкрепления в составе войск принца Бюргембергского, а затем войск генерала Гюльзена. Постепенно стали подходить и войска союзников. Высокий правый берег реки Шпрее занял отряд генерала Захара Чернышева. Подошёл и австро-саксонский корпус Ласси, впрочем, не принимавший активного участия в операциях. Попытки прусских войск удержать высоты в окрестностях Берлина кончились полной неудачей, и пруссаки принуждены были укрыться за городскими укреплениями.

Вечером 8 сентября генерал Чернышев на военном совете решил самостоятельно начать штурм Берлина. Солдаты встретили этот приказ с восторгом. «Невозможно довольно описать, — доносил Чернышев, — с какою нетерпеливостью и жадностью ожидали войска этой атаки, надежда у каждого на лице обозначалась».

После подхода подкреплений гарнизон Берлина состоял из 26 батальонов пехоты и 41 эскадрона кавалерии. По русским сведениям, его численность достигала 20 тысяч человек при 120 осадных орудиях. Кроме того, гарнизон мог быть значительно усилен за счёт вооружённого гражданского

населения. Таким образом, немецкое командование имело полную возможность защищать столицу Пруссии и выгадать время, необходимое для прибытия Фридриха, спешившего к Берлину с 70-тысячной армией. Появление Фридриха поставило бы союзников в трудное положение, так как они оказались бы зажатыми между гарнизоном осаждённого города и подошедшими войсками. Но прусские генералы предпочли бросить столицу без сопротивления. В ту самую ночь, когда Чернышев отдавал последнее распоряжение к штурму, войска принца Бюргенбергского поспешно уходили через городские ворота. Тотлебен, не предупредив Чернышева, заключил с комендантом Берлина договор о капитуляции города. На следующий день русские полки «с церемонией» вступили в столицу Пруссии.

Узнав утром о выходе из Берлина прусских войск, Чернышев тотчас послал для преследования их кавалерийские части. Последним удалось настигнуть арьергард неприятеля и наголову его разгромить. Пруссики потеряли одними убитыми до 2 тысяч человек, в плен было взято около 1100 человек. Потери же русских были совершенно ничтожными, что свидетельствует о полной деморализации и панике, охватившей противника.

Главной целью занятия Берлина русскими войсками было уничтожение в нём крупной военной базы, снабжавшей армию Фридриха оружием и боевыми припасами. Хотя генерал Тотлебен и назначенный им комендант Бахман проявляли подозрительную заботу об интересах прусской столицы и полную беспечность в деле её разоружения, но многое было сделано по инициативе самих войск и отдельных командиров. В окрестностях Берлина взлетел на воздух крупный пороховой склад, были уничтожены пороховые и литечные заводы, склады оружия и амуниции. Австрийцам и саксонцам были возвращены отобранные у них Фридрихом пушки и знамёна. «Судьба Берлина,—говорит Андрей Болотов,—не так была жестока, как того думать и ожидать бы надлежало». Город пострадал главным образом от хозяйствичанья немцев — австрийцев и саксонцев, находившихся в армии союзников. Австрийцы «вламывались, как бешеные»,— грабили королевские конюшни, госпитали, богадельни, церкви; от них не отставали саксонцы, которые «с лютостью и зверством» напали на дворец в Шарлоттенбурге и ломали всё, что попадалось им на глаза.

Грабёж, устроенный в Берлине австрийцами и саксонцами, принял такие грозные размеры, что русские

войска несколько раз стреляли по хищникам. Между тем к Берлину подходили главные силы прусской армии. Относительно небольшому русскому отряду, не рассчитывавшему на помощь союзников, не было никакого смысла сражаться с Фридрихом на улицах Берлина. Задача была выполнена: русские войска дезорганизовали важнейший экономический и политический центр Пруссии. Захват Берлина очень плохо отразился на политическом престиже Фридриха и произвёл колоссальное впечатление во всей Европе. Наконец, берлинская экспедиция воодушевила русскую армию, наглядно показав уязвимость военной организации Пруссии.

В войсках, побывавших в Берлине, находился и будущий великий русский полководец Александр Васильевич Суворов.

Положение Фридриха в конце 1761 года было совершенно безнадёжным. Значительная часть территории его владений была занята противниками. В начале декабря отряду генерала Румянцева сдалась крепость Кольберг в Померании (Северная Германия). Военные и материальные возможности Пруссии были исчерпаны. Быстро приближалась полная катастрофа. Предвидя её неизбежность, Фридрих носил при себе яд, чтобы в последний момент покончить самоубийством.

Фридриха спасла смерть русской императрицы Елизаветы, последовавшая 25 декабря 1761 года. На престол Российской империи вступил горячий поклонник Фридриха — Петр III. В первый же день своего царствования он послал к прусскому королю сообщение о своем желании поддерживать с ним вечную дружбу. 5(16) марта 1762 года было заключено перемирие с Пруссией, а 24 апреля утверждён мирный трактат. Фридриху не только без всякого вознаграждения возвращалась вся занятая русскими войсками территория, но и часть русской армии (20 тысяч человек) передавалась в полное его распоряжение. Не ограничиваясь этой помощью, Петр III мечтал начать войну в интересах Пруссии против бывших союзников России. Этим сумасбродным идеям не суждено было осуществиться. В результате дворцового переворота 28 июня 1762 года императрицей была объявлена Екатерина II. Она не возобновила войны, но под давлением общественного мнения порвала военный союз между Россией и Пруссией, заключённый её неудачливым мужем.

Семилетняя война явилась для русской армии превосходной военной школой, в которой приобрёл первый боевой опыт великий русский полководец А. В. Суворов. Она доказала

превосходство русской армии над прусской, считавшейся тогда лучшей европейской армией. Из четырёх крупных сражений три (Гросс-Егерсдорф, Пальциг, Кунерсдорф) были выиграны русскими войсками и только одно (Цорндорф) осталось нерешенным. Эта война ещё раз раскрыла перед всем миром изумительные боевые качества русского солдата, его способность терпеливо переносить всякие невзгоды и лишения, его дисциплинированность, храбрость, стойкость в обороне и напористость в наступлении, самоотверженность и преданность своей родине. Победы, одержанные русской армией над немцами в этой войне, явились новым доказательством прочности боевых традиций русского народа.

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ АЛЕКСАНДР СУВОРОВ

Александр Васильевич Суворов родился в 1730 году в Москве. Детство он провел в селе Кончанском Новгородской губернии. Отец его был небогатый дворянин, славившийся неподкупной честностью. Екатерина II говорила, что это честнейший человек её империи. Семья жила просто, по-русски патриархально, тесно общалась с крестьянами.

Влечениe к военному делу у Суворова обнаружилось в ранние годы. Отец сначала был этим недоволен, не хотел отдавать сына на военную службу, ссылаясь на его слабое здоровье, хилое сложение. Никакие просьбы мальчика не помогали. Тогда он изобрёл для себя целую систему физического воспитания, которой следовал с нетерпением: обливался холодной водой, спал в любую погоду при открытом окне, отказался носить теплое белье, скакал верхом под проливным дождём. В конце концов Александр добился своего. В 1742 году отец записал его солдатом в лейб-гвардии Семёновский полк.

По обычаю того времени юный Суворов в продолжение нескольких лет изучал военные науки дома. Пристрастившись к чтению, любознательный юноша прочел за это время очень много книг по военным вопросам, имевшихся в довольно обширной отцовской библиотеке.

Действительную военную службу он начал капралом в 1748 г.

Русская армия переживала в то время глубокий упадок. Офицеры были нередко совершенно невежественны в военном деле. Службы толком никто не знал, солдат не обучали стрельбе и боевым приёмам. Всё внимание было направлено на внешнюю, парадную сторону.

Офицеры Семёновского полка, в подавляющем большинстве богатые дворяне, вели жизнь праздную, веселились на придворных балах, предоставив фельдфебелям муштровать солдат. Суворов был незнатен, небогат и некрасив собой. Его товарищи-гвардейцы полагали, что он постараётся чем-нибудь возместить эти недостатки, чтобы быть принятym в их разгульную компанию. Но Суворов не проявил никакого желания к этому. Он целиком погрузился в военные занятия, а свободные часы проводил среди солдат, подолгу беседовал с ними, вникал в их нужды. Привыкнув с детства

общаться с простым народом, Суворов был чужд презрительного высокомерия выросших в хоромах барчуков. Он находил общий язык с «нижними чинами», видел в забитом русском солдате человека и патриота-воина, высоко ценил его отвагу, стойкость, выносливость. Он мог несколькими простыми словами разъяснить солдатам любую мысль, ободрить шуткой.

Знание солдатской души впоследствии не раз помогало Суворову воодушевлять свои войска на небывалые подвиги.

Через шесть лет, в 1754 году, Суворов был произведён в подпоручики и получил назначение в Ингерманландский пехотный полк. Он с радостью отправился на новое место, но гарнизонная служба с её бессмысленной солдатской муштрай не могла его удовлетворить. Суворов увлекается литературой. Пишет сочинения в форме диалогов. С нетерпением ждет возможности принять участие в боевых делах. Наконец, такая возможность открылась перед ним. В 1756 году началась война, известная в истории под названием Семилетней. Россия выступила в этой войне против Пруссии.

Суворов получил назначение в действующую армию. Сперва ему пришлось занимать различные хозяйствственные должности — по интенданству, по снабжению продовольствием, но к началу 1760 года он был назначен начальником штаба корпуса, во главе которого стоял генерал Фермор.

Теперь Суворов на деле столкнулся с недостатками русской армии. Генералы были в большинстве бездарны, к тому же они больше заботились о собственной карьере, стараясь угодить влиятельным вельможам, чем об успехе русского оружия. Но мужество и стойкость солдат, военный талант некоторых молодых командиров (Румянцев и другие) обеспечили русской армии ряд крупных побед в этой войне. В 1760 году русские войска заняли Берлин. В берлинской экспедиции Суворов принимал участие в качестве волонтёра.

Приблизительно через год после похода на Берлин Суворов в чине подполковника был назначен начальником штаба специального лёгкого корпуса, сформированного для борьбы с прусской кавалерией. Здесь произошло подлинное боевое крещение полководца. Всегда в первом ряду, увлекая солдат личной отвагой, Суворов буквально терроризировал противника безудержно смелыми нападениями. Он поспевал всюду и появлялся всегда там, где пруссаки меньше всего его ожидали.

Однажды он атаковал отряд пруссаков, охранявший большой обоз. Атака увенчалась успехом: противник отсту-

тил, оставив в руках русских 800 пленных. Но Суворов не удовлетворился этим. Уже в то время он разделял взгляд, впоследствии кратко выраженный им в известных словах: «Недорубленный лес опять вырастает». Он последовал за неприятелем, взял штурмом город Гольнау и довершил, таким образом, разгром пруссаков.

Под Гольнау Суворов получил две раны, едва не был убит в сражении под Нейгарденом. Много раз он был на волосок от смерти, тонул в реке, увязал в болоте, получал ранения, но через короткий срок вновь появлялся среди солдат бодрый, не знающий усталости.

По окончании Семилетней войны Суворов был представлен императрице Екатерине II, произведён в полковники и вскоре назначен командиром Сузdalского пехотного полка, размещенного поблизости от Петербурга, в Новой Ладоге.

Он с увлечением отдался обучению солдат. Суворовская наука оказалась совершенно не похожей на нудную муштру, практиковавшуюся в других частях армии. Молодой полковник не добивался показного великолепия, а заботился об усвоении войсками техники боевых приемов, о воспитании в них выносливости, стойкости и других физических и моральных качеств, необходимых в бою. Он приучал солдат и офицеров к длительным и быстрым переходам, к использованию естественных укрытий, обучал их рытью окопов, меткой стрельбе, ночному бою и штыковой атаке. «Солдат ученье любит, было бы с толком», — неоднократно повторял Суворов. Он хотел, чтобы боевое обучение хотя бы отчасти предвосхищало опыт.

Шесть лет он занимался воспитанием Сузdalского полка. За эти годы молодой Суворов заложил основы той системы военного обучения, которой сейчас во многом следует Красная Армия. Изучать только то, что нужно на войне, но зато все, что нужно на войне, учить солдат в обстановке, приближенной к войне, — это суворовские правила. Его взгляды на воинское воспитание были для своего времени подлинной революцией в военном деле.

Обучая войска, Суворов приучал их к мысли, что конечная задача в бою — уничтожить врага. Он говорил: «Кто против меня, тот мёртв». «Противник отступил — неудача, противник уничтожен, истреблён — удача».

В те времена уничтожить или окончательно деморализовать неприятеля с помощью одних ружей, стреляющих на 80 шагов, было очень трудно. Вот почему Суворов очень много внимания уделял штыковому удару. Высоко ценя

национальные качества русского солдата, он справедливо считал, что в штыковом бою против русских никто не устоит.

В методике суворовского обучения всегда был тонкий психологический расчет, основанный на глубоком знании души солдата. Тренируя войска в длительных и трудных походах, Суворов требовал, чтобы слабые равнялись по сильнейшим. И солдаты, казалось, уже обессиленные, неожиданно убеждались, что у них есть еще запас сил. Рожденная в походах привычка равняться по лучшим проявилась и в бою.

В 1768 году Сузdalский полк был отправлен в Польшу, где открылись военные действия.

Смелая тактика Суворова в эту кампанию особенно ярко проявилась при Ландскроне, где ему пришлось сразиться с отрядом поляков под командованием французского генерала Дюмурье, даровитого военачальника.

Дюмурье расположил свои войска в окопах, вырытых вдоль склона высокой горы, окаймленной с обеих сторон лесами. Суворов, опередив свой отряд, подошел к неприятельским позициям с авангардом казаков в 300—400 человек. Штурм предстоял не легкий, но Суворов знал, что у противника — нерегулярные войска, не проходившие систематического обучения, и он решил пойти на риск — бросил в атаку на них казаков.

Увидев, что несколько сотен всадников атакуют засевшую в окопах многочисленную пехоту, Дюмурье лишь презрительно пожал плечами. Но Суворов знал, что делал. Поражённые неожиданной атакой, предполагая, что за ней скрывается какой-то коварный замысел, войска Дюмурье пришли в смятение. Казачья лава обрушилась на них с такой стремительностью, что польская пехота ударила в паническое бегство. Бой длился всего полчаса.

Весной 1773 года Суворов был послан в армию фельдмаршала Румянцева, сражавшуюся против турок на Дунае. Суворову, произведенному к этому времени в чин генерала, был поручен самостоятельный участок; под его начальством находился отряд в две с лишним тысячи человек.

Обе армии стояли друг против друга, разделенные широкой рекой. Румянцев считал, что у него слишком мало сил для переправы через Дунай, и ограничивался короткими налетами на турок. Один такой налет, или, как тогда говорили, «поиск», было предписано произвести Суворову.

9 мая, накануне дня, в который предполагалось совершить поиск, турки, переправившись ночью через Дунай, сами напали на русские войска. Этот набег не имел серьез-

ных последствий, но неприятель увидел следы подготовки к предстоящему налёту. Было очевидно, что турки приготовятся к встрече, и многие офицеры рекомендовали отложить поиск.

Однако Суворов рассуждал иначе. Откладывать надолго операцию он не желал и, чтобы не дать противнику опомниться, приказал начать переправу немедленно, почти «на плечах» у ретировавшихся турок.

Суворов, как обычно, шел в первой линии. Он был ранен в бедро, но не покинул цепи.

Несмотря на яростное сопротивление турок и на их крупное численное превосходство, к утру следующего дня русские овладели городом Тартукаем. Разрушив неприятельские склады, Суворов вынужден был вернуться на левый берег. Остаться на правом берегу Дуная можно было лишь при условии прочного закрепления там, на что высшее командование не решалось.

Через некоторое время Румянцев предписал Суворову совершиТЬ вторичный поиск на Тартукай. Суворов составил обстоятельный план повторной операции, но накануне назначенного дня слёг в приступе лихорадки. В большой тревоге ждал он известий о ходе битвы. Заменявшие Суворова командиры, сделав рэбкие попытки, испугались риска и решили отложить переправу. «Какой позор! — воскликнул Суворов, узнав об этом. — Боже мой! Когда подумаю, жилы рвутся».

Суворов приказал немедленно возобновить атаку, и сам появился в войсках, хотя у него была температура 41 градус. Два офицера вели его под руки, третий, улавливая едва слышные слова команды, передавал их громким голосом. Тартукай и на этот раз был взят. Суворов доказал, что если атака ведется энергично, она всегда даёт успех.

После окончания войны Суворов уезжает в Россию, и в течение 13 лет никаких крупных поручений на его долю не выпадает. Но вот разразилась новая война с Турцией.

Вторая турецкая война началась для России большими трудностями. Армия была не подготовлена, а Черноморский флот был разбит бурей. Турки господствовали на Чёрном море, подготавливали высадку десанта. Положение складывалось тяжелое. Тогда командующий Южной русской армией Потёмкин вызвал Суворова и поручил ему Кинбурнский район. Здесь, на песчаной косе, скорее всего можно было ожидать высадки неприятельских войск. Суворов сейчас же энергично начал работы по укреплению косы,

но не успел закончить их, как показалась турецкая эскадра, и пять тысяч отборных турецких солдат двинулись в шлюпках под прикрытием артиллерийского огня к берегу. У Суворова было всего три тысячи человек. Несмотря на большое неравенство сил, Суворов решил не ограничивать свою задачу отражением десанта. Он хотел уничтожить врага, дать туркам такой урок, чтобы они не пытались больше высаживаться на русский берег.

Суворов знал, что офицерам его план покажется чересчур рискованным, поэтому он не стал им объяснять своего замысла. К полному изумлению всех, он запретил открывать огонь по турецкому десанту. «Господа офицеры, — сказал он, — сегодня день праздничный: Покров, пойдём к обедне». Обедня началась, и хотя прибывали гонцы с доносениями о высадке турок и об их приближении к крепости, Суворов не шевельнулся. Он хотел завлечь противника поближе и начать действовать только тогда, когда турки подойдут уже к самой крепости. У него был великолепно разработан план контрудара, он предусмотрел всё. В назначеннюю минуту обедня была прекращена. Начинается энергичнейшая контратака. Турок опрокидывают, гонят к оконечности косы, но тут русские попадают под огонь турецкой эскадры.

Суворова ранило осколком в бок. Он потерял сознание. Придя в себя, увидел, что турки взяли инициативу в свои руки. Полководец приободрил солдат, и бой закипел с новой силой. Подтягиваются резервы, но Суворов запрещает их трогать. Это очень характерно для него. Он ждет момента крайнего утомления неприятеля, когда ввод свежих сил будет иметь решающее значение. На заходе солнца Суворов бросил в бой все имевшиеся у него резервы. Турки побежали, и лишь немногие из них добрались до своих кораблей.

Победа Суворова при Кинбурне была первой победой русских в этой войне. Два года спустя он одержал блестящий успех при Фокшанах, ещё через два месяца — при Рымнике, где, имея семь тысяч солдат, не считая австрийцев, которым было поручено сковывание турецких войск, Суворов разгромил неприятельскую армию в 102 тысячи человек.

В конце 1790 года Потёмкин послал Суворова под осаждённый русскими Измаил. Эта турецкая крепость была сильнейшей крепостью того времени. Военный совет русских военачальников единодушно постановил осаду Измаила снять ввиду абсолютной невозможности взять крепость теми силами, которые имелись в их распоряжении. Рус-

ских было 28 тысяч, из них почти половина казаков, не привычных к штурму крепостей, а у турок под защитой стен Измаила — 35 тысяч и с мощной артиллерией.

Приехав под Измаил 2 декабря, Суворов составил блестящий план штурма крепости и сейчас же начал подготовку к нему. За восемь дней он обучил войска технике штурма, обеспечил материальную часть и добился коренного изменения в настроении войск. В результате тот же военный совет единодушно решил штурмовать Измаил. Штурм был проведен образцово. 11 декабря русские овладели крепостью.

Лично для Суворова результат этого блестящего дела был не радостный. Всемогущий Потёмкин, опасавшийся возышения гениального полководца и раздражённый его независимым поведением, использовал своё влияние на Екатерину II, чтобы убрать Суворова из армии. Суворов был отозван в Финляндию, где ему пришлось заниматься укреплением крепостей, работой, очень мало его привлекавшей.

В 1794 году началась новая война с Польшей. Под искусственным руководством Тадеуша Костюшки поляки сражались организованно и стойко. Прошли весна и лето; зимою военные действия должны были затихнуть, что было на руку полякам, рассчитывавшим широко использовать этот период. Тогда, как и во всякий трудный момент, русское правительство обратилось к Суворову.

В августе Суворов с отрядом в пять тысяч человек выступил в поход.

В течение пяти дней поляки были трижды разбиты: у Дивина, у Крупчицы и у Бреста. В этих боях русских было в два-три раза меньше, чем поляков, но победа была полная.

Суворовский гений проявился во всей силе. Русское командование намечало сложный план. Наступление должно было развиваться медленно. Но Суворову потребовалось на всю кампанию меньше двух месяцев, причем один из них ему пришлось простоять у Брест-Литовска, ожидая подкреплений. Подкрепления прибыло всего шесть тысяч человек, но Суворов направился прямо на Варшаву.

В густом лесу около города Кобылки произошел ожесточённый бой. Полководец, сражавшийся наравне с солдатами, приказал передовому конному отряду атаковать противника в пешем строю. Кавалеристы отлично овладели не привычной для них формой боя и опрокинули неприятеля.

Путь на Варшаву был открыт.

Предместье польской столицы Прага представляло собой мощную крепость. Штурм её был исключительно трудным предприятием.

Но среди поляков возникли раздоры. У них уже не было способного военачальника (Костюшко незадолго перед этим был ранен и взят в плен), а русских возглавлял Суворов.

24 октября 1794 года начался штурм Праги.

Сражение носило упорный характер, но поляки вскоре растерялись и, теснимые русскими, обратились в бегство. Атакующие ворвались следом за ними в город. Они были в большом ожесточении. Суворов не хотел напрасных жертв, поэтому он остановил свои войска у Вислы. Мост, соединявший Прагу с Варшавой, был по его приказанию разрушен. Этот великодушный поступок так поразил поляков, что они преподнесли Суворову золотую табакерку с благодарственной надписью.

На другой день Суворов торжественно въехал в польскую столицу. Он принял все меры к тому, чтобы, насколько возможно, национальное чувство поляков не было оскорблением: запретил обирать жителей, освободил значительную часть пленных офицеров, в чём только мог оказывал помощь и льготы населению.

Блестящие победы Суворова вызвали взрыв энтузиазма в России и внушили ужас её врагам.

Екатерина II возвела Суворова в чин фельдмаршала. Он был назначен военным правителем Польши и оставался на этом посту свыше года.

Своим девизом Суворов поставил великодушие и гуманность. Управляя по этим принципам, он снискал всеобщее расположение поляков. Однако в правительстве его политика не нашла себе поддержки. Суворов был отозван из Польши и назначен командующим одной из южных армий.

Весной 1796 года он обосновался в своей штаб-квартире, в городе Тульчине.

В биографии Суворова наступили светлые месяцы. Он был самостоятельным командующим армией, он воспитывал её по своему плану. В это время полководец написал свое знаменитое наставление «Наука побеждать».

Смерть Екатерины II резко изменила положение. Павел I, вступив на престол, сразу начал пруссификацию страны и армии.

На первых же порах выявилось коренное расхождение взглядов Суворова и Павла I. Император был убежден, что

чем ровнее шаг, тем больше шансов на победу. Суворов, отдавая должное бравой выпрявке, заботился главным образом о боевой выучке солдат.

Павел, следуя взглядам немцев, полагал, что солдат — это простой механизм. Суворов требовал, чтобы всякий воин понимал свой манёвр. Павел хотел внедрить немецкие порядки, Суворов отстаивал жизненность и превосходство национальных русских обычаяев.

— Русские пруссаков всегда бывали. Что ж тут перенять? — возмущенно говорил Суворов.

Его конфликт с царем всё обострялся, и 6 февраля 1797 года Павел уволил фельдмаршала в отставку. Не ограничившись этим, он приказал ему поселиться в глухом селе Кончанском, запретил проводы и всякую переписку с ним. В этом «медвежьем углу» Суворов провел два года.

Павел надеялся, что старый фельдмаршал уступит, попросит вернуть его из ссылки и станет исполнять то, что ему предпишут. Но Суворов, больной, томящийся от безделья, не сдавался. Скрепя сердце, Павел сделал первый шаг, вызвал фельдмаршала в Петербург, милостиво обошёлся с ним и предложил вновь поступить в армию.

Но Суворов понимал, что император рассчитывает на его послушание, на то, что он своими руками будет онемечивать русское войско. Великий полководец отверг предложение Павла и возвратился к месту своей ссылки. Его израненное тело уже отказывалось служить ему. У него бывали приступы паралича, казалось, что жизнь его кончена. Но судьба готовила его к великим делам.

В 1799 году Павел заключил военный союз с Англией и Австрией против Франции. Главные военные действия развернулись в Италии, отвоеванной у австрийцев Наполеоном. На полях Италии австрийский корпус и русская армия должны были сразиться с французской армией. Командующим союзными войсками решено было назначить Суворова. Сначала Павел боялся, что Суворов не примет этого предложения. Но его опасения не оправдались. Стать снова во главе армии, встретиться с самим Бонапартом, которого он считал одним из величайших полководцев, вплести новые лавры в венок славы русского оружия — на это Суворов, не колеблясь, согласился.

Павел обещал, что над Суворовым не будет на сей раз никакой опеки. Престарелый полководец решил с самого начала отстаивать обещанную ему независимость в ведении военных операций. Приехав в Вену, он отказался сообщить

австрийцам свой план кампании, а получив план австрийского командования, просто перечеркнул его. На каждом шагу Суворов подчеркивал свое желание сохранить полную самостоятельность, при этом, как всегда, он отличался крайней прямолинейностью в обращении и в суждениях. Это, конечно, мало способствовало установлению хороших отношений с австрийским командованием, настойчиво пытавшимся связать действия гениального полководца своими бездарными планами и директивами.

Не задерживаясь в Вене, фельдмаршал выехал в действующую армию. Русские войска он застал на марше. Суворов не узнал своих старых солдат. Они были в напудренных париках с косами и шли, держа строжайшее равнение, но делали только 10—12 верст в день.

Вскоре внешний вид войск совершенно изменился. Суворов упростил установленную Павлом форму одежды, отменил ношение кос, и все как-то сразу приободрились, все почувствовали себя воинами. Суворов потребовал, чтобы войска проходили по 50 верст в день, как ходили они с ним раньше, и русские солдаты опять поразили мир своими стремительными маршами, которые они совершали, невзирая на погоду.

Иначе обстояло дело с австрийцами. Они не могли пройти в день и половины суворовской нормы. Однажды для ускорения марша Суворов заставил их под дождём перейти вброд одну речушку. Австрийский генерал Мелас по этому случаю прислал ему раздражённое письмо. Суворов ответил приказом: «До сведения моего дошло, что австрийская пехота промочила ноги. Если кто-нибудь боится насморка, пускай он остаётся у себя дома, но если кто хочет сражаться под моим командованием, он должен подчиняться».

Сражаться с французами без Суворова австрийцы пробовали, результат был плачевный, поэтому им ничего не оставалось делать, как подчиниться.

Первое сражение с французской армией произошло в конце апреля на берегу реки Адды. Генерал Шерер, командовавший французскими войсками, был обманут ложной демонстрацией. Суворов приказал наводить мосты на флангах, а затем неожиданно для неприятеля были наведены мосты в центре, и прежде чем французы, оттянувшие свои силы на фланги, успели опомниться, русская конница форсировала реку.

К этому времени стало известно, что Шерер заменен единим из даровитейших французских генералов—Моро. Противником Суворова оказался энергичный и талантливый полководец.

— Мало славы было бы разбить шарлатана, — сказал Суворов, имея в виду Шерера. — Лавры, которые мы похитим у Моро, будут лучше цветти и зеленеть.

Не давая времени Моро стянуть свои распылённые силы, Суворов вслед за конницей перебросил пехотные полки. Одновременно он приказал форсировать реку в другом пункте. Это привело к тому, что французы не только вынуждены были отступить, но целая дивизия их была отрезана и сложила оружие.

Командир этой дивизии генерал Серрюре, когда его представили Суворову, сказал: «Если бы вы нас атаковали там, где мы вас ожидали, вы успеха бы не имели, а там, где вы нас атаковали, место для наступления неблагоприятно». Суворов иронически ответил: «Вы совершенно правы. Конечно, мой успех можно объяснить лишь тем, что я не знаю военной науки. Вы меня уж извините, мы, русские, также: воюем не штыком, так кулаком».

В июне французы предприняли решительное контрнаступление. Их войска двигались с двух направлений, имея в виду соединиться. Одной армией командовал Моро, другой — Макдоальд. Обе армии насчитывали свыше 50 тысяч человек. У Суворова было всего 20 тысяч. Неравенство сил его же испугало, и он пошел навстречу Макдоальду.

Французы атаковали авангардный австрийский отряд Сутта, рассчитывая уничтожить его до подхода русских войск. Но в критический момент на поле боя примчался Суворов. Он привел с собой четыре казачьих полка. Французы были оттеснены. За ночь подоспели русские пехотинцы. Французы тоже получили подкрепление. С утра сражение возобновилось. В этом сражении у реки Треббии 20 тысяч русских противостояли 35 тысячам французов. Был момент, когда даже такой генерал, как Багратион, докладывал, что держаться больше нельзя. Но Суворов сам примчался к угрожаемому пункту, и дрогнувшие войска вновь устремились вперед. Положение было восстановлено.

К исходу третьего дня боя было получено сообщение, что армия Моро подходит с тыла и находится уже на расстоянии одного перехода. По общему мнению, оставалось только уйти, пока кольцо еще не сомкнулось. Но Суворов заявил, что не уйдет. «Мы разобьем, — сказал он, — в конце

концов Макдональда и затем возвьемся за Моро». Его расчёт оправдался. Макдональд, не выдержав огромного напряжения трёхдневной битвы, стал отступать. Отступление перешло в бегство и обошлось армии дороже, чем сражение: за один день отступления французы потеряли 12 тысяч человек.

Известный военный теоретик Клаузевиц писал по этому поводу, что если бы мы ничего не знали о Суворове, кроме его решения продолжать бой, не страшась клаещей, которые смыкались вокруг него, то и тогда Суворов имел бы право почитаться великим полководцем.

Армия Макдональда перестала существовать. Суворов двинулся против Моро. Моро, узнав, что ему придётся сражаться один на один с Суворовым, не решился на это и тоже отступил.

В августе французы предприняли новое наступление. Неприятельскими войсками командовал теперь талантливый генерал Жубер, воспитавший свою армию в духе стремительного наступления. Выйдя навстречу Жуберу, Суворов, на этот раз обладавший численным превосходством, не мог отказать себе в небольшом психологическом «трюке»: он выстроил всю свою армию — русских и австрийцев — на равнине у г. Нови. Французы занимали позиции на горных склонах. Наблюдая в подзорную трубу, они могли сосчитать все суворовские полки. Убедившись в довольно значительном перевесе сил Суворова, войска Жубера потеряли уверенность в себе. На следующий день начинается бой. Суворов хотел выманить французов с горных склонов в долину. Для этого он бросает австрийцев в атаку на левый фланг неприятеля, рассчитывая, что французы отобьют эту атаку и, преследуя австрийцев, спустятся в долину. Действительно, атака австрийцев окончилась неудачей. Но французы, отбросив австрийцев, сейчас же вернулись назад. Суворов повторяет атаку. Результат тот же: французы не преследуют австрийцев.

В это время от одного пленного Суворов узнаёт, что Жубер убит и командует армией Моро.

— Ага, Моро меня, старика, знает и в ловушку не попадёт. Ну, что ж, будем воевать по-другому, — сказал Суворов.

Он меняет тактику. Русские начинают атаки против неприятельского центра, чтобы заставить французов израсходовать последние резервы. Добившись этого, Суворов бросает на правое крыло неприятеля свои резервы и опро-

кидывает его. Моро пытается организованно отвести свои войска, но уже поздно — армия, его разгромлена.

Этой победой кампания в Италии была окончена. И вот здесь-то, когда перед Суворовым открывалась перспектива перенесения войны на французскую территорию, вдруг пришло извещение, что австрийцы, эвакуировав из Швейцарии свои войска, договорились с Павлом I о переброске туда суворовской армии.

К этому времени в Швейцарии сложилась трудная для русских обстановка. После эвакуации австрийцев там оставался 27-тысячный русский корпус Римского-Корсакова, которому угрожала 80-тысячная армия французов, возглавляемая опытным и энергичным Массеной.

Для того чтобы спасти оставленные в Швейцарии русские войска, Суворову нужно было, дорожа буквально каждым часом, перевалить через Альпийский хребет.

Между тем русская армия не была готова к трудному горному походу, особенно тяжёлому в связи с приближением осени. Не было горной артиллерии, специальной обуви и снаряжения, не было даже хорошей карты нового театра действий.

Суворов избрал кратчайший путь через горный проход Сен-Готард и разделил свои войска, насчитывающие всего 20 тысяч человек, на две колонны. Одна была направлена в обход, другая, при которой остался сам полководец, пошла прямо на Сен-Готард.

На вершине перевала, где Суворова встретили французы, местность была такова, что каждый утёс, каждая скала представляли собою крепость.

Героическими усилиями русские солдаты два раза выбивали противника, но всякий раз французы переходили на новую, ещё более сильную позицию.

Неожиданно над головами французов появились батальоны Багратиона, посланные Суворовым в «частный» обход. Французы поспешно отступили. Победа досталась дорого, но вход в Швейцарию был открыт.

Теперь предстояло самое трудное: пробиться через Урзернское ущелье и Чортов мост.

Недалеко от Сен-Готарда дорога из Урзернской котловины замыкается огромными скалами. Через эти скалы пробит длинный узкий туннель, называвшийся во времена Суворова «Чортовой дырой». По выходе из туннеля тропинка вьется у подножия каменных громад и обрывается у берега

реки Рейсы. Здесь-то и находился Чортов мост, единственный путь на другой берег Рейсы.

Трудно придумать более удобную для обороны, более неприступную позицию.

Передовая колонна русских ворвась в туннель, но, встреченная картечью и пулями, отступила.

Тогда два отряда егерей были отправлены по скалам в обход неприятельскому отряду, занимавшему выход из Чортовой дыры. Карабкаясь по совершенно неприступной на вид крутизне, они проделали сложный путь и появились над головами опешивших французов. Воспользовавшись возникшей в рядах противника паникой, русские батальоны вновь устремились в туннель и на этот раз прорвались. Французы были переколоты или сброшены в реку. Развивая успех, войска устремились к Чортову мосту, но тотчас отхлынули обратно, встреченные сильным огнем.

Тогда Суворов разместил лучших стрелков вдоль берега реки. Укрывшись за камнями, они вступили в ожесточённую перестрелку с противником. В то же время несколько батальонов были опять двинуты в обход. Преодолев неимоверные трудности, они перебрались через бурлящие воды Рейсы и вышли в тыл французам. В это время началось наступление с фронта. Солдаты разобрали стоявший на берегу деревянный сарайчик, приволокли доски и, скользя над бездной, поражаемые пулями, стали перебираться на другой берег по разрушенному неприятелем Чортову мосту.

Вечером 15 сентября авангард Суворова вступил в Альторф. Отсюда, утверждали австрийцы, идёт вдоль озера дорога в Швиц — к ближайшей цели похода. Но, прибыв в Альторф, фельдмаршал получил страшное известие: австрийцы ошиблись либо обманули его — дороги в Швиц не существует.

Суворов с железным самообладанием продолжал наводить справки о местности. Швейцарцы сообщили, что в Швиц можно проникнуть через дикий горный хребет Росшток, но в это время года через него никто не осмеливается пробираться.

Суворов не колеблется. Армия пройдёт через Росшток!

16 сентября начался беспримерный переход армии с обозом и артиллерией по тропе, по которой карабкались лишь самые отважные охотники за сернами. Солдаты дрожали от холода, ежеминутно рисковали отступиться и упасть в бездонные ледяные провалы. Обувь изорвалась в лохмотья,

к тому же люди шли голодные, потому что выюки с провизией остались далеко позади.

И все-таки армия преодолела все трудности на пути к Швицу и спустилась в Муттенскую долину. Здесь фельдмаршала ожидало новое тяжелое известие: Массена атаковал Римского-Корсакова и разбил его на голову, Муттенская долина окружена неприятелем.

У Суворова оставалось немногим больше 15 тысяч человек. Изголодавшиеся, изнемождённые, в изодранной одежде и обуви, без пищи, без патронов, без надежды на чью бы то ни было помощь, они должны были устоять против 80-тысячной свежей армии Массены, в изобилии снабжённой всем необходимым.

Французский командующий не сомневался, что Суворов капитулирует, но он не знал львиной храбрости русского полководца.

— Не дам костей моих врагам, — твёрдо сказал Суворов.

Семидесятилетний фельдмаршал был болен, едва держался на ногах, но переносил все тяготы похода наравне с солдатами.

Вдохновленные Суворовым, русские воины удесятели свои усилия. Французы тщетно пытались преградить им путь. Голодные, разутые, окружённые врагом, суворовские чудо-богатыри, действуя одними штыками, проложили себе дорогу, несмотря на восьмикратное численное превосходство французов. Отбрасывая неприятеля и нанося ему тяжёлый урон, они вышли из окружения, перевалили по занесённым снегом тропинкам через горный хребет Паникс и спустились в долину Рейна.

Швейцарский поход явился венцом военной славы Суворова и апофеозом русского оружия. Мировая история знает мало случаев, когда бы армия, очутившаяся в столь трагическом положении, проявила, от вождя до последнего солдата, такую несокрушимую силу, презрение к опасности и гордую верность своему знамени.

Едва вырвавшись из каменного мешка, Суворов начал лихорадочно готовиться к новой кампании, но в это время Павел I расторг союз с Австроией и приказал Суворову двигаться со своими войсками обратно на родину.

Суворов получил чин генералиссимуса, но когда он, тяжело больной, ехал в Петербург, его постигла новая, вдвойне тяжёлая своей неожиданностью, опала.

Болезненно ревнивый к своей власти, Павел не смог пере-

носить рядом с собой человека, обладавшего таким авторитетом и такой славой, какие приобрел Суворов после швейцарского похода. Кроме того, Павел хотел отделаться от него, чтобы без помех проводить свои пруссификаторские реформы.

Больной семидесятилетний старик не мог вынести этого удара. 18 (6) мая 1800 года, спустя несколько недель после возвращения в Петербург, Суворов умер. Последние два года своей жизни он провел в полном одиночестве. Император запретил его навещать.

Такова была жизнь нашего гениального, не знающего поражений полководца, завещавшего нам любить Родину больше всего на свете.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 года и МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ КУТУЗОВ

Мы боремся в смертельной схватке с самым гнусным, самым подлым врагом, который заявил и повторяет каждый день, что он пришёл в Россию, чтобы искоренить от 60 до 70 процентов русского населения и обратить остальных в подъяремный скот.

Анализ событий 1812 года напомнит о том, как русский народ выходил из тяжёлого положения, в которое ставила его судьба.

Положение России в момент вторжения Наполеона было очень опасным. За Наполеоном стояла покорённая Европа.

Многие из европейских политиков были заинтересованы в победе над Россией, многие вовсе не ждали победы России. Многие, даже самые умные дипломаты, вроде Меттерниха, предполагали тогда, что удастся поживиться за счёт России. А прусский король, которого Наполеон принудил к союзу, уже наперёд просил его величество пожаловать ему Остзейский край — Эстляндию, Курляндию и Лифляндию. Когда Наполеону доложил его министр, что прусский король просит этой награды, Наполеон вспомнил, как русские проливали свою кровь для спасения этого самого короля, Фридриха-Вильгельма III, расхохотался и сказал: «Однако какой подлец — этот прусский король!»

Армии Наполеона противостояло у нас, если судить по официальным бумагам, не более 200 тысяч человек. В действительности же в момент нашествия у Багратиона и Барклая было 154 тысячи солдат, непосредственно стоящих в строю, а у Наполеона больше 400 тысяч для первого раза, потом прибыло ещё 150 тысяч, значит всего около 600 тысяч.

И ими предводительствовал человек, которого военная наука считает величайшим во всемирной истории полководцем, который затмил собой образ Александра Македонского и Юлия Цезаря. Кроме того, штаб, который был около него, также представлял колоссальную силу.

Но уже в Витебске, имея «верных» союзников австрийцев и пруссаков, Наполеон своим чутким умом начинал понимать, что что-то неладно. Он уже тогда нервничал и набрасывался на генералов, которые пытались заговорить о мире. Он понял, что здесь — в России — он натолкнулся

на истинный патриотизм, на исключительную храбрость, мужество и самоотверженность русского народа.

Наполеону докладывали, что фуражиры, выехавшие за сеном, уже перестали выдавать крестьянам ассигнации, которые они привезли с собой, что они показывают им золотые монетки, но крестьяне сжигают всё и разбегаются в разные стороны. Их расстреливают, когда ловят. А если их оказывается больше, чем фуражиров, они яростно бьются, убивают на месте. Никакими золотыми монетками их не прельстишь. Они сжигают свои жилища.

Это начало сильно тревожить Наполеона. Прежде всего, недостаток продовольствия и фуража представлял непосредственную опасность для кавалерии и артиллерии, о чём он знал по докладам Мюраты, начальника кавалерии, по докладам маршалов. Для людей провианта пока ещё хватало, но лошадиный голод и падёж уже были. Не только кавалерия, но и артиллерия уменьшалась в угрожающей прогрессии. Ташить на себе орудия и лафеты оказывалось невозможным.

Но особенно тревожно было то, что русские молчат, сжигают себя, как выражался Наполеон, отводят свои силы.

Наполеоновская армия продвигалась дальше, подошла к Смоленску.

Бой под Смоленском и пожар его окончательно убедили Наполеона в том, что он заметил, ещё будучи в Витебске, т. е. в том, что русские ведут борьбу не на жизнь, а на смерть. Наполеон идёт дальше. По мере приближения его к Москве беспокойство всё больше овладевало частью русского общества. Ведь в самом деле, на Москву шёл сильный враг.

И тут на историческом горизонте начинает вырисовываться сначала как в тумане, а потом все яснее историческая фигура Кутузова, который навеки связал свою славу со славой русского народа.

Барнлай, который полагал, что все спасение русского народа в отступлении, был прав наполовину. Он не был немцем, как его считали, он был шотландцем. Но русский народ он не мог так понять, как его понимал Кутузов.

Логическим процессом он пришёл к правильному умозаключению, что в данный момент в отступлении было спасение, но отступление он понимал как спасение благодаря уступке пространства. Однако одно пространство не могло спасти. С пространствами Наполеон был знаком: необъятные пространства были между пирамидами и Яффой. Про-

странство было половиной дела. Был еще и другой фактор, которого Барклай не мог понять,— это русский народ. И Барклай, принесший большую пользу русскому народу, никогда не стал ему близок, о чём и писал Пушкин в своём стихотворении «Полководец». Дальше проводить план отступления Барклай не мог. Для этого нужен был другой человек.

И вот этот человек, который в сущности стоял перед глазами Александра и всего петербургского двора ещё с начала военных действий, приблизился вдруг к авансцене войны. После гибели Смоленска и в армии, и в дворянстве, и в купечестве, и в крестьянстве все заговорили о Кутузове.

Александр давно уже терпеть не мог Кутузова, и, со своей стороны, Кутузов отвечал ему полной взаимностью. Александр не доверял Кутузову, ни за что не хотел его делать главнокомандующим.

Но Александр нуждался в Кутузове. Например, когда необходимо стало перед нашествием французов заключить мир с турками — это было в высшей степени важное дело, очень тревожившее Александра и всю Россию, — пришлось с трепетом обратиться к опальному старику и поклониться Кутузову: не соблаговолит ли Михаил Илларионович отправиться в Бухарест, на Дунай и не заключит ли мир.

Кутузов согласился, взял на себя эту миссию, выполнил, затем вернулся в Петербург и в начале войны 1812 года руководил организацией петербургского народного ополчения. А в августе вся Россия заставила Александра назначить Кутузова главнокомандующим. И Александр, со своей выдержкой и умением скрывать свои истинные чувства, приглашает Кутузова и назначает главнокомандующим русской армией.

О Михаиле Илларионовиче Кутузове много уже написано и много еще будет писаться. Человек он сложный, и в двух словах его не определишь. О нём писали и беллетристы, и учёные. Он является одним из героев нашей великой эпопеи — «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого. Л. Н. Толстой — не историк, а великий художник. От него никто не вправе требовать, чтобы он держался документа. Он дал своего Кутузова, дал его таким, каким он ему представлялся. Перед вами живой человек, но это не вполне исторический Кутузов. Исторический Кутузов сложнее.

Кутузов был великим полководцем и дипломатом. В нём ярко выявилось редчайшее гармоническое соединение

талантов — дипломата и стратега. Это был величайший дипломат, один из лучших, которыми Россия располагала за всю свою тысячелетнюю историю.

Весной 1812 года турки были во всеоружии. Гроза уже шла с запада. Турки могли думать, что им надо только небольшого продержаться, и русские пойдут на уступки, ибо будут в тяжёлым положении. Что делать? Необходимо было убедить турок заключить мир. Для этого посыпают Кутузова. Он умело ведёт переговоры и добивается заключения мира, по которому Россия получила Бессарабию.

Кутузов был человек огромного ума. Когда Суворов сказал о Кутузове: «Умён-умён, хитёр-хитёр, его никто не обманет», он обнаружил свою глубокую проницательность.

Кутузов был не только лучшим русским дипломатом XIX века, — он обладал ещё и другим качеством, которое не многим давалось. Он сумел войти в душу, в сердце русского солдата.

На Кутузова падает страшно трудная задача: он должен ехать в армию, которая всё время отступала и которая ропщет. Он знал, что армия ропщет, он знал, что начинается несправедливый поход против Барклая, знал о несогласии между такими большими людьми в армии, как Барклай и Багратион.

Когда Кутузов уезжал из Петербурга и его провожали у его дома на набережной, мимо которого нельзя пройти, чтобы не вспомнить, что этот великий человек отсюда начал свою последнюю бессмертную дорогу, навеки прославившую его имя, — когда его провожали на Дворцовой набережной, племянник, к которому он благоволил, осмелился у него спросить: «Неужели, дядюшка, вы рассчитываете разбить Наполеона?» Он ему ответил следующими словами: «Разбить — нет, но обмануть — да!»

Он знал наперёд, что ему не придётся сразу принять атаку в лоб. Основное военное правило: никогда не делай того, что желает противник. Наполеон жаждет сражения, значит, нужно откладывать его. Наполеон хочет атаки в лоб, значит, не нужно её предпринимать.

«Посмотрим, что сделает старая русская лиса», — сказал Наполеон о Кутузове. Кутузов, которому передали эти слова, ответил: «Постараюсь оправдать мнение великого полководца».

Кутузов приезжает в армию. Армия принимает его воистину. И здесь некоторое время ему надо продолжать тактику Барклая, но он может её продолжать, потому что

он нашел ту полную формулу, только часть которой нашел Барклай.

Барклай говорил, что пространство победит, а Кутузов понимал, что в этих пространствах живет необъятный, непобедимый русский народ, который превратит эти пространства в пустыню и погубит Наполеона.

Когда он стал отступать от Царёва Займища, начался ропот. С этого момента в генералитете, среди части военных и, конечно, при петербургском дворе усиливается оппозиция против Кутузова. Но армия, солдаты, низшее офицерство и, главное, народ согласны с Кутузовым, идут за ним.

В этом была его сила, руки у него оказались развязанными. Его могли укорять наверху, но народ был на его стороне.

Он не был одиозом: сила народа была за ним, народ верил в него.

Кутузов считал, что немыслимо отдать Москву без сражения. Он потому и решил дать бой.

Бородинский бой — одна из бессмертных страниц в славе русского народа; в этом нет никаких сомнений.

Нужно сказать, что из нерусских людей душу Бородина понял не Клаузевиц, не учёные и неучёные немцы, а именно Наполеон. Он понял, что это такое. Он и впоследствии говорил: «Из всех битв, данных мной, сражение под Москвой было самым страшным...» и прибавлял: «руssкие в этот день получили право называться непобедимыми».

Предания отдельных полков сохранили показания рядовых о том, что делалось под Бородиным. Они говорят совершенно определённо, что люди, уже оставшиеся без оружия, вгрызались зубами, впивались в грудь неприятеля, хотя знали, что тот сейчас же их убьёт штыком. Но не отступали от боя.

58 тысяч русских людей остались на поле битвы, русская армия уменьшилась, может быть, немного больше чем на половину. Наполеоновская армия под Бородиным потеряла 54 тысячи солдат и офицеров, но когда Наполеон впоследствии говорил, что это — самое страшное из когда-либо данных им сражений, то он не думал при этом о количестве трупов. У Наполеона были и другие сражения, не менее кровопролитные, например Лейпцигская битва. Но при Бородине, так же как и в битве при Прейсиш-Эйлау (сражение 8 февраля 1807 года, явившееся как бы предвестием Бородина), случилось самое страшное для Наполеона — русские не уходили со своего места. И подобно тому, как и в Эйлау

чуть не дрогнула и не побежала французская армия, точно так же было и при Бородине.

После решения Кутузова оставить Москву, около полководца, пожалуй, не осталось ни одного человека, который бы вполне разделял его мысли.

Были люди, как Коновницын, Дохтуров, искренне его любившие, относившиеся к нему так, как солдаты, которые чувствовали его своим русским нутром. Кутузов знал, что они его любили, но им тоже казалось оставление Москвы гибелью. Они не понимали, как он дальше будет противостоять неприятелю.

Кутузов знал, что Александр I, всегда его ненавидевший, на сей раз получил поддержку всего генералитета. Он видел, как относятся к нему наиболее любящие его люди, как они, потупив глаза, с ним разговаривают. Даже его адъютант, который считал за честь, что служит при нём, не составлял исключения.

Он проходит через Москву, оставляя Москву. В этот момент он без всякой поддержки делал то, что считал нужным делать. Этот человек по-настоящему был велик, ибо он твёрдо знал, что остался один, как перст, и один он продолжает путь. Он знает, что у Александра Павловича нехватит смелости лишить его командования, потому что невидимая всенародная поддержка продолжается. Но положение было тяжёлое.

Наполеон входит в Москву. Москва встречает Наполеона пожаром, начавшимся уже в первую ночь и свирепствовавшим всё больше и больше в первые четыре дня. Наполеон проснулся 17 сентября от «дневного» света, который оказался светом пожара: из окон Кремля он увидел море огня. И тогда он сказал: «Это скифы. Что это за народ! Они сами всё сжигают. Это предвещает нам много несчастий».

И он, гордый завоеватель, стоя в Москве, в центре государства, просит мира не как победитель, а как побеждённый. Он зовёт генерала Тутолмина, начальника воспитательного дома, и просит его написать, что он попрежнему с уважением относится к Александру и готов заключить мир.

Наполеону докладывают, что Яковлев (отец Александра Ивановича Герцена) задержался, не успел уехать и просит разрешения на выезд. Он приглашает Яковleva зайти, разговаривает с ним и передаёт письмо Александру с предложением о мире.

Ответа нет. Он посыпает генерала Лористона к Кутузову.

Происходит разговор в высшей степени любопытный.

Кутузов заявляет Лористону, что он не может брать на себя столь великой ответственности и не может пустить Лористона в Петербург с письмом к Александру, а отправит князя Волконского, который отвезёт это письмо в Петербург. И когда Лористон говорит, что русские себя ужасно ведут, жгут, и хотя вывешено объявление, что гарантируется полная безопасность привозящим провиант, — никакого подвоза нет, и что вообще ничего, кроме нападений и убийства, нет, — Кутузов отвечает, что русский народ смотрит на это нашествие, как смотрели русские в XIII веке на нашествие татар. И когда Лористон вне себя от негодования отвечает, что есть же какая-то разница между Чингис-ханом или Батыем и его величеством императором Наполеоном, — Кутузов, пожав плечами, говорит, что он лично не замечает никакой разницы.

На этом разговор кончается.

Наполеон последние дни в Москве. Он решает уйти из горевшего города поближе к своим тылам. Он понимает, как это отзовётся на престиже всей его великой империи, но ничего не поделаешь. 15 октября он имел интереснейший разговор с графом Нарбонном, с которым любил поговорить на досуге от дел.

«Какую трагедию талантливый автор, истинный поэт мог бы извлечь из истории Петра Великого, этого человека, сделанного из гранита, как кремлёвский фундамент, — человека, который создал цивилизацию в России и который заставляет меня теперь, сто лет спустя после его смерти, вести этот страшный поход! — сказал Наполеон графу Нарбонну. — Я не могу опомниться от восхищения, когда я думаю, что в этом самом дворце Петр, 20 лет отроду, без советов извне, почти без всякого образования, перед лицом властолюбивой правительницы и всесильной партии старины, возымел и составил план своего царствования, овладел властью и, помышляя сделать Россию победоносной и покоряющей, начал с уничтожения своевольного стрелецкого войска, которое казалось единственной силой царства».

Сравните с этими словами Наполеона о Петре высказывания гнусного безграмотного негодяя, который стоит во главе Германии, бездарного и трусивого ничтожества Гитлера, который понятия не имеет о русской истории и осмеливается мечтать об уничтожении не только памяти о русской истории, но и всего русского народа.

Наполеон через три дня после этого разговора с Нарбонном вышел из Москвы.

Отступление началось 18 октября на рассвете, когда армия Наполеона двинулась из Москвы. Но по-настоящему отступление началось только после Малоярославца. Когда Наполеон шёл к Калуге и когда русские загородили ему путь, казалось, должно было произойти второе Бородино. Здесь надо было решиться. Наполеон первый раз в жизни созвал не просто формальный военный совет, как это обычно бывало в тех редких случаях, когда он вообще созывал совет. На этот раз он сильно прислушивался к мнениям своих маршалов. Малоярославец горел. Восемь раз за одни сутки он переходил из рук в руки.

На юге стояла вся армия Кутузова. Предпримет ли он новое Бородино или не предпримет? Около Кутузова раздавались голоса в пользу нового Бородина. Больше всего кипятились именно те, кто являлся в этот момент главными, непоколебимыми, непримирами, смертельными врагами Кутузова.

До самого последнего момента никто не знал, что будет делать дальше Кутузов. Примет ли он сражение, если Наполеон, отойдя от Малоярославца, опрокинется на него, или нет.

На созванном Наполеоном совете маршал Бессье — один из наиболее видных стратегов, прошедших суровую наполеоновскую школу, высказался откровенно. Он считал, что нельзя затевать сейчас сражения, хотя силы одинаковы и, может быть, даже у Наполеона — несколько больше. «Посмотрите, ваше величество, вокруг,— сказал Бессье,— как земля устлана вашими гренадерами. А против нас бились не настоящие солдаты, а ополченцы, люди, которые вчера ходили ва сохой, которых не успели как следует одеть, которым в руки не дали оружия». Восемь раз русские мужественно отнимали город у наполеоновских гренадер. Наполеон угрюмо молчал, а через несколько часов отдал приказ об отступлении, и французская армия двинулась на Смоленск. Это и было началом настоящего отступления.

У Кутузова было 97 тысяч солдат, у Наполеона приблизительно столько же. Кутузов шёл, неотступно преследуя неприятеля, параллельным маршем южнее дороги, уже разрушенной и вновь разрушаемой отступающими наполеоновскими войсками.

Французская армия сломлена, на дороге остаются трупы людей и лошадей, брошенные орудия, армия явно разбрекается, у французских солдат не только нет наступательного духа, но и дисциплина упала. Они ещё повинуются, но

предпочли бы лечь в снег и умереть — настолько они истощены.

Разрастается партизанское движение. Партизанская борьба в России в те времена была первым большим опытом после Испании. Кутузов всемерно содействует партизанскому движению. Он направляет целый ряд армейских партизанских отрядов — Дениса Давыдова, Лесовского, Сеславина и других, которые действуют в тесном контакте с крестьянами-партизанами.

После сражений под Красным и Оршой ужасающее поражение Наполеона становится явным.

Уничтожение великой армии — совершившийся факт. Мороз, который довершил уничтожение, был даже и не второстепенным а, может быть, и третьестепенным фактором войны. Уже позднее шовинистические французские историки считали нужным подчёркивать, что мороз погубил Наполеона, а безграмотные гебельсовские писаки кричат о том, что император Наполеон стал жертвой русского мороза.

Они, конечно, лгут на каждом шагу. Эти морозы, когда гибель была предрешена, лишь ускорили полное распадение наполеоновской армии.

Из Сморгони Наполеон уехал в сопровождении польского офицера Вонсовича и генерала Коленкура. Спустя несколько дней последние изголодавшиеся французские отряды перешли через Неман. Как только они перешли через Неман, немецкие крестьяне мигом доставили им всё необходимое. Было и молоко, и масло и что угодно за золотые деньги, а золотых денег у французов было сколько угодно, потому что русские их не брали.

Один из французских генералов подчеркнул разницу в характере двух народов: русские отдавали свою жизнь за то, чтобы не отдать врагу хлеба и соломы, а немцы продавали свое отечество за 15 франков золотом.

Вечером 27 апреля 1813 года Александру сообщили, что Кутузов умирает. Александр отнял у него уже власть, но формально не отнял его звания. Это было через три месяца после изгнания французов. Александр понимал, что прилиchie требует выполнить последний долг. В этом смысле Александр был и дипломатом и тонким человеком, выросшим при дворе. Он сознавал, что нельзя не проститься со старым фельдмаршалом, которого так горячо любит русский народ. Он понимал, что этого требует гигантская фигура Кутузова.

Он прибыл к Кутузову. Комната Кутузова разделялась

большой тёмной занавесью. За занавесью был один из чиновников кутузовской канцелярии, Крупенников, от которого мы и знаем об этом последнем разговоре.

И Кутузов и Александр Павлович думали, что они одни в комнате. По показанию Крупенникова, произошёл следующий разговор:

— Простишь ли ты меня, Михаил Илларионович? — спросил царь. Кутузов ответил совершенно ясным голосом:

— Я прощаю, государь, но Россия вам этого никогда не простит.

Царь ничего не ответил.

На другой день, 28 апреля, Кутузов скончался. Русская эпопея двенадцатого года и эпопея Кутузова, представителя русского народа, окончились почти в одно и то же время.

Бросая взгляд на то, что случилось в России в 1812 году, мы приходим к заключению, что не только Кутузов, армия и партизаны победили Наполеона, но что Наполеона победил весь русский народ.

В чём заключалась эта победа? В том, что и речи не могло быть ни о каком мире, ни о каком соглашении.

Двенадцатый год был зарницей великой русской славы, того великого будущего, которое предстояло русскому народу.

* * *

Кутузов велик тем, что он владел тончайшими изгибами военного мастерства, недоступными окружавшим его генералам. Он знал несравненно больше и видел гораздо дальше. И потому в его решениях сквозила сокровенная мудрость, которую инстинктивно ощущали его современники, хотя и не понимали. Кутузов развернул в своей полководческой деятельности все богатства арсенала стратегии. Он умел в тяжелых и, казалось, безнадежных положениях применять способы, недоступные для посредственного ума. Этому высшему мастерству ведения войны учат бессмертные образцы полководческой деятельности Кутузова. Именно поэтому теперь, в дни Великой отечественной войны, так гигантски вырос в нашем сознании образ великого предводителя русских войск.

Образ Кутузова дорог и близок каждому русскому человеку. Красная Армия свято чтит память о старом фельдмаршале, победителе Наполеона, одного из величайших полководцев. Наши командиры черпают из вечно нового источника кутузовской мудрости ценнейшие поучения для совершенствования мастерства вождения войск.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

I

Крымская война, имевшая большое значение для истории Европы и истории России, делится на два периода. Началась она борьбой царской России с Турцией. Тема этой лекции — второй период войны, когда главные сражения происходили на Крымском фронте, где русская армия в течение 11 месяцев героически обороняла Севастополь.

С самого начала военных действий на русско-турецком фронте позиция Наполеона III и руководителя английской политики лорда Пальмерстона, не желавших допускать господство России на Чёрном море, делается всё более угрожающей. В Петербурге возникает тревога за Кавказ. Царское правительство начинает понимать, что если турки, а за ними французы и англичане подадут существенную помощь Шамилю, то Кавказ для России будет потерян. Нужного количества войск на Кавказе нет — это одно. А другое — турецкая эскадра снабжает восточное Кавказское побережье оружием и боеприпасами. Отсюда вытекают два непосредственных задания русскому Черноморскому флоту: во-первых, в самом спешном порядке перевезти военные подкрепления из Крыма на Кавказ и, во-вторых, обезвредить разгуливающие в восточной части Чёрного моря турецкие военные суда.

Обе эти задачи выполнил адмирал Нахимов.

13 сентября 1853 года в Севастополе было получено приказание немедленно перевезти из Севастополя в Анаклию пехотную дивизию с артиллерией. Нахимов взял на себя эту труднейшую операцию. 17 сентября Нахимов вышел в бурное море, а 24 сентября пришел в Анаклию. Моряки-специалисты называют этот переход «баснословно счастливым».

18 ноября 1853 года Нахимов напал на турецкий флот при Синопе и пустил его ко дну.

Нахимов утверждал, что в морском бою самое главное владеть матросом. Он говорил о Нельсоне: «Вы помните Трафальгарское сражение? Какой там был манёвр, вздор-с! Весь манёвр Нельсона заключался в том, что он знал слабость неприятеля и свою силу и, не теряя времени, вступал в бой. Слава Нельсона заключается в том, что он постиг дух народной гордости своих подчинённых и одним

простым сигналом возбудил запальчивый энтузиазм в простолюдинах, которые были воспитаны им и его предшественниками. Вот это-то воспитание и составляет основную задачу; вот чему я посвятил себя, для чего тружусь неусыпно и, видимо, достигаю своей цели: матросы любят и понимают меня».

Нахимов был одним из тех величественных героев русской истории, о которых забывать нельзя; такие звезды, как он, даже на русском небосклоне наперечёт.

Синопский бой сделал войну двух западных держав с Россией совершенно неизбежной.

Пальмерстон, десятилетиями боявшийся Николая, имел свидание с Наполеоном III, обещавшим дать французскую армию, без которой англичане с Россией не справились бы.

Наполеон III приказал своему послу выехать из Петербурга. Подобный же приказ был послан и англичанам. Дело было в марте 1854 года.

Таким образом началась война. Николай I увидел нависшую над Россией грозную опасность. Постепенно тучи скапливались над Севастополем. Русский флот не мог равняться с вражеским. Враги напали на Петропавловск-на-Камчатке, в Белом море на Соловецкий монастырь, в Балтике на Бомарзунд, их флот мог всюду появляться. Необходимо было охранять побережье Балтийского моря, куда и была послана русская армия — более 200 тысяч человек. Для Севастополя остали 70 тысяч. Огромная русская армия оказалась раздробленной. Обстановка начинала принимать мрачный для России оттенок.

Наполеон III подписал декрет, повелевавший сформировать особую восточную армию, главнокомандующим которой был назначен маршал Сент-Арно. Французская армия высадилась в Константинополе и в Варне. Русские войска воевали на дунайской территории в Молдавии и Валахии. Война здесь была для русских войск славной войной, но русские терпели неудачи, которые происходили от бездарности генералов. Солдаты не понимали: армия одерживает победы над турками и отступает. Пошли слухи, что генералы подкуплены, что многие из них немцы, — например Фишбах, о котором говорили, что у него ума нехватит даже лошадь вычистить так, чтобы хвост был чистый. Столь же непопулярен был Анреп. Слово Анреп солдаты переделали в слово арап, т. е. турок. Солдаты возмущались, что у них крадут победу.

Русские должны были уйти из Молдавии и Валахии. И тогда войскам союзников был прислан приказ из Лондона и Парижа напасть на Кавказ или на Крым. Англичане хотели напасть на Кавказ, но Наполеон III не имел никакого желания во имя английских политических интересов — в целях охраны Персии и Индии — отвоевывать у русских Кавказ. Союзники не доверяли друг другу, они боялись, что кто-то из них тайно заведёт переговоры с Россией. Наполеон III приказал своему маршалу Сент-Арно плыть в Крым.

13 сентября по новому стилю союзники высадились вблизи Евпатории. С вышки Морской библиотеки в Севастополе Нахимов увидел колоссальную массу тёмных, еле различаемых судов, которые шли к Евпатории. Судов было так много, что представлялось, будто движется целый город. Их оказалось около 360 вымпелов, а с более мелкими судами около 400. На судах везли не только армию, но и осадную артиллерию, обозы. Неприятельская флотилия прошла к Евпатории и там стала на якорь. Английский главнокомандующий не хотел продвигаться далее, но Сент-Арно, храбрый вояка, не понимал жизни вне войны; знал ли Сент-Арно, что ему осталось несколько месяцев жить, или это только казалось окружающим, но он жаждал скорее сразиться с войсками русского царя. Сент-Арно повёл армию на Севастополь.

20 сентября состоялось первое сражение под Альмой. Эта кровавая битва кончилась отступлением русской армии под командованием Меншикова, у которого не было военных дарований; сопровождавшие его генералы были ещё меньше на высоте. Русские войска отступили к Севастополю. После Альмы положение было таково, что если бы Сент-Арно ударил на Севастополь, то он вышел бы победителем, так как город не был укреплён. Когда Сент-Арно увидел беззащитный Севастополь, стены в три кирпичика, он заявил, что здесь какая-то военная хитрость. По его данным, город был укреплён. Поэтому Сент-Арно не пошел на Севастополь, а стал обходить город. Когда Нахимов увидел, что Сент-Арно делает, он сказал: «Только бы дожить до конца войны. Возьму отпуск, поеду в Париж, чтобы пойти с визитом к Сент-Арно и сказать, что он дурак, а потом можно умереть».

Французы остановились у Южной бухты и приступили к осаде. Тут только они сообразили, что совершили роковую ошибку.

Николай, когда узнал об Альме, считал, что курьера петербургские не достигнут Крыма, что все кончено — весь Крым погиб. В Европе тоже были уверены в этом, в Париже была устроена иллюминация в честь взятия Севастополя, а на самом деле Севастополь продержался еще около года. Никто — ни среди военных, ни моряков, ни штатских — не подозревал, что начинается новая героическая страница в истории России, покрывшая Россию такой славой, которая не меркнет даже перед славой 1812 года. Начиналось историческое чудо — так французы назвали оборону Севастополя.

Осада Севастополя длилась почти год, или, сказать точно, 349 дней, и является она одним из грандиозных по своему значению событий в военной истории и в истории всего русского народа.

Я только что сказал, что французские очевидцы называют оборону Севастополя «miracle» — чудо. И когда знакомишься с историей осады более подробно, это изумление не проходит, а усиливается. Политическая роль осады была колоссальной, она свела к нулю 90 процентов тех целей, которые союзники ставили. Нельзя говорить об обороне Севастополя как о поражении России. Это был моральный успех, который был признан на Парижском конгрессе 1856 года.

Что обусловливало возможность длительной обороны? Прежде всего — геройзм защитников Севастополя, той частицы русского народа, на долю которой выпала честь обороны Севастополя.

Надо сказать, что строй тогдашней России сделал все, чтобы провалить дело. И дипломатические ошибки более грашные, чем ошибки военных, и внутреннее неустройство привели к тому, что защитники Севастополя оказались в исключительно тяжелых условиях.

Каждый десяток тысяч человек был очень важен в Севастополе, так как в Крыму было всего 70 тысяч бойцов и только несколько тысяч кадровых военных, в то время как на севере была армия, исчисляющаяся в сотнях тысяч солдат, хорошо снабженная артиллерией и амуницией. Охранялись Прибалтийский край и Финляндия, а там, где наносились русскому народу главные удары, было мало войск.

Вся гниль царского, самодержавно-бюрократического строя сказалась на Севастополе. Меншиков подписывал ведомости на оплату несуществующих расходов. Это воровство было беспрепятственно. Командный состав оказался негодным. Меншиков — старый циник, барин, всех презиравший и ни-

чего не делавший, ничего не смысливший. Солдаты его не знали, понимали, что он совершенно ими не интересуется.

Кто спас Севастополь? Нельзя сказать, что только матросы и солдаты. Нужны были руководители. Тут русскому народу посчастливилось — выдвинулась плеяда блестящих командиров: Корнилов, Нахимов, Истомин, Тотлебен. Правда, слава Тотлебена была омрачена тем, что уже в старости, будучи генерал-губернатором в Одессе, он опроверг себя реакционными усмирительными «подвигами». Но в то время, когда он защищал Севастополь, его слава светила чистым блеском. Корнилов, Нахимов, Истомин — три героя-адмирала; затем Хрулев, Хрущев и Васильчиков — вот кто возглавлял фактически оборону Севастополя.

II

Меншиков с армией стоит на Перекопе, но не входит в Севастополь. Начальником обороны Севастополя главнокомандующий назначает старого генерал-лейтенанта Моллера. Это было в сентябре, после Альмы. Нахимов, дисциплинированный человек, герой Синопа, умевший приказывать и повиноваться, решительно требует, чтобы начальником был адмирал Корнилов. Казалось, это безумное требование, поскольку главнокомандующий назначил Моллера. Собирается Совет. Председательствует Моллер. Меншиков, чувствуя, что происходит сумятица, посыпает своего представителя Лебедева. Нахимов заявляет напрямик, что Моллер никуда не годится из-за старости и бездарности, что Моллер — гибель Севастополя. Когда представитель Меншикова спрашивает, каково же будет положение Моллера и как они думают дальше вести дело, то Нахимов показывает на 18-летнего мичмана, который вошёл в это время в комнату, чтобы передать пакет, и говорит: «Я скорее ему буду повиноваться, чем генерал-лейтенанту Моллеру». Начальником стал Корнилов, Моллер согласился, а Меншиков не протестовал.

Начинается осада. В первую бомбардировку 17 октября наши войска постигает страшная утрата — убивают Корнилова. Хотел ли он своей кровью показать пример, но он как будто знал, что не вернется, и явно шел на смерть. (Утром он снял золотые фамильные часы и попросил переслать их домой, сказав, что боится их разбить.)

Перед бомбардировкой затапливаются суда, чтобы они не попали в руки неприятеля. На улицах и бастионах уби-

тые и раненые. Русские блестяще отстреливаются. Враг терпят тяжкий урон, взрываются два пороховых склада, и на этом дело кончается. Думали, что будет еще приступ, но его не было.

Дальше армия Меншикова извне стремится как-нибудь снять осаду. Защитники Севастополя держатся. Этих попыток снять осаду было несколько. Если будете изучать историю обороны Севастополя не поверхностно, то убедитесь, что Севастопольская оборона не может быть названа поражением.

Через несколько дней после бомбардировки русские нападают на Балаклаву, им удается взять несколько блиндажей и бастионов. Лорд Раглан, стоявший во главе английской армии, приказал атаковать русские позиции кавалерией, но кавалерийская атака окончилась полной неудачей.

5 ноября разыгралось сражение под Инкерманом. Это сражение было в высшей степени замечательное. Почитайте историю Инкерманского боя в обычном, шаблонном изложении: русские стремились напасть на Сапун-гору, хотели занять горные высоты, у противника были сильные укрепления, и русские были отброшены с большими потерями.

А если вникнете как следует, то поймете, что произошло следующее.

Сражение длилось приблизительно три часа, и положение союзников было критическим. Ниже я привожу слова самого компетентного лица — начальника французского штаба, который заявил об этом в 1856 году, перед заключением мира, когда русские и французы обменивались воспоминаниями и все эти заявления записывались. В Париж был специально послан полковник Циммерман фиксировать воспоминания очевидцев-французов. Вот что сообщил начальник французского штаба:

«Если бы вашим войскам не был дан приказ отступать... то главное дело на Инкермане было бы вами (русскими) выиграно, английская армия была уже на волоске, едва держалась, несмотря на то, что ваши войска медленно шли вперед и пропустили первый момент. День этот всё-таки кончился бы совершенным поражением англичан, следствием которого было бы снятие осады».

Приказ об отступлении дал генерал Данненберг. Так он вместе с бездарным командующим Меншиковым погубил блестяще начатое дело, а в русском биографическом словаре о военных неудачах Данненберга нет ни слова, зато акку-

ратно перечислено множество присвоенных ему орденов. Вот как писалась в прежнее время военная история.

Инкерманское сражение не удалось, осада не была снята, Севастополь продолжал сопротивляться.

Французский главнокомандующий, сменивший Сент-Арно, Канробер, уже будучи стариком, вспоминая о действиях русских матросов, солдат и их вождей, весь преображался. Он, настоящий вояка, не мог без трепета, без умиления, без слёз говорить о севастопольцах: «Чтобы понять, что такое были наши противники, вспомните о шестнадцати тысячах моряков, которые, плача, уничтожали свои суда с целью загородить проход и которые заперлись в казематах бастионов со своими пушками, под командой своих адмиралов — Корнилова, Нахимова, Истомина. К концу осады от них осталось восемьсот человек, а остальные и все три адмирала погибли у своих пушек».

Душой обороны был Нахимов. Надо иметь огромный талант, чтобы так заставить людей повиноваться, как он умел. К наказаниям он почти не прибегал, и незачем было наказывать. Достаточно было Нахимову высказать недовольство, чтобы люди считали себя опозоренными. Когда он выходил к бастионам, они ломали ряды, целовали его шинель, гурьбой окружали его и смотрели влюбленными глазами. Он держал себя как равный с матросами. Этот человек звучал всем, кем он командовал. Матросов давно называли «нахимовскими львами», но и солдаты очень скоро стали на него смотреть так же, как рядом с ними сражавшиеся моряки. Доблестные воспитанники Нахимова играли руководящую роль. Об этом нахимовском поколении моряков, почти полностью погибшем в Севастополе, не могли забыть русские товарищи по обороне.

Ухтомский в своих записках отмечает всё громадное превосходство боевой выучки моряков, воспитанных школой Лазарева, Нахимова, Корнилова, Истомина, над армейскими солдатами, сражавшимися рядом с матросами на севастопольских бастионах.

Героев было много и среди солдат. Под влиянием нахимовских львов — шестнадцати тысяч воспитателей — эти люди, армейские солдаты, привыкшие к палочной дисциплине, совершенно преображались. В храбости они ни на иоту не уступали морякам.

Я не буду говорить о всех перипетиях осады. Нахимов воспитывал у людей уверенность, что им нужно бороться до

конца, что они не уйдут оттуда, будут драться до последнего человека. Нахимов считал, что Севастополь погибнет, но погибнет с честью. Он переживал с глубокой горечью то, что делалось в Севастополе, понимая, что на шестнадцать тысяч героев-моряков и на несколько десятков тысяч солдат возложено всё бремя осады и что никакой настоящей поддержки от правящего тыла они не получат. Матросы и солдаты пытались гнилыми сухарями. Нахимов знал о всех злоупотреблениях интенданства, но был бессилен улучшить снабжение армии.

До Петербурга, до Николая доходило, что делают севастопольские герои. Крым не был отрезан от России, сообщение не прекращалось. Присылались и войска, но их забирал Меншиков, стоявший с главными силами в окрестностях города, а в Севастополь попадало немного. У командования была мысль повторить Инкерман и попытаться снять осаду. Николай также знал, что делает Нахимов, знал, что матросы обожают Нахимова, называют его просто «Павел Степанович», знал и о поступке адмирала в самом начале осады, о том, как он сменил Моллера и назначил Корнилова, знал и то, что Нахимов был хозяином и душой города. Он прислал всё же флигель-адъютанта, чтобы передать поклон и поцелуй — награду от государя Нахимову. Спустя немного после этого Нахимов с окровавленным лицом возвращался домой после обхода батарей, и вдруг ему навстречу новый флигель-адъютант с новым поклоном от Николая.

«Милостивый государь! — воскликнул Нахимов. — Вы опять с поклоном-с? Благодарю вас покорно-с! Я и от первого поклона был целый день болен-с!» Опешивший флигель-адъютант едва ли сразу пришёл в себя от неожиданных слов Нахимова, давно раздражённого беспорядком, царившим в тылу, от которого зависела участь Севастополя. «Не надобно-с нам поклонов-с! Попросите нам плеть-с! Плеть, пожалуйста, милостивый государь, у нас порядка нет-с!» — кричал Нахимов.

«Вы ранены?» — спросил тут кто-то. «Неправда-с! — отвечал Нахимов, но тут, заметив на лице кровь, прибавил: Слишком мало-с! Слишком мало-с!»

Больше Николай Павлович ни поцелуев, ни поклонов Нахимову уже не посыпал.

Время шло. Тотлебен выстроил три укрепления для прикрытия Малахова кургана — и неприятель решил взять их.

Когда несколько тысяч французов ворвались и окружили Камчатский люнет, — на люнете велено было отступать. Матросы крикнули: «Павел Степанович, уходите!» Он стоял неподвижно. Остаётся непонятным, как в этой отчаянной свалке не был убит Нахимов. Матросы силой схватили его за талию и вынесли с люнета. Васильчиков, наблюдавший Нахимова, пишет в своих воспоминаниях, что в тот момент адмирал понимал, что Севастополь уже погиб.

Борьба продолжалась. Русские отстреливались. Но у них нехватало боеприпасов. Характерно, что генерал Морозов просил Меншикова, «для праздника», подбросить немного пороха. Артиллерия стреляла прекрасно, наводчики были замечательные, но нехватало снарядов, пороху — подвоз был незначительный.

Новый французский главнокомандующий, третий после начала осады, Пелисье, решил взять Севастополь, так как стало известно, что у русских бомб мало, пороху нехватает и прошёл слух, что ранен Нахимов.

18 июня 1855 г. состоялся штурм. Это бессмертная страница русской истории. В этом сражении русские одержали блестящую победу. Враги бросились разом на целый ряд бастионов, у союзников было количественное превосходство сил, снаряжение было тоже лучше. Но всюду русские отбили атаки. По словам одного генерала союзнической армии, участвовавшего в сражении, «русские превзошли самих себя». Все подступы были завалены неприятельскими трупами. Наступательный порыв солдат и матросов невозможно было сдержать. Когда было кончено сражение, выигранное русскими, целая группа матросов бросилась на Камчатский люнет, чтобы отнять его у французов. Люнет был сильно укреплён французами, и матросов перестреляли бы. Офицеры других частей, бросившись им наперерез, крикнули: «С ума спятили, назад!» Матросов с трудом удержали от безумного поступка.

После победоносного сражения Нахимов, презирая опасность, обвежжал бастионы, осматривал укрепления, не переставая вдохновлять матросов на дальнейшее сопротивление.

Вот случайно записанный эпизод, прекрасно иллюстрирующий как героизм самого Нахимова, так и беспредельное обожание его войсками.

«Каждый из храбрых защитников после жаркого дела осведомлялся прежде всего, жив ли Нахимов, и многие из

нижних чинов не забывали своего отца-начальника даже в предсмертных муках. Так, во время штурма 6 июня (18 по новому стилю) один из рядовых пехотинцев лежал на земле близ Малахова кургана.

— Ваше благородие! А, ваше благородие! — кричал он офицеру, скакавшему в город. Офицер не остановился.

— Постойте, ваше благородие! — кричал тот же раненый в предсмертных муках. — Я не помохи хочу просить, а важное дело есть! — Офицер возвратился к раненому, к которому в то же время подошёл моряк.

— Скажите, ваше благородие, адмирал Нахимов не убит?

— Нет...

— Ну, слава богу! Я могу теперь умереть спокойно. Это были последние слова умирающего».

Вскоре севастопольцев постигло несчастье, которое, по словам всех защитников города, предрешило гибель Севастополя.

28 июня Нахимов отправился в объезд. Сначала он посетил третий бастион. Прибыв на бастион, Нахимов сел на скамью у блиндажа. Кругом стояло несколько офицеров. Послышался свист бомбы, все бросились в блиндаж. Бомба разорвалась и осыпала Нахимова землей, но не убила. Оттуда он поехал на четвёртый бастион. Толпа матросов окружила его, он чрезвычайно весело беседовал с ними, вспоминал о Синопе. Затем отошёл от них, приказал всем ити на свои места, а сам пошёл на вышку, на которой никого не было. Вышка находилась в нескольких десятках саженей от французов. Офицеры растерянно переглянулись и стали под всяческими предлогами удерживать Нахимова, напомнили, что завтра — 29 июня — день святых Петра и Павла и его собственные именины и что матросы хотят отслужить молебен, — не угодно ли и ему помолиться. «Я вас не держу», — ответил Нахимов и вошёл на вышку. Высокая фигура его в адмиральских эполетах была бросающейся в глаза мишенью для французской батареи. Просвистела пуля и ударила в мешок с землёй около самого локтя Нахимова. «Они сегодня метко стреляют», — сказал Нахимов. В этот момент грянул новый выстрел. Вторая пуля попала ему в голову. Адмирал без единого стона упал на землю, как подкошенный. Через 48 часов он умер.

28 июня 1855 года было в полном смысле слова началом конца Севастополя. В августе каждый день выбывало 2 500 человек, держаться далее не было никакой возможности.

27 августа 1855 года начался новый штурм. Командующий Горчаков, сменивший Меншикова, как стратег тоже был полным ничтожеством. Солдаты его не знали и не видели, и он ими не интересовался. Горчаков считал, что нужно сдать Севастополь. Он писал об этом Александру II, и Александр II готовился к потере Севастополя. Но как сказать матросам, нахимовским львам, о том, что Севастополь сдадут? Верховное командование считало, что ничего больше сделать нельзя, но о том, что нужно уходить, не смело открыто заявить. По этому вопросу сохранилась переписка. Всемогущий император не смел сказать матросам об отходе, на который решились только тогда, когда все почти защитники Севастополя были перебиты.

Последовал штурм. Русские проявили такой героизм, что даже в тот момент, когда, по приказу Горчакова, войска стали уходить на северную сторону, — неприятель не считал, что одержал победу. Союзникам казалось, что Севастополь может держаться ещё некоторое время. Французский главнокомандующий Пелисье только тогда понял, что Севастополь пал, когда после выхода русских войск из города там начались взрывы.

В феврале 1856 года в Париже собирается мирный конгресс. Александр II отправил на конгресс графа Орлова. Орлов всю свою дипломатическую деятельность во время пребывания в Париже основывал на сближении с императором французов и на поддержке, которую с самого начала переговоров Наполеон III стал оказывать представителю России.

Парижский конгресс начался 25 февраля и окончился подписанием мирного трактата 30 марта 1856 года. Председательствовал граф Валевский, министр иностранных дел Франции. К России предъявлялись большие требования. Поляки не переставали осаждать Наполеона своими просьбами. Они надеялись на то, что Россию всю по клочкам растащат и что Польша будет восстановлена. Поляки уже заранее представили список того, что они желают получить. В список вошли следующие губернии: Виленская, Гродненская, Kovенская, Витебская, Могилевская, Минская, Киевская, Подольская, Волынская. Представители союзников требовали срытия русских укреплений по черноморскому побережью, нейтрализации Чёрного и Азовского морей. Австрийский уполномоченный Буоль настаивал на замене русского протектората над Молдавией, Валахией и Сербией протекторатом всех великих держав, т. е. фактически на присоединении этих княжеств к Австро-Венгрии.

Сам Наполеон III на конгрессе не выступал, но фактически он был скрытым за кулисами, всемогущим дирижёром конгресса. В сущности в две-три беседы в императорском кабинете с глазу на глаз с Наполеоном III Орлов и выполнил всю работу, и торжественные заседания пленума конгресса уже ничего существенного не внесли и не изменили.

Возвращение Карса, взятого русскими в конце 1855 года, нейтрализация Чёрного моря, уступка Бессарабии — таковы были главные потери России. Современники приписывали сравнительно сносные условия мира не только повороту политики Наполеона III, но и тому сильному впечатлению, которое произвела на весь мир длившаяся почти год героическая оборона Севастополя. Это сказалось и в том, что могущественный в тот момент монарх в Европе Наполеон III немедленно после подписания Парижского мира стал искать союза с Россией.

По-настоящему севастопольских героев, так же как и героев 1812 года, стали ценить только теперь. Советская власть, сталинское поколение оценили их. У человека, который, к счастью нашему, сейчас руководит обороной нашей Родины, среди многих даров есть дар понимания заслуг людей, которые верно послужили народу. Сталинское поколение хорошо понимает, что такое история России, любовь к России, оценивает по достоинству события 1812 года, события Крымской войны. Героическая оборона Севастополя 1854—1855 годов теснейше связана со всем грандиозным русским военным прошлым и настоящим.

В нынешнюю Великую отечественную войну советские герои обороны Севастополя в борьбе против немецко-фашистских захватчиков умножили героические традиции своих предков, героев 1854—1855 годов.

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ 1916 года

Под названием Брусиловского прорыва в военную историю вошла одна из крупнейших операций первой мировой войны, проведенная летом 1916 года войсками русского Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова.

Брусиловский прорыв сыграл очень крупную роль в ходе войны, ибо этой операцией, по сути дела, заканчивается первая половина войны, когда стратегическая инициатива была в руках коалиции центральных держав, и начинается вторая половина, которая характеризуется переходом стратегической инициативы в руки Антанты (до весны 1918 года). Брусиловский прорыв был первой операцией, определившей этот перелом. В этой операции Брусиловым впервые была применена новая форма прорыва позиционного фронта, форма одновременного удара на нескольких участках, форма дробящих фронт ударов. В Брусиловском прорыве эта форма сразу же показала свои сильные стороны.

Брусилов как военачальник, как выдающийся полководец русской армии периода первой мировой войны, представляет для нас большой интерес. В основе его полководческого искусства лежит стремление решать задачи активными методами. В этом отношении он является одним из последних представителей традиционной суворовской школы в старой русской армии. Для него характерно отчетливое подчинение оперативных задач, задач сражения, общим стратегическим задачам, тщательная подготовка операции. Он больше чем кто-либо понимал, что не стратегические вензеля на карте приносят победу, а тщательная организация и обеспечение операции, боя, подготовка войск к выполнению боевых задач.

Отличительной чертой Брусилова как полководца является новаторство, постоянное стремление исследовать опыт войны, как свой, так и опыт других фронтов, и без промедления использовать уроки этого опыта в практической боевой деятельности.

Полководческое искусство Брусилова, несомненно, является наиболее яркой страницей истории военного искусства периода первой мировой войны. К сожалению, Брусиловым как полководцем наша военная история занималась мало. Литература, посвященная Брусиловскому прорыву, далеко не соответствует тому значению, которое он имел в ходе первой

мировой войны. Мы имеем всего лишь две монографии, посвящённые этой операции. Первая монография под названием «Луцкий прорыв» была выпущена военно-исторической комиссией в 1924 году и ныне представляет собою библиографическую редкость. Вторая — монография Л. В. Ветошникова «Брусиловский прорыв» издана в 1940 году. Обе работы не раскрыли по-настоящему полководческого искусства Брусилова.

«Мои воспоминания» Брусилова, вышедшие уже двумя изданиями, представляют интерес для познания мыслей полководца, положенных в основу его операции, но, как всякий мемуарный труд, они не дают широкой картины и глубокого объективного анализа операции. Есть ещё сборник документов «Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 г.», выпущенный Центральным государственным военно-историческим архивом, но он полезен лишь как материал для исследования.

Таким образом, следует отметить очень крупную ошибку нашей военной историографии, недостаточно уделившей внимания исследованию этой операции, которая представляет чрезвычайный интерес как в ходе первой мировой войны, так и в развитии русского военного искусства.

Краткая характеристика обстановки в начале 1916 года

Обстановка к началу кампании 1916 года была для германской коалиции мало благоприятной. Кампания 1914 года, на которую возлагались немцами столь большие надежды, была бесповоротно проиграна, война затягивалась, а выиграть затяжную войну у Германии было значительно меньше шансов, чем у её богатых людскими и материальными ресурсами противников. Германское командование после ряда колебаний направило в 1915 году свои главные усилия на Восточный фронт, чтобы разбить русские армии, вынудить Россию к сепаратному миру и, избавившись таким образом от второго фронта, продолжать борьбу на Западе.

Несмотря на то, что немцам удалось вынудить русские армии к отступлению и занять значительную территорию, стратегической задачи они не решили, ибо русские армии не были уничтожены и второй — Восточный фронт — не был ликвидирован.

Проигрыш двух кампаний заставил германское командование основательно задуматься над перспективой последую-

щей борьбы, и сразу же, как в таких случаях бывает, начались трения внутри возглавлявшейся Германией коалиции: Людендорф, который играл решающую роль в действиях на Востоке (он был начальником штаба Гинденбурга, командующего войсками на Восточном фронте), настаивал на продолжении активных операций против русской армии, чтобы добиться ее поражения. Генерал Конрад, начальник генерального штаба австро-венгерской армии, настаивал на том, чтобы главные усилия направить против Италии. Третья точка зрения была представлена генералом Фалькенгайном — начальником германского штаба и фактическим главнокомандующим. Фалькенгайн отверг предложение Конрада, потому что успех австрийской армии на театре, который интересовал главным образом Австрию, не входил в расчеты немцев, и Фалькенгайн, зная о готовящихся наступательных действиях союзников, не хотел ослаблять ни Восточный, ни Западный фронты.

Продолжать активные действия против России Фалькенгайн считал бесцельным. В декабре 1915 года он докладывал кайзеру Вильгельму, что возможности наступления на Украину недостаточны, что удар на Петроград не сулит решительного успеха, а движение на Москву ведёт «в область безбрежного». Ни для одного из этих предприятий, — заявлял Фалькенгайн, — немцы не располагают достаточными силами. Поэтому Россия как объект наступления исключается.

Считая Англию, своего главного противника, мало уязвимой на ее островах, Фалькенгайн решил в 1916 году направить главный удар против Франции. Он полагал, что если удастся нанести поражение Франции, «лучший меч будет выбит из рук Англии». Кроме того, его толкали к переносу активных действий на Запад сведения о готовящемся наступлении союзников. Германии необходимо было удержать стратегическую инициативу, потеря которой была чревата тяжелыми последствиями.

Для удара против французов Фалькенгайн избрал выступ у Вердена. Оперативное значение этого выступа было велико. Если бы удар, который наметил он на Верден и Париж, увенчался успехом, то всё северное крыло англо-французских армий было бы поставлено в критическое положение, и можно было бы рассчитывать на решающий успех. Для наступления на других участках у немцев не было достаточных сил.

Австро-германское командование готовило удар против итальянцев в Трентино.

Таким образом, блок центральных держав запланировал на 1916 год активные операции на Западе и на итальянском фронте с решительными целями.

Стратегическая обстановка для стран Антанты в начале 1916 года, наоборот, улучшилась. Мощь этих стран, включая и военно-технические силы, возрастила. Антанта обладала значительным перевесом в числе дивизий. Отставание в области артиллерийского вооружения в значительной мере было уже ликвидировано. Французская и английская армии имели достаточно тяжелой артиллерии, значительные запасы снарядов и хорошо наложенное массовое производство их. Русская армия выходила из кризиса 1915 года и готовилась к активным действиям.

Руководящие круги Антанты понимали, что передышка, полученная за счет России в 1915 году, кончилась. Надо было готовиться к тому, что германцы перенесут свои усилия на Запад. Это заставило командование Антанты более или менее согласовывать действия на главных фронтах войны. После переговоров союзники приняли решение разбить своих противников на западном и восточном театрах войны ударами, которые должны были следовать один за другим. Начало наступления на Западе намечалось на 15 июня, на Востоке — 1 июля.

Каковы были планы русского главного командования?

14 апреля в Могилёве было собрано совещание главно-командующих фронтами. Туда прибыли генерал Куропаткин, который командовал Северным фронтом, генерал Эверт, командовавший Западным фронтом, и генерал Брусилов, только что назначенный главнокомандующим Юго-Западного фронта.

На совещании главнокомандующих был рассмотрен план, разработанный Ставкой. По этому плану главный удар должен был нанести Западный фронт из района Молодечно в направлении на Ошмяны — Вильно, вспомогательный удар наносил Северный фронт в районе Даугавпилс — Видзы. Юго-Западному фронту генерала Брусилова ставилась на первое время только оборонительная задача с тем, чтобы в последующем он содействовал наступлению Западного фронта вспомогательным ударом из района Ровно.

При рассмотрении этого плана Куропаткин высказался против наступательных операций, считая, что русские войска не готовы к ним, что они не смогут прорвать фронт. Такой же точки зрения придерживался и Эверт, считавший наиболее целесообразным способом действий для Западного

фрона — оборону. Брусилов возражал против подобного рода взглядов и против той роли, которая отводилась его фронту. «Я заявил, — пишет он в своих воспоминаниях, — что, несомненно, желательно иметь большее количество тяжёлой артиллерии и тяжёлых снарядов, необходимо также увеличить количество воздушных аппаратов, выключив устаревшие, износившиеся. Но и при настоящем положении дел в нашей армии я твёрдо убеждён, что мы можем наступать. Не берусь говорить о других фронтах, ибо их не знаю, но Юго-Западный фронт, по моему убеждению, не только может, но и должен наступать, и полагаю, что у нас есть все шансы для успеха, в котором я лично убежден. На этом основании я не вижу причин стоять мне на месте и смотреть, как мои товарищи будут драться. Я считаю, что недостаток, которым мы страдали до сих пор, заключается в том, что мы не наваливаемся на врага сразу всеми фронтами, дабы прекратить противнику возможность пользоваться выгодами действий по внутренним операционным линиям, и потому, будучи значительно слабее нас количеством войск, он, пользуясь своей развитой сетью железных дорог, перебрасывает свои войска в то или иное место по желанию. В результате всегда оказывается, что на участке, который атакуется, он в назначеннее время всегда сильнее нас и в техническом и в количественном отношениях. Поэтому я настоятельно прошу разрешения и моим фронтам наступательно действовать одновременно с моими соседями; если бы, паче чаяния, я даже и не имел никакого успеха, то по меньшей мере не только задержал бы войска противника, но и привлек бы часть его резервов на себя и этим могущественным образом облегчил бы задачу Эверта и Куропаткина». В этих словах отчетливо выявился основной взгляд Брусилова на стратегию первой мировой войны. Он заключался в том, что только наступлением можно добиться победы, что обороной выиграть войну нельзя и что для наступления русская армия и её союзники имеют все возможности.

Чтобы представить себе, в какой среде приходилось работать Брусилову, достаточно вспомнить весьма показательную сценку, которая произошла на этом совещании после выступления Брусилова. Об этой сценке рассказано в его воспоминаниях.

«...Ко мне подошёл один из заседавших старших генералов (Куропаткин. — Н. Т.) и выразил своё удивление, что я как бы напрашиваюсь на боевые действия; между прочим, он сказал: «Вы только что назначены главнокомандующим,

и вам притом выпадает счастье в наступление не переходить, а следовательно, и не рисковать вашей боевой репутацией, которая теперь стоит высоко. Что вам за охота подвергаться крупным неприятностям, может быть, смены с должности и потери того военного ореола, который вам удалось заслужить до настоящего времени? Я бы на вашем месте всеми силами откращивался от каких бы то ни было наступательных операций, которые при настоящем положении дела могут вам лишь сломать шею, а личной пользы вам не принесут». На это я ответил этому генералу, что я о своей личной пользе не мечтаю и решительно ничего для себя не ищу, николько не обижусь, если меня за негодность отчислят, но считаю долгом совести и чести действовать на пользу России, поскольку я ее понимаю. Повидимому, этот генерал отошел от меня очень недовольный этим ответом, пожимая плечами и смотря на меня с сожалением».

В результате совещания был принят окончательный вариант плана, предусматривавший нанесение главного удара Западным фронтом и вспомогательных — Северным и Юго-Западным. Общей целью действий был поставлен «переход в наступление и атака германо-австрийских войск».

Фронты начали подготовку к наступательным операциям.

Подготовка к наступательной операции Юго-Западного фронта

Обстановка на Юго-Западном фронте в то время складывалась таким образом. С осени 1915 года на всем фронте установилось прочное позиционное положение. В состав войск фронта входили четыре армии: на фронте Острогск—Дубно — 8-я армия, которой командовал генерал Каледин, в составе шести армейских и двух кавалерийских корпусов, всего 15 пехотных и 7 кавалерийских дивизий. Против неё действовала группа австро-германских войск генерала Линзингена в составе 13 пехотных и 3 кавалерийских дивизий; на фронте Дубно — Тарнополь — 11-я армия генерала Сахарова в составе четырех армейских корпусов (8½ пехотных и 1 кавалерийская дивизии), против которой действовали австро-германские войска общей численностью в 10 пехотных и 2 кавалерийские дивизии; 7-я армия генерала Щербачева в составе трех армейских и одного кавалерийского корпусов (7 пехотных и 3 кавалерийские дивизии) действовала на фронте Бенява — Латач. На левом фланге фронта до румынской границы действовала 9-я армия генерала Лечницкого в

составе пяти армейских и одного кавалерийского корпусов (10 пехотных и 4 кавалерийские дивизии). Против 7-й и 9-й армий действовала 7-я австрийская армия общим составом в 16 пехотных и 5 кавалерийских дивизий.

Соотношение сил и численность войск определялись таким образом: у Брусилова было 55½ пехотных и кавалерийских дивизий (633 343 человека) и 1 938 орудий против 49 пехотных и кавалерийских дивизий (475 440 человек) и 1 846 орудий противника. Превосходство сравнительно небольшое.

Для разработки плана Брусилов созвал своих командармов на совещание в Подволочиск. Здесь он изложил свой взгляд на ведение операции прорыва.

Учитывая опыт борьбы на русском фронте и на Западе, Брусилов пришёл к выводу, что подготовка совремённой наступательной операции, требующей огромных сил и средств, для подвоза, сосредоточения и развёртывания которых нужно много времени, не может быть скрыта полностью от противника. При наличии воздушной разведки все эти приготовления станут скоро известными противнику, и он сможет подвезти к месту намечающегося прорыва свои резервы, подготовиться к тому, чтобы сорвать удар.

Для того чтобы этого не случилось, Брусилов приходит к мысли, что подготовку следует начать на всём фронте и удары наносить одновременно на нескольких участках. Тогда противник будет дезориентирован, не сможет заблаговременно определить место главного удара и потому не сумеет сосредоточенно использовать свои резервы — он неизбежно должен будет их разбросать по нескольким участкам.

Исходя из этих выводов, Брусилов принял следующий план операции. Главный удар он наметил на Луцком направлении. Это был правый фланг его фронта, выполнившего вспомогательную задачу, и, следовательно, здесь он мог оказать наибольшую помощь Западному фронту, на который возлагалась главная задача. Удар в Луцком направлении Брусилов решил нанести четырьмя армейскими корпусами 8-й армии на участке Ставок — Корыто. Каждая из остальных армий также должна была нанести главный удар на участках по выбору самих командующих.

Эти удары были намечены: в 11-й армии — вдоль так называемого Тарнопольского шоссе силами 6-го армейского корпуса, в 7-й армии — на Язловецком направлении силами двух корпусов, в 9-й армии — между Миткеу — Доброноуц — силами двух корпусов.

Подобный метод решения Брусилова расценивается иногда как отсутствие твёрдости в его руководстве армиями. Это объяснение при внимательном изучении особенностей его полководческого творчества и этой операции оказывается неосновательным. Решая задачу таким образом, Брусилов выигрывал в том отношении, что развязывалась инициатива для творческой деятельности его командармов, на которых возлагалась полная ответственность за операцию. При этом Брусилов очень внимательно следил за выбором направления удара, и когда решения командиров не соответствовали его общему оперативному плану, он немедленно вмешивался и исправлял их. Этот метод вполне заслуживает признания, тем более, что решающее направление было определено самим Брусиловым.

Для брусиловского метода управления характерно умение сочетать развитие инициативы подчинённых с жёсткой требовательностью к ним и с систематическим контролем за их действиями с помощью своего штаба.

Боевые порядки армий Брусилова, применённые для прорыва на участках главного удара, характеризуются следующими данными:

8-я армия: на одну дивизию было 2,5 километра фронта, силы русских превосходили примерно в два раза силы австро-германцев; орудий у русских на километр фронта приходилось 20, у австрийцев 12 (это было на Луцком направлении, где, по замыслу Брусилова, должны были развиваться главные усилия).

11-я армия имела более чем двукратное превосходство в живой силе, на дивизию приходилось 5 километров фронта; 7-я армия — такое же превосходство в живой силе, 13 орудий на километр фронта против 8 орудий противника; 9-я армия — 5 километров фронта на дивизию, более чем двукратное превосходство в живой силе, около 16 орудий на километр фронта против 11 австрийских.

Сравним с этим показатели боевых порядков в одновременно проводившихся операциях на Западе.

У Вердена немцы сосредоточили на километр фронта 163 орудия, из них 58 тяжёлых; англо-французы сосредоточили на Сомме около 80 орудий всех калибров, на дивизию приходилось от 1 до 2 километров.

На Сомме в первый период операции силы англо-французов в 3,8 раза превосходили силы немцев.

Однако результаты операции Брусилова оказались гораздо значительнее, чем у Вердена и на Сомме.

Успех Брусилова был достигнут не подавляющим превосходством сил, не массовым использованием техники, а искусством манёвра и качеством войск.

Поучительна подготовка операции.

Брусилов очень много обращал внимания на то, чтобы обеспечить скрытность. Это он делал двумя путями: во-первых, он вёл подготовку на всём фронте, активно маскируя, таким образом, участок намеченного удара; во-вторых, был введён строжайший порядок. Войска выходили в исходное положение, для атаки только перед ударом. Была установлена жёсткая дисциплина передвижения. Все передвижения совершались по ночам. Никаких телефонных разговоров по вопросам подготовки не велось. Ни один человек, не имеющий отношения к операции, ничего не знал о подготовке, а лица, которые участвовали в ней, были осведомлены только в рамках своих задач.

Благодаря всему этому операция, особенно размах её, оказались полной неожиданностью для противника.

Приведу несколько характеристик тактических условий борьбы.

Что представляли собою позиции австро-германской армии на участке прорыва?

Оборонительная позиция противника состояла из трёх линий окопов, соединённых ходами сообщения. Важную роль должны были играть узлы сопротивления и опорные пункты; была хорошо развита система фланкирующих огней, огневые точки эшелонировались в глубину. Австро-германские войска имели большое количество прочных блиндажей, щелей и иных укрытий. Все это с фронта прикрывалось тремя полосами проволоки мощностью от 3 до 15 колеев каждая.

Таким образом, оборонительную систему неприятеля следует признать очень сильной.

Какой боевой порядок был установлен для атаки?

Еще на опыте 1915 года убедились в недостаточной противной способности старого, слабо эшелонированного боевого порядка. Поэтому был принят новый, глубокий порядок, состоявший из последовательно эшелонированных волн густых цепей, следующих друг за другом на дистанции в 150—200 шагов. Полк образовывал четыре волны. Полки в дивизиях строились в боевом порядке пошёлонно один за другим. Батальоны были построены таким образом: два батальона рядом, два батальона им в затылок. В батальоне две роты составляли первую волну, а вторые две роты — вторую волну. За дивизиями первой линии следовали дивизии второй ли-

ния. Таким образом, всё боевое построение представляло глубокую фалангу густых цепей. Этот боевой порядок и должен был пробить оборону.

Сильной стороной этого боевого порядка была его пробивная способность, но зато он имел очень уязвимые места, которые впоследствии и заставили от него отказаться. Слабой стороной были: во-первых, чрезвычайная уязвимость его от огня противника. Стоило только в системе обороны ожить нескольким огневым точкам, как эта наступающая машина несла тяжёлые потери; во-вторых, такой боевой порядок затруднял маневрирование. Он был способен лишь к прямолинейному пробиванию позиций противника, управлять им было трудно. Вот почему во второй половине войны от этого боевого порядка отказались.

Одним из важных мероприятий по подготовке прорыва было создание исходных плацдармов для удара.

Для того чтобы приблизить боевой порядок атаки к обороне противника, укрыть от огня, от контрподготовки, нужно было создать специальную сеть сооружений. Это и было сделано.

Плацдарм состоял из системы параллельных траншей, число которых соответствовало числу волн. Эти параллели были соединены большим числом ходов сообщения и имели значительное число убежищ. Первая линия была приближена к окопам противника на расстояние броска в атаку.

Такова общая картина подготовки операции, которая была проведена Брусиловым.

В период, предшествующий подготовке наступления, была тщательно разведана оборонительная система противника. Атакующие пехотные командиры и артиллеристы хорошо изучили её по схемам, планам и на местности. Взаимодействие пехоты и артиллерии было также тщательно отработано. Войска прошли тренировку по преодолению обороны противника на участках, специально подготовленных в тылу и представлявших копию тех оборонительных позиций противника, которые предстояло атаковать.

Серьезное внимание было уделено подготовке тылов и дорог.

Снаряды, выделенные по тому времени в значительном числе, своевременно подвозились на склады и на огневые позиции. Первый период боевых действий был обеспечен бесперебойным снабжением.

Всё это сыграло существенную роль в успехе прорыва.

Прорыв обороны австро-германских войск

4 июня с рассветом по всему фронту наступления началась артиллерийская подготовка. На различных участках она продолжалась от 6—8 до 48 часов. Эффект подготовки оказался значительным, большая часть окопов первой линии и часть окопов второй линии были разрушены, в проволоке пробиты проходы.

5 июня, в 9 часов, на участке 8-й армии после 29-часовой артиллерийской подготовки пехота бросилась на штурм австро-германских позиций. В течение короткого времени первая линия окопов была занята, и войска развивали наступление в глубину оборонительных позиций.

За 10 дней боевых действий — с 5 по 15 июня — 8-я армия прорвала оборонительную систему противника на фронте 80—90 километров, на глубину до 80 километров. Только в первые три дня боёв было захвачено 50 тысяч пленных, 66 орудий, 150 пулемётов, 71 миномёт и бомбомёт. 4-я австрийская армия была разгромлена. Русские войска овладели Луцком.

На участке 11-й армии главный удар 8-го армейского корпуса вдоль Тарнопольского шоссе не удался. Успех был одержан на участке вспомогательного удара. 4 июня 17-й армейский корпус прорвал неприятельские позиции у Сопанова. 6 июня к участку прорыва для его развития была переброшена 3-я Заамурская кавдивизия. В ожидании этой перегруппировки 17-й корпус задержался, это позволило противнику подвести дивизию резерва и закрыть прорыв. В ходе последующего наступления, используя помощь 32-го армейского корпуса, 17-й армейский корпус 10 июня сломил сопротивление противника на реке Икве и отбросил его за реку Пляшевку.

Таким образом, в течение первого этапа операции 11-я армия, потерпев неудачу на участке главного удара, добилась прорыва на правом своем фланге.

На участке 7-й армии после двухдневной артиллерийской подготовки 2-й армейский корпус прорвал две, а местами три линии окопов противника и 7 июня занял Язловец, имевший важное значение. Для развития прорыва в направлении на Бучач-Монастыржиск был брошен 2-й кавалерийский корпус. 2-й и 16-й армейские корпуса развивали наступление в северо-западном направлении — на Трибуховцы. Под ударами этих корпусов австрийцы в беспорядке отходили.

К середине июня части 7-й армии выдвинулись на реку Барышку, где и приостановили наступление. Оборонительная система противника была прорвана на участке в 35 километров и на глубину до 20 километров.

4 июня, в 12 часов, левофланговая 9-я армия после восьмичасовой артиллерийской и химической подготовки силами 11-го и 41-го армейских корпусов атаковала позиции противника и заняла передовую укреплённую полосу его на фронте от Миткеу до Доброноуц, при этом только части 11-го корпуса захватили 15 тысяч пленных. Австрийцам удалось подвести резервы и замедлить дальнейшее продвижение русских.

Командующий армией генерал Лечицкий к 10 июня перегруппировал свои силы и вновь перешёл в наступление, нася главный удар 11-м и 12-м армейскими корпусами в направлении ст. Юркоуц. Австрийцы были опрокинуты. Главные силы их беспорядочно отступали на Станиславов и Коломыю. Преследуя австрийцев, 9-я армия к 13 июня вышла на рубеж Невиска, Волчковце, р. Прут, продвинувшись до 50 километров в глубину, захватив при этом свыше 40 тысяч пленных.

Каковы итоги первого этапа?

Замысел генерала Брусилова удался. На фронте трёх армий оборонительная система противника была прорвана на участках намеченных ударов. Четвёртая армия прорвала оборонительные позиции противника на участке вспомогательного удара. Противнику было нанесено серьёзное поражение. Удар для неприятельского командования, по его собственному признанию, разразился, как гром среди ясного неба. Генерал Линзинген за несколько дней до своего поражения уверял Вильгельма, что он берёт на себя обязательство удержать вверенный ему фронт против любого наступления стоящего против его позиций противника и что если ему подвезут только одну или две германские дивизии, то можно вести успешное наступление на Ровно.

Фалькенгайн признал, что положение в Галиции грозит катастрофой: «Без сильной немецкой поддержки в близком будущем всему фронту в Галиции грозит полный разгром». Между союзниками начались трения. Конрад считал, что надо отказаться от наступления под Верденом, а Фалькенгайн требовал прекратить наступление в Италии.

Успешное наступление Брусилова потребовало у противника переброски резервов с итальянского и французского фронтов. Это сразу же начало облегчать положение итальянцев и французов.

Размах первого успеха Брусилова приобретал стратегическое значение, перерастал рамки фронта, но Ставка этого не признавала. Она придерживалась своего прежнего плана, хотя нанесение главного удара на Западном фронте откладывалось. 16 июня Ставка решила перенести главный удар армий Западного фронта с Вильненского и Барановичского направлений ближе к Юго-Западному фронту. В связи с этим Брусилову вновь было указано на необходимость сосредоточить свои усилия на Ковельском направлении. Брусилов добросовестно выполнял эту задачу, но его действия в значительной мере теряли свое значение вследствие того, что начало наступления на Западном фронте задерживалось.

Парирование контрудара австро-германцев

Командование противника стремилось прежде всего ликвидировать прорыв Брусилова на Луцком направлении. С этой целью оно предприняло контрудар. Свободных стратегических резервов, достаточной силы ни у немцев, ни у австрийцев не было. Они поспешили собирать с фронтов всё, что можно было собрать, для подкрепления разбивших войск. К месту прорыва им удалось перебросить 10-й армейский корпус с Западного фронта, 1-ю пехотную и 2-ю кавалерийскую дивизии с других участков. Кроме того, подводились ещё две пехотные дивизии.

16 июня австро-германцы начали контрудар. Группа Марвица (10-й германский армейский корпус) атаковала Луцк с северо-запада, левее его наносила удар группа Бернарди, а правее остатки 4-й австро-венгерской армии атаковали Луцк с запада. С юго-запада наносили удар части 1-й австро-венгерской армии в направлении на Блудов. Этими концентрическими ударами противник хотел ликвидировать прорыв 8-й армии.

Контрудар австро-германцев был встречен упорным сопротивлением русских войск, в результате чего противнику удалось подвинуться на восток не больше чем на 2—3 километра и лишь в отдельных местах. Таким образом, существенных результатов контрудар не дал. Для этого у противника не было достаточных сил. Взять их с ближайших участков он не мог, так как весь фронт был взломан. Не решив основной задачи — ликвидации прорыва, контрудар позволил противнику только несколько укрепить свой фронт и приостановить продвижение 8-й армии на Ковель.

На участках других армий фронта в этот период происходили следующие события.

11-я армия, отбив контратаки противника, отбросила его к 21 июня на линию Шклин, Голятин, Радзивилов, Янковце.

7-я армия вела бои местного значения. 9-я армия разбила 11-й австрийский корпус, заняла Черновицы и развивала успешное наступление на Кимполунг.

К 23 июня число пленных, захваченных войсками генерала Брусилова, превышало 191 тысячу человек, захвачено было 216 орудий и другие богатые трофеи.

Развитие наступления Юго-Западного фронта

В конце июня общая стратегическая обстановка для центральных держав значительно ухудшилась. Под Верденом бои приняли затяжной и явно безнадёжный характер. На русском Юго-Западном фронте для австро-германских войск создалось кризисное положение. Контрудары не дали должного эффекта. Нужны были крупные резервы. Для создания их пришлось отказаться от наступления в Трентино. Подготовка англо-французских войск к наступлению на Сомме заканчивалась, и 24 июня они начали мощную артиллерийскую подготовку.

У Брусилова положение с резервами было крайне напряжённым, но чтобы помочь удару Западного фронта, намечавшемуся на двадцатые числа июня, он решает продолжать наступательные действия. 25 июня Брусилов отдаёт директиву, организующую дальнейшее наступление фронта. По этой директиве 3-я армия, переданная из состава Западного фронта, должна была овладеть районом Городок, Маневичи, Галузия с перспективой последующих действий на Ковель с севера. 8-я армия должна была наносить главный удар попрежнему на Ковель, а вспомогательный — на Владимир Волынский. 11-я армия должна была развивать наступление на Броды, 7-я армия — на Брезжаны, Монастыржиск и 9-я армия — на Галич, Станиславов.

Таким образом, наступление в значительной части имело форму фронтальных ударов. Основная идея его сводилась к тому, чтобы, не ослабляя главных усилий на Ковель, ударами на широком фронте привлечь максимальные силы противника. Этот замысел вытекал из подчинённого положения задач Брусилова по отношению к Западному фронту. Ставка продолжала упорствовать в своей ошибке, недооценивая значение успехов Брусилова.

4 июля наступательные действия Юго-Западного фронта возобновились. На участке 3-й и 8-й армий, сломив сопротивление немцев, наступающие части к 8 июля вышли на Стоход от Любешева до железной дороги Ковель — Луцк. Правый фланг 3-й армии успеха не имел, с хода форсировать Стоход не удалось, и 11 июля Брусилов приостановил наступление для подготовки форсирования.

На участке 11-й и 7-й армий велись бои местного значения.

Наступление 9-й армии развертывалось с большим успехом. К 14 июля австрийцы были отброшены на линию Долина, Делатын, Тартаров, Селетин. Конница Лечицкого успешно дрались у Кимполунга. Таким образом, отчётливо выявились новые успехи на флангах, а особенно на левом. Если к этому добавить, что на Западе началось наступление англо-французов на Сомме, то вполне понятно, какую тревогу должны были вызвать у германского командования успехи Брусилова. Людендорф писал, что «это был один из самых сильных кризисов на востоке».

После долгих оттяжек 3 июля началось наступление нашего Западного фронта. Но противник здесь был уже готов к отражению удара, и, потеряв 80 тысяч человек, Эверт не добился сколько-нибудь существенных успехов. Атаки были прекращены.

Стратегический замысел Ставки провалился. Ставка вынуждена была внести изменение в свой план, признать фронт Брусилова главным.

В середине июля в распоряжение Брусилова была направлена гвардия — два сибирских корпуса и тяжёлая артиллерия. Однако время было уже потеряно. Австро-германцы, имевшие в своем распоряжении более развитую сеть железных дорог, перебрасывали свои резервы быстрее. Войска, направленные Ставкой для усиления Юго-Западного фронта, не прибыли к сроку. Брусилову пришлось откладывать начало операций, намеченных им для развития успеха наступления.

3-я армия должна была наступать на Ковель с востока и севера. Новой Особой армии генерала Безобразова в составе двух армейских корпусов и одного кавалерийского корпуса ставилась задача наступать на Ковель с юга. 8-я армия должна была овладеть Владимиром Волынским. 11-й армии предстояло наступать на Броды, Львов, а 7-й и 8-й армиям — на Галич. Станиславов.

Таким образом, внимание Брусилова попрежнему приковывается к Ковельскому направлению, что в значительной мере зависело от создавшейся уже группировки войск.

Пока происходило сосредоточение новых сил, армии Брусилова одержали ряд успехов: 11-я армия 27 июля сорвала готовящийся новый контрудар Марвица и подошла к Бродам; 9-я армия, разбив последовательно два австро-германских корпуса, не допустила развёртывания новой австро-венгерской армии на Днестре.

28 июля началось общее наступление Юго-Западного фронта. 8-я армия заняла Киселин и захватила 15 тысяч пленных и орудия. Правофланговые армии имели ограниченные успехи, отбросив немцев на Стоход. На четвёртый день наступление здесь фактически приостановилось — силы противника непрерывно увеличивались, а русские войска были утомлены.

11-я армия захватила Броды, продвинулась еще на 15—20 километров. 7-я армия успеха не имела, а 9-я армия, развивая наступление, захватила свыше 10 тысяч пленных.

В общем результаты июльского наступления имели ограниченный характер. В дальнейшем до сентября на Стоходе велись безуспешные бои. На других участках фронта армии, развивая успех, вышли на линию Галич, Станиславов, Делатын. Буковина была занята русскими войсками. В сентябре наступательные действия были прекращены, и на этом операция Брусиловского прорыва закончилась.

Итоги и уроки операции

В результате Брусиловского наступления были разгромлены две армии противника, остальным было нанесено крупное поражение. Войсками Брусилова было захвачено свыше 408 тысяч пленных, 581 орудие, 1 795 пулемётов и огромное количество других трофеев. Значительная часть восточной Галиции и Буковины была занята русскими войсками.

Успех Брусилова превзошёл успех англо-французских войск на Сомме, где последними было взято 105 тысяч пленных, 350 орудий, 1 500 пулемётов. Показательно соотношение потерь в этих операциях: на Сомме союзники потеряли 794 тысячи человек, а немцы 538 тысяч, Брусилов потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 498 тысяч человек, а противостоявшие ему австро-германские войска — до 1,5 миллиона человек.

Во время Брусиловского прорыва русские солдаты и офи-

деры показали образцы геройской храбрости, мужества и отваги.

История сохранила имена солдат Ожигбесова, Глубинова, унтер-офицера Карпана и многих других, совершивших в эти дни подвиги, которые смело можно поставить рядом с подвигами суворовских чудо-богатырей.

Брусиловский прорыв положил начало перелома в ходе первой мировой войны. Вместе с наступлением англо-французских войск на Сомме он вырвал инициативу из рук немцев. Немецкое командование было вынуждено с осени 1916 года перейти к стратегической обороне на сухопутных фронтах. Брусиловский удар спас от разгрома итальянцев и облегчил положение французов у Вердена. На востоке был разгромлен весь фронт австро-германцев от Полесья до румынской границы, и австро-германская армия была лишена возможности вести серьезные операции.

Таким образом, была создана крупная стратегическая предпосылка для решающего поражения австро-германской коалиции. Однако успехи Брусилова не были использованы в плане общесоюзной стратегии.

Союзники затянули начало наступления. Немецкий историк Мозер пишет: «Если бы в этот критический момент, в начале июня, англо-французские войска перешли в решительное наступление, то, даже не добившись сразу прорыва, они так сковали бы немецкий западный фронт, что немецкое верховное командование не было бы в состоянии удовлетворить настойчивую просьбу о помощи Австро-Венгрии». Другой немецкий исследователь первой мировой войны, Риттер пишет: «Германия истекала кровью. Наступил кризис, ставший вопросом жизни». Генерал Людендорф очень четко характеризовал положение, сказав, что «за отливом всех сколько-нибудь излишних отрядов или отрядиков в австро-германскую армию, для немецкого фронта на протяжении почти тысячи километров в резерве оставалась одна единственная кавалерийская бригада». Фалькенгайн в своих воспоминаниях отмечает, что «опаснейший момент русского наступления в Галиции был пережит, когда раздался первый выстрел на Сомме».

Недостаток согласованности в активных действиях антанской коалиции был существенным недочётом союзной стратегии, способствовавшей затяжке войны и облегчавшей положение Германии.

Блестящий успех Брусилова не был использован и русской Ставкой в стратегическом масштабе. Преступный сабо-

также Эверта и безвлия царской Ставки, не сумевшей заставить Эверта наступать, оставившей Брусилова одного, не решившейся отдать ему стратегические резервы, помогли немцам оправиться и в конце концов приостановить наступление русского Юго-Западного фронта.

В оперативном отношении успех Брусилова принёс новую форму прорыва фронта путём дробящих фронт ударов. Впоследствии эта форма приобретает все более и более широкое применение, а в наше время, в связи с развитием новых средств борьбы, особенно подвижных соединений, авиации, приобрела исключительно большое значение.

В области тактики из опыта Брусиловского прорыва сохранят значение тщательная подготовка операции, скрытность её, подготовка войск, тренировка их к выполнению задач прорыва, подготовка плацдарма, чёткое управление и взаимодействие в ходе наступления.

Поучительным является и новаторство Брусилова как полководца, поиски им нового на основе изучения опыта и применения этого нового в ходе борьбы.

В заключение необходимо отметить место брусиловского полководческого мастерства в цепи развития русского военного искусства.

На протяжении последних двух веков можно отметить ряд блестящих периодов, когда русское военное искусство занимало самое высокое место в мире. Такой взлёт русского военного искусства был в начале XVIII века. Он связан с полководческим и организаторским мастерством Петра I. Созданная им регулярная русская армия под его командованием разбила лучшую по тому времени армию Европы во главе с таким выдающимся полководцем, как Карл XII. Передовые позиции в мировом военном искусстве русская армия удерживала на протяжении долгого времени. Особенно ярко расцвело военное искусство в России при величайшем из полководцев — Суворове. Войска Суворова не знали поражений.

Начало XIX века ознаменовано блестящими успехами такого великого мастера русского военного искусства, каким был Кутузов, победитель Наполеона.

Царизм последних Романовых не мог создать благоприятствующей для развития военного искусства почвы, тем не менее великие воинские традиции русского народа были сохранены и пронесены до наших дней русским солдатом, лучшими представителями русского офицерства и русского генералитета.

В мрачную эпоху царизма последних Романовых яркими звёздами блещут такие имена выдающихся русских военных деятелей и полководцев, как Милютин, Драгомиров, Скобелев, Радецкий, Кондратенко. К этой блестящей плеяде мы относим и Брусилова. Он был замечательным русским патриотом, горячо любившим свою родину. «Это были лучшие дни моей жизни, ибо я жил одной общей радостью со всей Россией», — писал он впоследствии о днях прорыва в своих воспоминаниях.

После Октябрьской революции Брусилов не пошёл на службу к интервентам. «От русского народа, — говорил Брусилов, — я не отделюсь и останусь с ним, что бы ни случилось».

Он пришел в ряды Красной Армии и отдал все свои знания и опыт выдающегося полководца на службу Советской Родине. Брусилов был последним из полководцев старой русской военной школы, донесшим ее лучшие традиции до наших дней, когда начался новый небывалый взлёт русского военного искусства, неразрывно связанный с именем великого полководца Маршала Советского Союза товарища Сталина, организатора непревзойдённых побед над полчищами немецкого фашизма.

БОРЬБА СОВЕТСКИХ НАРОДОВ С НЕМЕЦКИМИ ОККУПАНТАМИ в 1918 году

I

В октябре 1917 года, когда власть в России перешла в руки Советов, мировая война, начатая в 1914 году, еще продолжалась. На второй день после победы социалистической революции, 26 октября (8 ноября) 1917 года, советское правительство предложило всем воюющим народам и их правительствам прекратить войну и начать переговоры о мире.

3 декабря советская делегация, перейдя линию фронта, начала в Брест-Литовске предварительные переговоры о заключении перемирия. После долгих споров, в течение которых немецкий генерал Гофман не раз грозил бронированным кулаком, в середине декабря было заключено предварительное перемирие.

Подписывая соглашение, немцы торжественно обязались в случае разрыва перемирия обязательно предупредить об этом советское правительство за 7 дней. Это условие было опубликовано во всей советской и германской печати.

22 декабря, через неделю после подписания соглашения о перемирии, между советской делегацией и представителями Германии и ее союзников — Австро-Венгрии, Болгарии, Турции — начались переговоры о заключении мирного договора.

Советская делегация огласила декрет о мире, настаивая на заключении демократического мира без аннексий, т. е. без захвата чужой территории, и без контрибуций, т. е. без принудительного взимания материального или финансового возмещения за войну. Глава немецкой делегации, выслушав декрет, неожиданно сделал официальное заявление:

«...Делегации четверного союза согласны немедленно заключить мир без насильственных присоединений и без контрибуций. Они присоединяются к русской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей».

Радио разнесло по всему миру слова немецкой декларации о присоединении к советскому предложению. В германском рейхстаге ораторы буквально надрывались от истощенного крика о миролюбии Германии. А вечером того дня, когда прожженные немецкие дипломаты присоединились

к советскому декрету о мире, на совместной встрече мирных делегаций представитель Германии генерал Гофман цинично заявил, что ни одного миллиметра российской территории немцы не очистят.

Немцы требовали оставить за ними Польшу, Литву, часть Белоруссии, захваченные во время войны.

Условия мира были крайне тяжелые. Но молодая Советская власть не имела еще армии. Советская республика не могла устоять против армии немецких империалистов. Ленин предложил подписать мир с Германией. Заключение мира дало бы Советской власти передышку, позволило бы начать хозяйственное строительство, накопить силы, создать Красную Армию.

Дело мира срывали предатели Троцкий и Бухарин. Они требовали продолжения войны. Свою подлую работу троцкисто-бухаринцы прикрывали болтовней о том, что война вызовет революцию в Германии. На самом деле они провоцировали молодую, еще не окрепшую Советскую власть на войну с более сильным врагом. Тем самым они tolkali Советскую страну на поражение.

Провокаторы войны действовали как агенты мировой и русской контрреволюции. Они были буквально находкой для германских империалистов.

Но немцы использовали помощь не только троцкистско-бухаринских бандитов. Они связались с контрреволюционными украинскими националистами. На Украине к этому времени победила Советская власть. По всей Украине развелся красный флаг Советов. Войска контрреволюционной украинской Центральной Рады были разгромлены. В руках Рады оставался только небольшой клочок земли вокруг Житомира. Но Рада обещала немцам хлеб, сахар, мясо. Предатели украинского народа отдавали страну в кабалу завоевателям в обмен на помощь против большевиков.

Во время переговоров с Германией в Брест-Литовск прибыли делегаты украинской Центральной Рады. Германские империалисты сговорились с Центральной Радой за спиной советских делегатов.

Опираясь на помощь украинских предателей, немцы 9 февраля 1918 г. потребовали принять их условия мира. В случае отказа империалисты угрожали начать войну. Презренный изменник Троцкий нарушил прямую директиву Ленина и Сталина. 10 февраля вместо подписания мира он заявил немцам: ни войны, ни мира, а армию демобилизуем.

Немцы сделали из этого заявления единственный вывод: 16 февраля они заявили, что 18 февраля начинают наступление против Советской страны. Наглые налетчики и на этот раз воспользовались своим привычным приёмом — вероломством. Они нарушили свое торжественное обязательство предупредить о разрыве перемирия за 7 дней.

18 февраля в 12 часов дня весь фронт покрылся дымкой от артиллерийской канонады. Почти 30 немецких дивизий от Балтийского и до Черного моря двинулись на Советскую страну. Германские дивизии шли через Латвию и Эстонию на Ревель, а оттуда к Нарве, угрожая Петрограду с северо-запада. Другие немецкие дивизии, заняв Двинск, пробивались к Пскову, чтобы подойти к Петрограду с юго-запада.

Занимая Украину, германские завоеватели продвигались на Киев, а австро-венгерские войска — на Одессу.

Вместе с немцами двинулись на Страну Советов румынские бояре. Они разорвали все свои договоры, прекратили войну на стороне Англии и Франции, перебежали на сторону германских империалистов и с их помощью захватили Советскую Бессарабию.

Части старой русской армии, еще не демобилизованной, не выдержали удара немецких войск и откатывались в глубь страны. Германские полчища захватывали большое количество военного имущества. Немцы за неделю этого наступления захватили больше земель, чем за все три года войны. Немецкие грабители заняли территорию, равную Германии, Франции и Италии, вместе взятым.

Полки завоевателей спешили к Петрограду. Чтобы облегчить захват города революции, немецкие шпионы в Петрограде готовили восстание.

21 февраля 1918 года Ленин и Сталин от имени Совета Народных Комиссаров объявили социалистическое отечество в опасности. Ленин и Сталин писали, что германский империализм хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, восстановить царскую монархию.

Совнарком требовал все силы и средства страны целиком отдать на дело революционной обороны; защищать каждую позицию до последней капли крови; расстреливать на месте преступления неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов, германских шпионов.

В Петрограде загудели тревожные гудки фабрик и заводов. Пролетариат Петрограда поднялся против иноземных завоевателей.

В ночь с 23 на 24 февраля к вокзалам стали стекаться отряды бойцов. Они спешно грузились, отправляясь на Псков. На линию боя ушли первые, только что сформированные отряды Красной Армии. Моряки Балтийского флота, оставив броненосцы, отправились на фронт.

Рядом с комнатой Ленина круглые сутки работал штаб. Stalin рассыпал по прифронтовым городам приказы взрывать мосты, увозить ценности, паровозы, машины. Не оставлять врагу ничего, — требовал Stalin. В Петрограде Lenin и Stalin быстро ликвидировали подготовлявшееся антисоветское восстание.

Вся страна отзывалась на призыв вождей. В Москве был создан Чрезвычайный штаб, который обратился с воззванием ко всем трудящимся:

«К оружию! Враг у ворот! Нельзя медлить ни дня, ни часу! Передовые отряды германских захватчиков заняли Псков. Угрожают Петрограду. Петроград мобилизован... Все к оружию! Все под знамена социалистической армии!»

Из Москвы выехали на фронт отряды красноармейцев. Рабочие Тулы, Иванова, Ярославля, Твери взялись за оружие.

Под Псковом, всего в 8 часах езды от Петрограда, под Нарвой, красные отряды атаковали зарвавшихся завоевателей. Красноармейцы показали чудеса героизма. Даже враги вынуждены были признать самоотверженность и стойкость красных бойцов. Французский офицер, наблюдая атаку красноармейцев, сообщал своему послу, что они дрались, как лучшие полки старой армии. Офицер не знал, что многие из этих бойцов впервые взяли в руки оружие.

Немцы не выдержали атаки и откатились к Пскову. Продвижение немцев к Петрограду было приостановлено. День отпора германским завоевателям — 23 февраля — стал днем рождения и ежегодным праздником Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Героический отпор, данный немцам на фронте, и провал контрреволюционного восстания в тылу показали захватчикам, что Советскую страну налетом не взять. Германские оккупанты прекратили наступление на Петроград и согласились подписать мир.

3 марта 1918 года в Брест-Литовске советская делегация подписала мир. Условия его были еще тяжелее, чем

первые германские предложения, но они давали передышку советскому народу, позволяли ему заняться восстановлением разрушенного в годы войны хозяйства, укрепить рабоче-крестьянскую власть, создать Красную Армию.

II

Подписав мирный договор, германские империалисты отнюдь не прекратили войны. Они спешили окружить Советскую страну кольцом фронтов. Для этой цели они обратили свое внимание на Финляндию.

Из Финляндии можно было держать под угрозой Петроград; к тому же в портах Финляндии стоял почти весь Балтийский флот, который немецкие империалисты хотели захватить. Занятие Финляндии сулило особо заманчивые перспективы.

Немцам не составило труда подчинить своему влиянию финляндское буржуазное правительство Свинхувуда¹, охотно пошедшее на сговор с германским империализмом против Страны Советов.

Подстрекаемая своими новыми хозяевами, Финляндия, получившая независимость только благодаря переходу власти в России к Советам, немедленно приступила к борьбе против той же Советской России. В Финляндии стала формироваться армия из шюцкоровцев, белогвардейцев. Шюцкор был создан еще весной 1917 года из кулацких детей, из сыновей крупной и мелкой буржуазии, из студентов. Во главе шюцкоровского корпуса был поставлен генерал Маннергейм, шведский помещик, флигель-адъютант последнего русского царя Николая II.

Но финский пролетариат сорвал приготовления белогвардейщины. В конце января он взял в свои руки власть. Правительство Свинхувуда бежало на север, в город Базу. 1 марта советское правительство подписало с правительством рабочей республики Финляндии договор «для укрепления дружбы и братства». Финляндии было передано все недвижимое имущество, расположенное в пределах бывшего княжества Финляндского. Кроме того, советское правительство предоставило Финляндии выход в океан, уступив ей Печенгский край (Петсамо).

Разбитые белогвардейцы обратились за помощью к Германии. Немцы прислали немедленно егерский батальон,

¹ В русском переводе «Свиноголовый»

сформированный в Германии в годы войны из отребьев финской буржуазии, а вместе с тем и свои собственные войска. 15 марта немцы заняли Аландские острова и быстро двинулись на город Або. 3 апреля в Ганге, в тылу красных войск, высадилась германская 12-я ландверная дивизия под командованием генерала фон-дер-Гольца. Несколько дней спустя в городе Ловиза высадился новый немецкий отряд генерала Бранденштейна, с заданием перерезать железную дорогу Гельсингфорс — Выборг.

Финские красные части были зажаты в кольцо: белогвардейцы наступали с севера, немцы двигались в тыл красных финских войск. Народная армия сражалась самоотверженно. Женщины и дети помогали своим отцам, мужьям и братьям. Но немецкие войска и белогвардейцы подавили красных своей численностью и превосходством техники.

Подавив железом и кровью финский народ, немцы превратили Финляндию в плацдарм для наступления на Советскую Россию. Германский флот появился в устье Финского залива: империалисты спешили захватить Балтийский флот.

Красный флот стоял в Гельсингфорсе. Командиры кораблей считали его потерянным: море покрыто льдом, пробыться в Кронштадт невозможно; с тыла подходят германские войска. Но отважные моряки решили спасти флот. По указанию Ленина и Сталина, Балтийский флот двинулся в героический поход. В течение пяти суток пробивались моряки. Никто не знал сна. Старые командиры поражались неутомимости и настойчивости красных моряков. Они не понимали того, что сыны народа борются за народную, государственную собственность, за средства обороны своей страны.

17 марта первый отряд судов прибыл, наконец, в Кронштадт. За ним потянулись остальные корабли. Труднее всех было подводным лодкам. Медленно пробирались они между льдин. Герои-подводники бесменно дежурили, зорко наблюдая передвижку льда. Как только льды вплотную подходили к борту, тревожный сигнал созывал всех моряков лодки.

Германским империалистам не удалось захватить советские корабли. Герои-моряки спасли Балтийский флот. В течение месяца более 200 кораблей было возвращено Советскому государству. Большая часть моряков потом ушла в Красную Армию.

По Брест-Литовскому мирному договору Германия обязалась прекратить войну с Советской Россией. Но немецкие войска продолжали наступать на Украину и Белоруссию. Германия заявила, что не признает Советской власти в этих районах, и двинула туда огромную армию.

Украина нужна была завоевателям как страна, богатая продовольствием. Через Украину немцы думали добраться до угля в Донбассе, пробраться на Дон и Кубань, в Закавказье — к нефтяным источникам Баку. Через Украину и Закавказье оккупанты мечтали пробиться к Индии, чтобы оттуда угрожать Англии. Но прежде всего и раньше всего захват Украины нужен был германскому империализму для борьбы с Советской властью, для расчленения Советской страны. «Разделяй и властвуй!» — этот захватнический девиз древней Римской империи стал девизом германского хищника.

Более 300 тысяч немецких солдат обрушилось на Белоруссию и Украину. Одновременно с австро-венгерскими войсками с румынского фронта шла белогвардейская бригада полковника Дроздовского, сколоченная из офицеров старой армии. Дроздовцы пробивались на Дон.

В обозах германских войск следовали марионеточные «правительства», созданные оккупантами для различных областей. Возвращалась проклятая народом за измену и продажу Украины Центральная Рада. Тащились белогвардейские «правительства» для Дона, Кубани, Терека, Северного Кавказа. Все они надеялись с помощью немецких штыков снова сесть на шею трудовому народу.

1 марта 1918 года германцы взяли Киев, а 14 марта австрийцы вступили в Одессу.

Против иноземных завоевателей украинский народ поднял отечественную войну. 7 марта центральные исполнительные комитеты Украины, Донецко-Криворожской советской республики (она образовалась в Донбассе), Донской и Крымской советских республик постановили объединить свои силы для совместной борьбы против германского империализма.

Отряды Красной гвардии, выступившие против оккупантов, состояли из петроградских и московских красногвардейцев, рабочих Киева, Харькова и других городов Украины, Донбасса. В процессе боев многочисленные отряды сформировались постепенно в пять украинских армий. Они дрались за каждый кусок родной земли. Под натиском противника, вооруженного передовой техникой, в десять, а то и больше

раз превосходившего их числом, украинские армии уступали города, но потом снова бросались в атаку и отбивали их.

Шахтеры Донбасса послали на фронт рабочих под руководством Клиmenta Ефремовича Ворошилова.

Когда немцы стали занимать Украину, товарищ Ворошилов обратился с призывом к рабочим выступить против завоевателей. Был сформирован 1-й Луганский социалистический отряд. Более 600 бойцов стали под его знамена. У станции Дубовязовка отряд под командованием Ворошилова встретился с немцами.

Плохо обученные военному делу рабочие оказали геройское сопротивление врагу, но не могли устоять перед регулярными немецкими войсками. Под натиском врага пришлось отступить.

В Луганском отряде товарищ Ворошилов установил железную дисциплину. Вокруг стойкого и сознательного рабочего отряда стали группироваться другие части. 15 апреля правительство Донецкой советской республики назначило K. E. Ворошилова командующим 5-й армией. Отражая натиск врага и не раз переходя в сокрушительные атаки, армия уходила с Украины. Ворошилову удалось спасти и увезти с собой огромные ценности, машины, оборудование.

Немцы рвались в обход, чтобы отрезать колонну Ворошилова от Советской России. Ленин и Stalin внимательно следили за ходом героической борьбы. Они разгадали план немцев. 22 апреля ночью Ленин срочно приказал от имени Совнаркома:

«...предложить Военному комиссариату принять незамедлительно все зависящие от него меры для обороны восточной границы Харьковской губернии, особенно же станции Чертово, занять которую стремятся немцы и гайдамаки для перерыва железнодорожного сообщения с Ростовом.

О деталях переговорить со Сталиным»¹.

Однако предатель Троцкий не принял своевременных мер: когда колонна товарища Ворошилова подошла к станции Миллерово, путь на север к Воронежу был уже перерезан немцами. Ворошилов решил пробиваться через станцию Лихую к Царицыну на соединение с Красной Армией. К 1 мая 5-я армия сконцентрировалась у Лихой. Немцы стали окружать станцию. Под огнем германской артиллерии товарищ Ворошилов провел свою армию и все эшелоны через Лихую.

¹ Документы по истории гражданской войны в СССР, том I, стр. 127.

Начался героический ворошиловский поход. Шесть недель день и ночь пробивалась ворошиловская колонна, отражая нападения немцев и налеты белоказаков, поподнявшись по дороге за счет местной крестьянской и казачьей бедноты.

Колонна с боями подошла к Дону. Белые взорвали железнодорожный мост через Дон. Положив рядом с собой винтовки, бойцы принялись за починку моста.

Работа кипела. Часто наскакивали белые. Приходилось, отставив топоры и пилы, браться за винтовки и отгонять белых. Мост починили под непрерывным огнем противника. К началу июля ворошиловская колонна смогла уже беспрепятственно добраться до Царицына, оборону которого организовал товарищ Сталин.

IV

Заняв Украину, германские войска начали наступление против Крымской советской республики. Крым нужен был германским оккупантам, чтобы укрепиться на Черном море. Из Крыма можно было посыпать войска морем в Закавказье. Кроме того, немцы намеревались захватить советский Черноморский флот.

18 апреля немцы взяли Перекоп. Красные части Крыма героически боролись против интервентов, но в тылу Красной Армии началось контрреволюционное восстание. Белогвардейцы захватили в плен и расстреляли членов крымского советского правительства. 22 апреля немцы взяли Симферополь и двинулись к Севастополю, где стоял Черноморский флот.

Черноморцы, подобно балтийцам, решили спасти флот. 28—30 апреля, под градом немецких снарядов и пуль, они увели флот в Новороссийск.

После оккупации Крыма немцы перебросили часть войск через Керченский пролив на Таманский полуостров. Трудящиеся полуострова, не желая подпасть под иноземное иго, с боем отошли к городу Темрюку, где создали фронт против немцев.

Заняв Донбасс, немцы двинулись дальше, на Дон. 1 мая 1918 года ими был захвачен Таганрог. Этот город находился на территории Российской Советской республики, с которой немцы заключили мир. Но с договорами германские интервенты и в 1918 году не считались так же, как их теперешние фашистские преемники.

Красная Армия и рабочие Таганрога оказали геронческое сопротивление оккупантам у станции Морской. Но превосходство оружия и подавляющая численность дали победу немцам. Они окружили красные части и взяли в плен около 2 тысяч бойцов. Все пленные были расстреляны.

От Таганрога немецкие войска и белогвардейские отряды двинулись к Ростову. Красные части отошли к Батайску. Здесь ценой неимоверных усилий под руководством Серго Орджоникидзе удалось создать фронт и задержать немцев. Укрепив батайский фронт, Орджоникидзе направился в Царицын.

На Дону немцы передали власть в руки царского генерала Краснова. На Украине оккупанты посадили царского генерала Скоропадского в качестве гетмана.

Оккупировав Украину и Крым, немцы попробовали захватить суда Черноморского флота. Немецкие подводные лодки появились у входа в Новороссийскую бухту. Немецкие гидропланы летали над кораблями Черноморского флота. Германским крейсерам «Гебен» и «Гамидие» был отдан приказ выйти в море и обстрелять советский Черноморский флот. Красный флот подвергался опасности быть отрезанным и стать перед необходимостью сдаться немцам. Тогда Ленин и Сталин приказали потопить флот: пусть лучше уйдет на дно морское, чем попадет в руки врагов.

Тяжело было морякам собственными руками уничтожать родные корабли. Но большинство моряков выполнило приказ Ленина и Сталина.

Флот погиб, но не сдался врагу. Черноморцы ушли на фронт биться с врагами революции.

Заняв Крым, германцы получили в свои руки плацдарм для вторжения в Закавказье.

К этому времени Советская власть в Закавказье победила только в Баку. В остальном Азербайджане, в Грузии и Армении власть осталась в руках буржуазных националистов. В Грузии хозяйничали национал-меньшевики. Они быстро договорились с немцами, и Германия потребовала объявить «независимость» Грузии — так легче было эту небольшую страну, подобно Финляндии, прибрать к рукам. Немцы стали перебрасывать свои части в Закавказье.

Германские войска вошли в Тифлис и сразу были брошены на подавление революционного восстания рабочих и крестьян. Оккупанты совместно с меньшевистскими войсками залили страну кровью повстанцев.

Железные дороги перешли под контроль завоевателей. Грузия стала фактически колонией Германии. Заняв Грузию, завоеватели стали подготовлять наступление против Бакинской коммуны.

V

Германские хищники окружили Советскую Россию сплошной линией оккупации от берегов Ледовитого океана и до устья Дона.

Обожравшийся империалистический зверь начал переваривать спешно проглоченную гигантскую добычу. На оккупированной территории немцы установили иго тяжелее монгольского, ибо средневековые завоеватели не знали такой планомерной системы грабежа, такого холодного, расчетливого истребления народов. Германские хищники высасывали мозг и кровь порабощенных народов.

На нашей земле они ввели свои, немецкие, законы. На Украине и в Белоруссии, в Прибалтике и в Крыму немцы вешали рабочих и крестьян, жгли деревни. В каждом городе, во всех селах они оставляли свои гарнизоны. Крестьян заставили кормить эту громадную армию. Забирали у них хлеб, картофель, скот, и все это тысячами вагонов отсыпалось в Германию. Кто сопротивлялся, тех пороли, расстреливали. Кто не имел хлеба, тот должен был купить и сдать его немцам. Кто пытался возражать, тех штрафовали. Облает собака немца — хозяин плати штраф. Не снимет крестьянин шапки перед офицером или помёщиком — плати штраф.

Таковы были «порядок» и «культура», установленные варварами на захваченных территориях.

Повсюду, куда приходили германские оккупанты, они восстанавливали власть помещиков, возвращая им земли.

В Эстонию и Латвию вернулись немецкие бароны.

В Литве была установлена немцами власть помещичье-буржуазной Тарибы. Вся Прибалтика превратилась в колониальную страну, в которой германские империалисты зверствовали так же, как и немецкие псы-рыцари в XIII веке.

В Белоруссию, на Украину, в Закавказье — всюду вернулись помещики и немедленно установили кровавый террор над крестьянами.

На Дону в станицы вернулись старые казачьи атаманы. Они жестоко расправлялись с рабочими, крестьянами и казачьей беднотой. Вот объявление командующего Донской армией генерала Денисова:

«Приказываю самым беспощадным образом усмирить рабочих, расстреляв, а еще лучше повесив каждого десятого человека из всех пойманных».

Немецкие интервенты бродили по колено в крови, через горы трупов. Стон стоял над разрушенными деревнями. Дым пожарищ, в огне которых гибли mestечки и села, сопровождал захватчиков.

VI

Рабочие и крестьяне во всех оккупированных районах подняли под руководством большевиков освободительную войну против германских поработителей. Большевистские организации, находясь в захваченных оккупантами районах в подполье, возглавили эту народную войну.

«Против иноземного ига, идущего с Запада, — так писал товарищ Сталин в марте 1918 года, — Советская Украина подымает освободительную отечественную войну, — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине.

Это значит — каждый пуд хлеба и каждый кусок металла придется брать германцам с бою, в результате отчаянной схватки с украинским народом»¹.

Большевики создали из рабочих и крестьян партизанские отряды. Партизаны неожиданно налетали на гарнизоны оккупантов и захватывали оружие. Против партизан немцы посыпали карательные отряды с пушками и пулеметами. Но партизаны были неуловимы. Их выбивали из одного района — они появлялись в другом. Им помогали все трудящиеся. Большевистская партия посыпала партизанам, борющимся на занятых немцами территориях, своих лучших сынов.

Одним из славных героев отечественной войны против немецкого ига на Украине был Николай Щорс. Партизаны Щорса уничтожали мелкие отряды немцев, грабившие крестьян, всячески задерживали передвижение немецких войск. Против Щорса немцы двинули большие части и все же не разбили его. Щорс увел своих героев к границам Советской России. Тут им был создан полк имени казака Богуна, соратника Богдана Хмельницкого, борца за освобождение Украины в XVII веке. Богунский полк под командованием Щорса покрыл себя неувядаемой славой.

Во всех оккупированных районах поднялся народ против германских варваров.

¹ И. Сталин, Статьи и речи об Украине, стр. 40.

Трудящиеся Латвии вспомнили боевые традиции «лесных братьев», — так назывались народные герои Латвии, боровшиеся против царизма в годы первой русской революции. Народы Литвы и Белоруссии восставали против германского нашествия, как встарь, в освободительную отечественную войну 1812 года, они восставали против Наполеона. Горцы Кавказа покидали аулы, уходили в горы и оттуда налетали на немецкие и меньшевистские войска. Всюду день и ночь шла борьба против завоевателей.

Создавались боевые группы, разрушавшие тылы германских оккупантов. Партизаны взрывали полотно железных дорог, уничтожали мосты, мешали планомерной работе транспорта. Повстанцы поджигали склады, организовывали взрывы военных припасов. По ночам небо озарялось кровавым заревом: то горели сено, хлеб, награбленные немцами у населения. Смельчаки-партизаны проникали в города, где стояли немецкие гарнизоны, и забрасывали казармы гранатами.

Немецкие войска не имели покоя ни днем, ни ночью. Постоянные налеты партизан держали иностранные войска в непрерывном напряжении, в тревоге. Народ окружил завоевателей ненавистью. Немецкие солдаты и особенно офицеры не осмеливались в одиночку выходить за окопицу села. Они передвигались крупными отрядами, в сопровождении пулеметов и артиллерии. Революционный народ старался вырвать немецких солдат из-под влияния офицеров. Германское командование отдавало приказ за приказом, запрещающие населению под страхом каторги и расстрела общаться с солдатами, ис большевики продолжали вести в среде немецких солдат революционную агитацию.

В июне 1918 года на Украине началось восстание против немцев в Звенигородском уезде Киевской губернии. Гетман Скоропадский, немецкий агент и предатель украинского народа, выслал против восставших офицерский карательный отряд. 3 июня крестьяне окружили отряд и перебили офицеров. В Звенигородский уезд немедленно прибыли немцы. Повстанцы вступили с ними в бой. В немецкий батальон сумели проникнуть большевистские агитаторы. Под их влиянием немецкие солдаты 9 июня собрали митинг и отказались от борьбы с повстанцами. 400 немецких солдат отдали им свои винтовки. Офицеры подчинились этому решению, умоляя сохранить им жизнь. Взбешенное неудачей, германское командование прислало новые части, которые на короткий период подавили восстание.

Одновременно вспыхнуло восстание и в Таращанском уезде Киевской губернии. Восстание охватило и другие уезды — Сквирский, Уманский. В течение двух месяцев повстанцы выдерживали атаки немцев. Крестьяне уничтожили полицию, прогнали помещиков, разбили несколько немецких отрядов. Часть повстанцев пробилась к советской границе, где был создан знаменитый Таращанский полк. Командовал полком киевский рабочий — столяр Василий Боженко. Таращанский полк вошел в состав дивизии, во главе которой был поставлен Николай Щорс.

Народное движение охватило всю Украину. В городах то и дело вспыхивали забастовки. В июле по железным дорогам Украины распространилась всеобщая стачка. Весь транспорт фактически прекратил работу. Стачка железнодорожников была подавлена вооруженной силой оккупантов.

В деревне каждый пуд хлеба немцам приходилось брать с боем. Контрреволюционная Центральная Рада обязалась дать завоевателям до 31 июля 1 миллион тонн хлеба, а немцы с трудом добывали едва 160 тысяч тонн. Правда, немецкая армия съела много хлеба: много хлеба было отправлено в Германию в виде почтовых посылок. Но немцы сами признали, что им удалось в результате тяжелых жертв получить всего лишь... по полкило хлеба на душу населения в Германии.

Немцы хвастали, что поход в Советскую страну — на Украину, в Белоруссию, в Прибалтику — будет легкой прогулкой. На самом деле «увеселительная прогулка» превратилась в похоронное шествие для немцев. Завоеватели шли, чтобы уничтожить Советскую власть, а в результате их собственные оккупационные войска разлагались.

Вот что писал германский генеральный консул из Одессы в Берлин, сообщая о восстании солдат в 7-й дивизии — об одном из многих и многих фактов разложения германских войск:

«...Они выбросили большинство своих офицеров из поезда, а около двадцати офицеров убили, в числе их и представителя (командующего войсками) генерала Крауса его превосходительство генерала Гофмана».

Задолго до того как Германия потерпела поражение на Западном фронте, она потерпела крах в районах, отторгнутых от Советской России.

Под ударами украинских повстанцев и частей Красной Армии около 300 тысяч оккупантов кинулись в паническое

бегство. В ноябре 1918 года в Эстонии вновь была провозглашена Советская власть. В Латвии рабочие и крестьяне при содействии Красной Армии также прогнали оккупантов, белогвардейцев и вторично установили власть Советов. В Литве и Белоруссии красные части вымели вон немецкие полчища. Оставляя артиллерию, кидая по дороге награбленное, голодные и оборванные, редеющие с каждым днем германские войска, как некогда жалкие остатки наполеоновских полчищ, окруженные всеобщим презрением, уходили домой под непрерывными ударами повстанцев и Красной Армии.

Германские империалисты хотели войны — и они ее получили. Но они мечтали о победе, а получили поражение. Вместо славы и могущества война принесла им позор и разгром. Германские империалисты захватили Украину, Белоруссию, Прибалтику, но восставший народ под руководством партии Ленина — Ставки поднял отечественную войну против немецких оккупантов и вымел их вон.

Предшественники современного фашизма мечтали о захвате новых колоний, но потеряли и те, что имели. Вильгельмовские генералы хотели задушить молодую Советскую республику и навязали нам грабительский, насильнический Брестский мир, но Советская республика выдержала натиск, победила и аннулировала грабительский мирный договор.

Таковы уроки 1918 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. Александр Невский и его победы над шведами и немцами. Профессор В. Н. Бочкарев	5
2. Дмитрий Донской и разгром хана Мамая в 1380 г. Профессор В. Н. Бочкарев	27
3. Минин и Пожарский. Профессор К. В. Базилевич	44
4. Разгром немецкой армии русскими войсками в Семилетней войне и взятие Берлина. Профессор К. В. Базилевич	65
5. Великий русский полководец Александр Суворов. К. Осипов	88
6. Отечественная война 1812 года и Михаил Илларионович Кутузов. Академик, лауреат Сталинской премии Е. В. Тарле	104
7. Героическая оборона Севастополя. Академик, лауреат Сталин- ской премии Е. В. Тарле	114
8. Брусиловский прорыв 1916 года. Генерал-майор Н. А. Та- ленский	126
9. Борьба советских народов с немецкими оккупантами в 1918 го- ду. Член-корреспондент Академии Наук СССР, лауреат Сталинской премии И. И. Минц	145

Редактор Е. Н. Герасимов

Технический редактор Е. Н. Еремеева

Корректор М. С. Тепер

Г110839.

Подписано к печати 11.8.43.

Объем 10 п. л.

8,8 уч.-авт. л.

В 1 п. л. 39 000 тип. экз.

Зак. 474,

1-я типография Управления Во издата НКО
имени С. К. Тимошенко

Цена ~~2 р.~~ 50 н.

42

